

16+

ISSN 2618-8775

ВЕСТНИК
АРМАВИРСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ПЕДАГОГИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

№ 4

2024

Журнал включен
Высшей аттестационной комиссией
в Перечень ведущих рецензируемых
научных журналов и изданий,
в которых должны быть опубликованы
основные научные результаты диссертаций
на соискание ученой степени
доктора и кандидата наук

АРМАВИР

ISSN 2618-8775

BULLETIN
OF ARMAVIR STATE
PEDAGOGICAL UNIVERSITY

№ 4

2024

**The magazine is inscribed
by the Higher Certifying Commission
on the index of leading reviewing
scientific periodicals for publications
of main dissertation research results
for competition of academic degree
of Doctor and Candidate of Science**

ARMAVIR

**ВЕСТНИК АРМАВИРСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО ПЕДАГОГИЧЕСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА**

№ 4

2024

Главный редактор

Ветров Юрий Павлович, доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой отечественной и всеобщей истории ФГБОУ ВО «Армави́рский государственный педагогический университет»

Заместитель главного редактора

Панарин Андрей Анатольевич, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры отечественной и всеобщей истории ФГБОУ ВО «Армави́рский государственный педагогический университет»

Редакционная коллегия

Бакланов Игорь Спартакович, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии гуманитарного института ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет»

Везиров Тимур Гаджиевич, доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры методики преподавания математики и информатики ФГБОУ ВО «Дагестанский государственный педагогический университет»

Галустов Роберт Амбарцумович, доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры теории, истории педагогики и образовательной практики ФГБОУ ВО «Армави́рский государственный педагогический университет»

Говердовская Елена Валентиновна, доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой гуманитарных дисциплин и биоэтики Пятигорского медико-фармацевтического института-филиала ФГБОУ ВО «Волгоградский государственный медицинский университет Минздрава России»

Дударев Сергей Леонидович, доктор исторических наук, профессор, член Русского географического общества

Дьякова Елена Анатольевна, доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры математики и естественно-научных дисциплин ФГБОУ ВО «Армави́рский государственный педагогический университет»

Елисеев Владимир Константинович, доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой психологии, педагогики и специального образования Института психологии и образования ФГБОУ ВО «Липецкий государственный педагогический университет имени П.П. Семенова-Тянь-Шанского»

Зеленко Наталья Васильевна, доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры технологии и трудового воспитания ФГБОУ ВО «Армави́рский государственный педагогический университет»

Изропуло Ирина Федоровна, доктор педагогических наук, профессор, ведущий научный сотрудник кафедры педагогики и психологии профессионального образования ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет»

Клычников Юрий Юрьевич, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры исторических и социально-философских дисциплин, востоковедения и теологии ФГБОУ ВО «Пятигорский государственный университет»

Коваленко Виктор Иванович, доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры педагогики и методики профессионального образования ГБОУ ВО «Белгородский государственный институт искусств и культуры»

Кокаева Ирина Юрьевна, доктор педагогических наук, кандидат биологических наук, доцент, профессор кафедры начального и дошкольного образования ФГБОУ ВО «Северо-Осетинский государственный университет имени К.Л. Хетагурова»

«ВЕСТНИК
АРМАВИРСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
ПЕДАГОГИЧЕСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА»

НАУЧНЫЙ
ЖУРНАЛ

2024 г.

№ 4

*Выходит
4 раза в год
г. Армавир
Краснодарский
край*

**УЧРЕДИТЕЛЬ:
ФГБОУ ВО
«Армави́рский
государственный
педагогический
университет»**

Web site:
<http://vestnik.agpu.net/>
E-mail:
vagpu@mail.ru

Свидетельство
о регистрации
средства массовой
информации
ПИ № ФС 77-72831
от 17 мая 2018 года

УДК 378
ББК 74.58
В 38

ISSN 2618-8775

© Авторы статей

Котлярова Виктория Валентиновна, доктор философских наук, доцент, профессор кафедры социально-гуманитарных дисциплин Института сферы обслуживания и предпринимательства (филиала) ФГБОУ ВО «Донской государственный технический университет» в г. Шахты Ростовской области

Лукаш Сергей Николаевич, доктор педагогических наук, доцент, профессор кафедры теории, истории педагогики и образовательной практики ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет»

Матвеев Владимир Александрович, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры отечественной истории XX–XXI веков ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет»

Панарина Елена Владимировна, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры отечественной и всеобщей истории ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет»

Пелих Алексей Леонидович, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры отечественной и всеобщей истории ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет»

Положенкова Елена Юрьевна, доктор философских наук, доцент, профессор кафедры социально-гуманитарных дисциплин Института сферы обслуживания и предпринимательства (филиала) ФГБОУ ВО «Донской государственный технический университет» в г. Шахты Ростовской области

Похилько Александр Дмитриевич, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры основ российской государственности ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет»

Приймак Юрий Владимирович, доктор исторических наук, доцент, декан исторического факультета ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет»

Пчелина Ольга Викторовна, доктор философских наук, доцент, профессор кафедры социальных наук и технологий ФГБОУ ВО «Поволжский государственный технологический университет»

Равочкин Никита Николаевич, доктор философских наук, доцент, профессор кафедры истории, философии и социальных наук ФГБОУ ВО «Кузбасский государственный технический университет имени Т.Ф. Горбачева»; профессор кафедры педагогических технологий ФГБОУ ВО «Кузбасский государственный аграрный университет имени В.Н. Полецкова»

Родионова Валентина Ивановна, доктор философских наук, доцент, профессор кафедры социально-гуманитарных дисциплин Института сферы обслуживания и предпринимательства (филиала) ФГБОУ ВО «Донской государственный технический университет» в г. Шахты Ростовской области

Руденко Андрей Михайлович, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой социально-гуманитарных дисциплин Института сферы обслуживания и предпринимательства (филиала) ФГБОУ ВО «Донской государственный технический университет» в г. Шахты Ростовской области

Спирина Валентина Ивановна, доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры психологии и коррекционной педагогики ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет»

Тер-Аракельянц Владимир Аракелович, доктор философских наук, доцент, заведующий кафедрой православной культуры и теологии ФГБОУ ВО «Донской государственный технический университет»

Тришатская Ольга Гавриловна, доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой управления образованием ГБУ ДПО РО «Ростовский институт повышения квалификации и профессиональной переподготовки работников образования»

Федоровский Александр Петрович, доктор философских наук, профессор, проректор по науке и связям с общественностью АНО «Северо-Кавказский социальный институт»

Шнайдер Владимир Геннадьевич, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры гуманитарных дисциплин Армавирского механико-технологического института (филиала) ФГБОУ ВО «Кубанский государственный технологический университет»

Международные члены редакционной коллегии

Согоян Спартак Сергеевич, доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры математики, физики и информационных технологий Ширакского государственного университета имени М. Налбандяна (Армения)

Ответственный редактор

Белоусова Анна Олеговна, начальник редакционно-издательского отдела ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет»

Технический редактор

Зданевич Лилия Владиславовна, редактор редакционно-издательского отдела ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет»

СОДЕРЖАНИЕ

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Андриенко Ю.Е., Галустов Р.А., Капиева К.Р.

Социально-психологические проблемы ценностно-мотивационного аспекта профессиональной подготовки будущих учителей 9

Дьякова Е.А.

Демонстрационный экзамен в структуре оценочной деятельности в педагогическом вузе 15

Елпашев С.Ю.

Антикоррупционное воспитание в системе военного образования 24

Калашиников Г.А.

Организация и развитие системы наставничества как эффективной формы обеспечения профессионального становления молодых специалистов и их закрепления в проектных организациях 32

Коваленко В.И., Цзяо Чжэн

Концептуальные основания формирования образовательного опыта будущих педагогов-хореографов в вузах России и Китая 41

Колядюк М.А.

Основные подходы к профессиональной подготовке будущих учителей иностранных языков 50

Максютова Н.Н., Золотых Н.В.

Повышение цифровой культуры педагогов СПО в рамках реализации федерального проекта «Профессионалитет» 57

Музалева Д.А.

Педагогические условия формирования профессиональных компетенций педагогов-психологов в вузе 67

Педенко Е.И.

О развитии художественного мышления будущих веб-дизайнеров в образовательной среде технического колледжа 75

Тамашина Я.Н.

Анализ понятия «креативность» как основа педагогического исследования формирования креативного мышления школьников 85

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

Алёшин Ю.Д.

Вероисповедные особенности казачьего христианства и их влияние на отношения с имперскими властями 97

Безруков А.А., Безрукова Е.С.

Об общих подходах историков и литературоведов к пониманию смысла истории России 108

Колесников И.Н., Каспарян К.В., Павлюк С.В. Русская православная церковь в конце X – первой трети XVI вв.: специфика взаимодействия с государственной властью	116
Малахов С.Н., Малахова А.С. «Готовьтесь к штурму Рождества!»: антирождественские кампании в Армавирском округе (1925–1929 гг.)	127
Матвеев В.А. Необходимость федерализации восточнославянского сообщества как этнополитическая реальность Российской империи	146
Панарин А.А., Панарина Е.В. Использование дополнительных источников продуктов питания на Северном Кавказе в годы Великой Отечественной войны	156
Пахлян Н.М. Совершенствование советской системы социального обеспечения и ее развитие в Краснодарском крае во второй половине 1950-х – первой половине 1960-х гг.	166
ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ	
Бакланова О.А., Бакланов И.С., Пчелина О.В. Последствия процессов цифровизации пространства современной социальности	174
Губанова М.А. Научная коммуникация педагога-исследователя в современном российском обществе	183
Равочкин Н.Н., Закиров С.А. Медиарепрезентации шахмат в контексте трансформации коммуникаций: социально-философский анализ	190
Руденко А.А. Сущность и экспликации экзистенциала счастья человека в социально-гуманитарном знании	198
Руденко А.М., Горина С.А. Влияние смысложизненного самоопределения на жизненный путь человека в социокультурной реальности XXI века	207
Руденко А.М., Партышев И.Ю. Социокультурная специфика трансформаций современной войны	216
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	224
ИНФОРМАЦИОННОЕ ПИСЬМО для авторов журнала «Вестник Армавирского государственного педагогического университета»	232

CONTENTS

PEDAGOGICAL SCIENCES

<i>Andrienko Yu.E., Galustov R.A., Kapieva K.R.</i> Social and Psychological Problems of the Value-Motivational Aspect of Professional Training of Future Teachers	9
<i>Djakova E.A.</i> A Demonstration Exam in the Structure of Evaluation Activities at a Pedagogical University	15
<i>Elpashev S.Y.</i> Anti-corruption Education in the Military Education System	24
<i>Kalashnikov G.A.</i> Organization and Development of the Mentoring System as an Effective Form of Ensuring the Professional Development of Young Specialists and Their Retention in Project Companies	32
<i>Kovalenko V.I., Jiao Zheng</i> Conceptual Basis for Forming the Educational Experience of Future Teachers and Choreographers in Universities of Russia and China	41
<i>Kolyadyuk M.A.</i> Main Approaches to Professional Training of Future Foreign Language Teachers	50
<i>Maksyutova N.N., Zolotykh N.V.</i> Improving the Digital Culture of Vocational Education Teachers Within the Framework of the Federal Project "Professionalitet"	57
<i>Muzaleva D.A.</i> Pedagogical Conditions for Forming Professional Competencies of Teachers-Psychologists at University	67
<i>Pedenko E.I.</i> On the Development of Artistic Thinking of Future Web Designers in the Educational Environment of the Technical College	75
<i>Tamashina Ya.N.</i> The Analysis of the Concept of "Creativity" as the Basis of Pedagogical Research on the Formation of Creative Thinking of Students	85

HISTORICAL SCIENCES

<i>Aleshin Yu.D.</i> Religious Features of Cossack Christianity and Their Influence on Relations With the Imperial Authorities	97
<i>Bezrukov A.A., Bezrukova E.S.</i> On General Approaches of Historians and Literary Scientists to Understanding the Meaning of Russian History	108

<i>Kolesnikov I.N., Kasparyan K.V., Pavlyuk S.V.</i>	
The Russian Orthodox Church at the End of the Tenth and First Third of the Sixteenth Centuries: the Specifics of Interaction With State Power	116
<i>Malakhov S.N., Malakhova A.S.</i>	
"Prepare for the Storm of Christmas!": Anti-Christmas Campaigns in the Armavir District (1925–1929)	127
<i>Matveev V.A.</i>	
The Need for Federalization of the East Slavic Community as an Ethnopolitical Reality of the Russian Empire	146
<i>Panarin A.A., Panarina E.V.</i>	
The Use of Additional Food Sources in the North Caucasus During the Great Patriotic War	156
<i>Pakhlian N.M.</i>	
Improvement of the Soviet Social Security System and Its Development in the Krasnodar Territory in the Second Half of the 1950s – the First Half of the 1960s	166
PHILOSOPHICAL SCIENCES	
<i>Baklanova O.A., Baklanov I.S., Pchelina O.V.</i>	
Consequences of Digitalization Processes of the Space of Modern Sociality	174
<i>Gubanova M.A.</i>	
Scientific Communication of a Teacher-Researcher in Modern Russian Society	183
<i>Ravochkin N.N., Zakirov S.A.</i>	
Media Representations of Chess in the Context of Communication Transformation: a Social and Philosophical Analysis	190
<i>Rudenko A.A.</i>	
The Essence and Explications of the Existential of Human Happiness in Social and Humanitarian Knowledge	198
<i>Rudenko A.M., Gorina S.A.</i>	
Influence of Life-Meaning Self-Determination on the Life Path of a Person in the Socio-Cultural Reality of the XXI Century	207
<i>Rudenko A.M., Partyshev I.Y.</i>	
Sociocultural Specificity of Transformations of a Modern War	216
INFORMATION ABOUT THE AUTHORS	224
NEWSLETTER to the authors of "THE BULLETIN OF ARMAVIR STATE PEDAGOGICAL UNIVERSITY"	232

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

PEDAGOGICAL SCIENCES

УДК 378.146:53

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ЦЕННОСТНО-МОТИВАЦИОННОГО АСПЕКТА ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ БУДУЩИХ УЧИТЕЛЕЙ

Ю.Е. Андриенко, Р.А. Галустов, К.Р. Капиева

SOCIAL AND PSYCHOLOGICAL PROBLEMS OF THE VALUE-MOTIVATIONAL ASPECT OF PROFESSIONAL TRAINING OF FUTURE TEACHERS

Yu.E. Andrienko, R.A. Galustov, K.R. Kapieva

Аннотация. В статье рассматриваются пути формирования ценностно-мотивационного аспекта профессиональной подготовки будущих учителей, компоненты модели развития у студентов педагогического вуза мотивации к профессиональной деятельности в новых социально-экономических явлениях. Определены этапы реализации технологического обеспечения развития у студентов педагогического вуза мотивации профессиональной деятельности в новых социально-экономических явлениях.

Abstract. The article considers the ways of forming the value-motivational aspect of professional training of future teachers, components of the model of development of students of a pedagogical university motivation for professional activity in new socio-economic phenomena. The stages of implementation of technological support for the development of students of a pedagogical university motivation for professional activity in new socio-economic phenomena are determined.

Ключевые слова: ценностно-мотивационный аспект, профессиональная подготовка, социально-психологическая проблема.

Keywords: value-motivational aspect, professional training, socio-psychological problem.

Современные социально-экономические условия, обуславливающие невысокий общественный статус педагогического труда, указывают на проблемы с формированием ценностно-мотивационного начала профессиональной подготовки будущих учителей. Однако многофункциональность педагогической деятельности современного учителя предполагает обладание им достаточно широким спектром профессиональных компетенций, умением адаптироваться под конкретные запросы учебно-воспитательного процесса, моделировать, комбинировать, конструировать педагогический процесс, нести ответственность за свои действия, выстраивать субъект-субъектные отношения с учащимися.

Профессиональная мотивация личности на этапе обучения в вузе является важнейшим фактором, побуждающим и направляющим будущего педагога на активное изучение учебных дисциплин и становления себя как субъекта будущей педагогической деятельности [5].

Модель развития у студентов педагогического вуза мотивации к профессиональной деятельности в новых социально-экономических условиях представляет собой комплекс структурных и содержательных компонентов, обеспечивающих на основе системной работы преподавателей вуза и школьных педагогов реализацию технологического обеспечения развивающей работы, а также соответствующих психолого-педагогических, организационно-педагогических и технолого-педагогических условий.

В качестве компонентов модели выступают педагогические условия, этапы развития у студентов – будущих педагогов мотивации к профессиональной деятельности (вводно-ознакомительный – 1-й курс; действенно-операционный – 2-й курс; содержательно-деятельностный – 3-й курс; ценностно-смысловой – 4-й курс), направления совместной деятельности преподавателей вуза и школьных педагогов по проектированию и реализации технологического обеспечения развития у студентов мотивации к профессиональной деятельности (информационно-аналитическое, организационно-управленческое и содержательно-методическое), результат реализации педагогических условий и технологического обеспечения развития у студентов педагогического вуза мотивации к будущей профессиональной деятельности в современных социально-экономических условиях (социально-психологический, когнитивный, деятельностный критерии развития, диагностические методики, уровни развития мотивации, динамика которых в рамках эксперимента позволяет оценить его результативность) [1].

Технологическое обеспечение развития у студентов педагогического вуза мотивации к будущей профессиональной деятельности в современных социально-экономических условиях реализуется на вводно-ознакомительном, действенно-операционном, содержательно-деятельностном и ценностно-смысловом этапах.

Реализация технологического обеспечения требует создания координационного объединения преподавателей и школьных педагогов – проблемной группы, в задачи которой входит:

- на первом этапе – выявление совокупности проблем, для решения которых формируется учебно-развивающая программа, устанавливается последовательность выполнения задач с учетом достигнутых результатов на каждом из этапов развивающей работы;
- на втором этапе – проектирование и осуществление комплекса учебных и учебно-профессиональных мероприятий в рамках технологического обеспечения, реализация которых способствует достижению взаимосвязанных задач по развитию у студентов мотивации к профессиональной деятельности в рамках дисциплин образовательной программы, в процессе прохождения разных видов практик, участия в психолого-педагогических занятиях;

- на третьем этапе – оперативная координация процессом развития у студентов мотивации к профессиональной деятельности с учетом достигнутых результатов на каждом из этапов развивающей работы.

Для подготовки преподавателей вуза и школьных педагогов к работе в команде при проектировании и реализации вышеназванного технологического обеспечения реализуется цикл проблемных семинаров на тему «Развитие у студентов – будущих педагогов мотивации к профессиональной деятельности» (актуализация у участников ценностно-смыслового отношения к проектированию и реализации технологического обеспечения развития у студентов – будущих педагогов мотивации к профессиональной деятельности; усиление теоретической подготовленности участников к проектированию и реализации технологического обеспечения развития у студентов – будущих педагогов мотивации к профессиональной деятельности; овладение методами, необходимыми для проектирования и реализации технологического обеспечения развития у студентов профессиональной мотивации в рамках дисциплин образовательной программы, в процессе прохождения разных видов практик, участия в психолого-педагогических занятиях).

Для обеспечения совместной работы преподавателей вуза и школьных педагогов реализуется цикл семинаров «Технологическое обеспечение развития у студентов – будущих педагогов мотивации к профессиональной деятельности» (1-й блок – выявление содержательного аспекта технологического обеспечения развития у студентов – будущих педагогов мотивации к профессиональной деятельности; 2-й блок – разработка методической составляющей технологического обеспечения развития у студентов – будущих педагогов мотивации к профессиональной деятельности, а также построение технологической карты дисциплин образовательной программы и профессионально ориентированных видов практик; 3-й блок – контроль и оценка эффективности реализуемого участниками ПГС технологического обеспечения развития у студентов – будущих педагогов мотивации к профессиональной деятельности по итогам каждого из этапов развивающей работы).

В рамках изучения студентами дисциплин образовательной программы, содержание которых направлено на мотивационную составляющую профессиональной подготовки и создание условий для творческой самореализации, самостоятельности и активности в учебном процессе, выстраивалась такая система обучения, в которой студентам предоставлялась возможность определить свое место в профессиональной деятельности, осознать себя и свои возможности, принять социальную значимость будущей профессии, а также осознать широкие возможности для самосовершенствования, саморазвития и самоутверждения в педагогической деятельности.

Так, в процессе изучения дисциплины «Введение в педагогическую деятельность» студентами составлены индивидуальные образовательные маршруты, отражающие основные структурно-содержательные и динамические характеристики профессиональной подготовки и роль студента в процессе

обучения, в конце семестра внесены коррективы; преподавателями использованы технологии позиционного обучения при изучении отдельных тем, проведена бинарная лекция с участием школьного педагога; проведен творческий конкурс «Выпуск педагогической газеты». При изучении других дисциплин в рамках эксперимента также была усилена мотивационная направленность содержания и методического сопровождения [2].

В организации практик на протяжении всего периода обучения в вузе соблюдалась преемственность и последовательность. Вариативность заданий во время прохождения обеспечивала разностороннее вовлечение студентов в учебно-профессиональную, оценочно-дискуссионную, рефлексивную и иные виды деятельности. Новшеством было введение технологии позиционного обучения в организации итоговой конференции на 4-м курсе обучения. Студенты выступали не только как практиканты, но и как эксперты, педагоги, ученики, вследствие чего у них развивалась способность различать и воспроизводить данные позиции в собственном сознании, анализировать педагогические проблемы с разных позиций, использовать специфический субъектный ресурс в конкретном случае. Также обозначение позиций было при анализе трудностей и проблем, с которыми студенты столкнулись в ходе практики. Такая работа позволяла находить пути решения проблем с разных позиций и реализовать самоопределение студентов – будущих педагогов в стратегии профессионального поведения педагога. Итоговая конференция по результатам практики была проведена в форме круглого стола, где в совместной работе студентов, преподавателей и школьных педагогов были обобщены основные проблемы, с которыми столкнулись студенты на производственной практике (демонстрировались уже отрефлексированные проблемы, предлагался опыт их решения), проведен итоговый анализ совместной работы и обоснование необходимых изменений в профессиональной подготовке будущих педагогов, подходах к организации педагогических практик.

Еще одним направлением развивающей работы были психолого-педагогические занятия, в рамках которых по запросу студентов проводились тренинги мотивации, самомотивации, тренинговые упражнения и ролевые игры, способствующие формированию представления об успехе, успешности и деятельности достижения, развитию адекватной самооценки и уровня притязаний, ответственность за свои действия, поступки и поведение; трансформации мотива достижения успеха в пространство лично значимых мотивов, активизации мотива достижения успеха в учебной и учебно-профессиональной деятельности [4].

Для проверки эффективности формирующей работы разработана критериально-оценочная база исследования, которая включает в себя критерии, показатели и уровни развития когнитивного, социально-психологического и деятельностного критериев развития мотивации к профессиональной деятельности, а также методику измерения данных критериев.

Определение уровня сформированности социально-психологического критерия опиралось на результаты психологических диагностик и дополнялось

оценкой преподавателей и школьных педагогов по результатам наблюдения за деятельностью студентов и бесед с ними.

Для определения уровня сформированности когнитивного и деятельностного критериев использовался метод количественной обработки результатов. Количественные показатели когнитивного и деятельностного критериев определялись с помощью карты фиксации оценки. Результаты оценивания на определенном отрезке эксперимента также предоставлялись преподавателями и школьными педагогами для анализа в ПГС.

Обобщенные результаты эксперимента продемонстрировали яркую динамику количества студентов экспериментальной группы со средним и высоким уровнем сформированности названных критериев. Организация индивидуализированного образовательного процесса, учет индивидуальных особенностей студентов, использование потенциала командной работы преподавателей вуза и педагогов, сопровождающих студентов в процессе профессионально ориентированных практик в образовательных организациях, позволяет создать комфортные условия для подготовки высокомотивированных педагогов, готовых к самостоятельной и ответственной педагогической деятельности в современной школе.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Андриенко, Ю. Е. Моделирование развития мотивации студентов педагогического вуза к будущей профессиональной деятельности / Ю. Е. Андриенко, Р. А. Галустов. – Текст : непосредственный // Перспективы науки. – 2022. – № 5 (152). – С. 170–172.

2. Гузанов, Б. Н. Профессиональная мотивация студентов вуза в процессе интегрированного производственного обучения : монография / Б. Н. Гузанов, А. С. Кривоногова. – Екатеринбург : РГППУ, 2016. – 222 с. – Текст : непосредственный.

3. Капиева, К. Р. Научно-методические предпосылки проблемы создания студенческой семьи в образовательной среде вуза / К. Р. Капиева. – Текст : непосредственный // Проблемы современного педагогического образования. – 2024. – № 84-4. – С. 69–73.

4. Маркова, А. К. Психология профессионализма / А. К. Маркова. – М. : Знание, 2006. – 308 с. – Текст : непосредственный.

5. Митина, Л. М. Психология развития конкурентоспособной личности / Л. М. Митина. – М. : МПСИ ; Воронеж : МОДЭК, 2002. – 400 с. – Текст : непосредственный.

REFERENCES

1. Andriyenko Yu. E., Galustov R. A. Modeling the development of motivation of students of a pedagogical university for future professional activity. *Perspektivy nauki = Prospects of Science*, 2022, no. 5 (152), pp. 170–172. (In Russian).

2. Guzanov B. N., Krivonogova A. S. *Professional'naya motivaciya studentov vuzov v processe integrirovannogo proizvodstvennogo obucheniya* [Professional motivation of university students in the process of integrated industrial training]. Ekaterinburg, RSPPU, 2016. 222 p. (In Russian).

3. Kapiyeva K. R. Scientific and methodological prerequisites for the problem of creating a student family in the educational environment of the university. *Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya = Problems of modern pedagogical education*, 2024, no. 84-4, pp. 69–73. (In Russian).

4. Markova A. K. *Psihologiya professionalizma* [Psychology of professionalism]. М., Znanie, 2006. 308 p. (In Russian).

5. Mitina L. M. *Psihologiya razvitiya konkurentosposobnoj lichnosti* [Psychology of development of competitive personality]. М., MPSI; Voronezh, MODEK, 2002. 400 p. (In Russian).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Андриенко Ю. Е. Социально-психологические проблемы ценностно-мотивационного аспекта профессиональной подготовки будущих учителей / Ю. Е. Андриенко, Р. А. Галустов, К. Р. Капиева. – Текст : непосредственный // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. – 2024. – № 4. – С. 9–14.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Andrienko Yu. E., Galustov R. A., Kapiyeva K. R. Social and Psychological Problems of the Value-Motivational Aspect of Professional Training of Future Teachers / Yu. E. Andrienko, R. A. Galustov, K. R. Kapiyeva // The Bulletin of Armavir State Pedagogical University, 2024, no. 4, pp. 9–14. (In Russian).

УДК 378.146:53

**ДЕМОНСТРАЦИОННЫЙ ЭКЗАМЕН
В СТРУКТУРЕ ОЦЕНОЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
В ПЕДАГОГИЧЕСКОМ ВУЗЕ**

Е.А. Дьякова

**A DEMONSTRATION EXAM
IN THE STRUCTURE OF EVALUATION ACTIVITIES
AT A PEDAGOGICAL UNIVERSITY**

E.A. Djakova

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы совершенствования оценки качества подготовки выпускников педагогических вузов. Обоснована необходимость использования демонстрационного экзамена в рамках промежуточной и итоговой аттестации. Предложена модель процесса оценочной деятельности при диагностике профессиональной готовности будущего учителя, обсуждаются принципы, условия, содержание, критерии и особенности реализации демонстрационного экзамена по методике обучения предмету в рамках промежуточной аттестации.

Abstract. The article discusses the problems of improving the assessment of the quality of training graduates of pedagogical universities. The necessity of using a demonstration exam in the framework of intermediate and final certification is justified. A model of the evaluation process is proposed for the diagnosis of the professional readiness of a future teacher, the principles, conditions, content, criteria and features of the implementation of a demonstration exam on the teaching methodology of the subject within the framework of intermediate certification are discussed.

Ключевые слова: подготовка учителя, оценочная деятельность, демонстрационный экзамен, промежуточная аттестация.

Keywords: teacher training, assessment activities, demonstration exam, intermediate certification.

Роль учителя в развитии страны осознается во всем мире. Он является тем начальным звеном, без которого невозможно получение высококвалифицированных кадров для любого сектора экономики, науки, здравоохранения и т. д. Поэтому во многих исследованиях, включая зарубежные, отмечается необходимость совершенствования системы педагогического образования, чтобы она отвечала современным реалиям, успевала за быстрыми изменениями в решаемых задачах, в развитии технологий [3; 4; 10; 16 и др.]. Это касается и процедур диагностики образовательных результатов, в профессиональных образовательных учреждениях – компетенций.

Компетенция – понятие сложносоставное. В нее входят не только знания и умения, наличие которых относительно легко проверить, но и опыт, ценностные отношения, определенные качества личности. Каждому преподавателю

педвуза известны случаи, когда прекрасно подготовленный студент не может работать в школе, т. к. этому препятствуют качества личности (застенчив, плохо говорит, не умеет управлять эмоциями и пр.), которые можно обнаружить лишь в реальной производственной ситуации. Учебный процесс и кратковременная практика не всегда позволяет обнаружить эти качества, а длительная практика может нанести вред результативности подготовки учащихся. Работодатель же (директор школы) хочет видеть у себя эффективного специалиста. Кроме того, нужна независимая оценка готовности будущего учителя к профессиональной деятельности.

В отечественном образовании, как отмечает П.А. Жегин, не принято определять стартовую позицию выпускника вуза – то, с чем он приходит в профессию, лишь позже предусмотрена периодическая аттестация [3]. Семестровые экзамены в педвузе проводятся по билетам, в которых в наибольшей степени представлены теоретические вопросы, это относится и к специальным методическим дисциплинам. Но если раньше на практические занятия по ним отводилось достаточно времени, то за последние десятилетия общий объем аудиторных часов сократился, включая занятия, на которых разрабатываются и обсуждаются прикладные профессиональные решения. Таким образом, теория недостаточно подкреплена практикой, но и оценивается именно ее освоение.

Сложившаяся система промежуточной (семестровые экзамены) и государственной итоговой аттестации, включающей сдачу государственных экзаменов с теоретическими вопросами и прикладным (практико-ориентированным) заданием, не позволяет эффективно и своевременно оценивать и корректировать подготовку выпускников педвузов. На смену ей в диагностические механизмы профессиональной подготовки специалиста приходит демонстрация результатов этой подготовки потенциальным работодателям в реальном времени, включая проектирование различных аспектов учебного процесса [6].

Таким образом, существует проблема поиска путей своевременной (в динамике) диагностики сформированности компетенций педагога с целью возможной коррекции на более ранних этапах подготовки помимо педагогической практики. Одно из ее решений – привлечение экспертов к оценочной деятельности при проведении демонстрационного экзамена для будущих учителей [6].

Согласно последним документам, для выявления готовности выпускника к профессиональной деятельности в ходе практического применения умений и компетенций проводится демонстрация этой готовности экспертной комиссией, состоящей из преподавателей методики обучения, руководителей образовательных организаций, их заместителей и ведущих методистов по предмету.

С одной стороны, такой подход обеспечивает качество профессиональной подготовки в понимании качества как параметра, соотносимого с требованиями рынка труда, с профессиональными стандартами, с другой

стороны – для профессиональных сообществ открывается возможность инициативного включения в развитие высшего образования и в оценку его результатов.

Пилотные педвузы проводили апробацию демонстрационного экзамена для выпускников образовательных программ УГНС 44.00.00 Образование и педагогические науки начиная с 2021 года [1; 2; 5; 11 и др.]. Эта работа предоставила научно-педагогическим работникам материал для осмысления и обобщения. В частности, О.В. Воронушкина (АлтГПУ), характеризуя применение демонстрационного экзамена в ГИА, отмечает, что эффективность демонстрационного экзамена подтверждают как эксперты, так и преподаватели и студенты, но расходятся мнения о его структуре. В вузе в таком виде проводился как государственный экзамен, так и защита ВКР, а затем – и промежуточные экзамены. Преподаватели считают более предпочтительным проведение в рамках демонстрационного экзамена защиту ВКР. Работодатели «высоко оценили проведение демонстрационного экзамена на итоговом этапе профессиональной подготовки обучающихся, выразили уверенность в утверждении и распространении данного подхода в системе подготовки педагогических работников» [1, с. 10]. Студенты тоже приветствовали такую форму. Структура же демонстрационного экзамена, по мнению участников пилотного исследования, может быть различной, но определяться в соответствии с требованиями ОПОП и профессионального стандарта. А.М. Пирожникова, А.В. Шевкун (ЗабГУ) пишут, что демонстрационный экзамен выявил недостаточность практической подготовки (с точки зрения самих участников) [11]. Б.Е. Стариченко, Л.В. Сардак (УрГПУ), проведя анализ опыта реализации демонстрационного экзамена для будущих учителей в разных вузах, пришли к выводу, что его структура и содержание не должны повторять такой экзамен для уровня СПО (WorldSkills) и не должны обладать унификацией, предпочтительнее гибкая система (с общим «ядром»), учитывающая особенности подготовки в конкретном вузе (с чем мы согласны) [13]. Таким образом, в профессиональном сообществе не выработано единого подхода и обоснованных рекомендаций по реализации демонстрационного экзамена и подготовке к нему.

В ходе апробации новой формы оценки качества подготовки педагогических кадров пилотные вузы обеспечили технологию ее реализации определенной методической поддержкой: критериями оценки четырех видов грамотности (психолого-педагогическая, коммуникативно-цифровая, предметная, методическая), описанием механизмов проведения демоэкзамена и оценивания его результатов, методическими рекомендациями по подготовке к экзамену для студентов и по его проведению (для экспертов), а также глоссарием, программой обработки результатов экспертами. Выработаны требования к материально-техническому и организационно-техническому обеспечению условий проведения экзамена. Однако для студентов он является неожиданным форматом, впервые реализуемым в самом конце обучения (и скорректировать ничего нельзя).

Приобретенный небольшой опыт привел нас к необходимости исследовать проблему создания системы оценочной деятельности с использованием демонстрационного экзамена.

Однако демонстрационный экзамен может проводиться как в итоговой, так и в промежуточной аттестации. На наш взгляд, для будущих учителей целесообразно его проводить в рамках промежуточной по методике обучения предмету и некоторым другим методическим дисциплинам (Современные технологии обучения, Использование в процессе обучения предмету цифровых ресурсов, Особенности обучения в профильной школе и т. п.), где можно подготовить фрагмент урока или внеурочного мероприятия. Проведение промежуточного экзамена в таком формате преследует, в основном, те же цели, что и экзамена ГИА: продемонстрировать профессиональные компетенции, готовность студента к подготовке и реализации основного звена образовательного процесса (урока) или внеурочного мероприятия в соответствии с требованиями ФГОС, получить объективную независимую оценку достигнутых результатов от учителей-практиков, их рекомендации (эксперты обязательно комментируют состояние подготовки студентов, обращая внимание на те аспекты, которые требуют дополнительного внимания). К ним добавляется еще она – получить информацию о состоянии подготовки обучающегося для возможной ее коррекции. Поэтому механизмы подготовки к такому экзамену и особенности реализации должны быть иными (и они не должны быть «натаскиванием», как это случилось с ЕГЭ).

Итак, структура оценочной деятельности в педагогическом вузе при внедрении новой формы – демонстрационного экзамена – должна быть такой, чтобы:

- обеспечить преимущество оценочной деятельности в форме демонстрационного экзамена (демоэкзамена);
- обеспечить независимую оценку готовности выпускника к профессиональной деятельности, по меньшей мере, в области дисциплин методики обучения, не только на заключительном этапе, но и в рамках промежуточной аттестации (реализуя эффективную обратную связь), для чего ряд таких дисциплин должен заканчиваться демонстрационным экзаменом с привлечением экспертов;
- создать условия, при которых подготовка к демонстрационному экзамену по методическим дисциплинам проводилась бы в течение семестра с использованием разных форм организации деятельности (при этом сохраняется организация самого экзамена);
- оценивать сформированность теоретических знаний по рассматриваемым дисциплинам на промежуточной аттестации (тестирование до начала экзаменационной сессии с установлением обязательного порога для допуска);
- обеспечить коррекцию подготовки студентов после демонстрационного экзамена в рамках специального «гибкого» курса вариативной части (например, Избранные вопросы методики обучения) после семестрового

демоэкзамена, сочетающего в себе как ознакомление с последними инновациями, так и корректирование тех компонентов компетенций, недостаточную сформированность которых показал экзамен.

Система оценочной деятельности для обеспечения выявления динамики формирования готовности к профессиональной деятельности будущего учителя-предметника и своевременной ее коррекции будет включать семестровые зачеты и экзамены, часть последних (по методике обучения предмету) должна проводиться в виде демоэкзамена с предварительной сдачей (при необходимости) результатов теоретической подготовки в виде тестирования. Далее рассмотрим ту ее часть, которая связана с демонстрационным экзаменом.

Оценочная деятельность с использованием демонстрационного экзамена включает две части – первая связана с промежуточной аттестацией, вторая – с итоговой (Рисунок 1). Обе предполагают оценку результатов формирования готовности к профессиональной деятельности учителя-предметника на определенном этапе подготовки или по ее завершении.

Рис. 1 – Модель процесса оценочной деятельности при диагностике профессиональной готовности будущего учителя

Экзамен в первой части завершается коррекцией компонентов готовности, второй – внешней оценкой (руководства школы) в реальной профессиональной деятельности после вуза.

Установив с помощью экспертной комиссией недочеты в подготовке (эксперты должны дать краткие рекомендации конкретным студентам), преподаватель вносит коррективы в содержание специального курса коррекции, который должен помочь исправить эти недочеты к моменту итоговой аттестации (объединяются рекомендации по всем демоэкзаменам). Такой подход с эффективной обратной связью должен повысить качество подготовки выпускника педвуза.

Как правило, семестровый демонстрационный экзамен проводится по основному курсу методики обучения и 2–3 вариативным. Прокомментируем связанную с ним часть модели.

Принципы организации демонстрационного экзамена по методическим дисциплинам в рамках промежуточной аттестации:

- соединения теории и практики: решение прикладной методической задачи должно иметь теоретическое обоснование;
- вариативности: студентам должны быть предложены вариативные задания;
- приоритета активных и интерактивных методов, технологий и средств: обеспечения активности учащихся на уроке или внеурочном мероприятии.

Реализация этих принципов обеспечит представление студентами интересных и обоснованных проектных заданий. Конкретизируем их в виде условий:

- в задания к демоэкзамену по методической дисциплине необходимо включить разработку технологической карты урока с пояснениями по поводу выбора методов и средств, подготовку его фрагмента в соответствии с конкретными заданными условиями;
- целесообразно предлагать каждому студенту задания на выбор (три для разных классов или разделов, такие возможности есть), позволяя выбрать то, которое можно представить более качественно;
- в задания включать указание на организацию определенной деятельности, использование конкретных активных методов, технологий и средств, как того требует школьный ФГОС (при этом несколько сужается вариативность).

Содержание экзамена соответствует рабочей программе, в качестве критериев выбираем часть из тех, которые сформулированы для ГИА: предметная грамотность, методическая грамотность, коммуникативно-цифровая грамотность.

Механизмы и средства реализации заданий демоэкзамена соответствуют дисциплине (например, по методике обучения физике – использование оборудования для физических опытов).

Для демонстрационного экзамена ГИА принципы, требования и условия определены в методических рекомендациях [2] и ряде статей.

Построенная таким образом система оценки подготовки будущего учителя будет предоставлять более объективные результаты, главное, предоставит возможность для их своевременной коррекции.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Воронушкина, О. В. Демонстрационный экзамен в педагогическом вузе: первые результаты / О. В. Воронушкина. – Текст : непосредственный // Вестник Алтайского государственного педагогического университета. – 2023. – № 4 (57). – С. 7–16.
2. Воронушкина, О. В. Подготовка студентов педагогического вуза к демонстрационному (профессиональному) экзамену / О. В. Воронушкина, Л. А. Каирова, И. Ю. Кочешкова ; под научной редакцией О. В. Воронушкиной. – Барнаул : АлтГПУ, 2023. – 36 с. – Текст : непосредственный.
3. Жегин, П. А. От ученика к учителю: анализ механизмов вхождения в педагогическую профессию в ведущих образовательных системах / П. А. Жегин. – Текст : непосредственный // Мир науки, культуры и образования. – 2010. – № 6-1. – С. 194–197.
4. Жадаев, Ю. А. Особенности государственной итоговой аттестации выпускников педагогического вуза в условиях реализации профессионального стандарта педагога / Ю. А. Жадаев, А. В. Жадаева, В. А. Селезнев. – Текст : непосредственный // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2021. – № 10 (163). – С. 142–148.
5. Каирова, Л. А. Использование кейсов при проведении демонстрационного экзамена по профилю подготовки «Начальное образование» / Л. А. Каирова. – Текст : непосредственный // Мир науки, культуры, образования. – 2023. – № 4. – С. 161–164.
6. Концепция подготовки педагогических кадров для системы образования на период до 2030 года: распоряжение Правительства Российской Федерации от 24 июня 2022 г. № 1688-р. – URL: <http://government.ru/docs/all/141781/> (дата обращения: 05.11.2024).
7. Курнешова, Л. Е. Диагностика профессиональных компетенций педагогов в соответствии с профессиональным стандартом: обзор практик, методов, инструментов / Л. Е. Курнешова, Д. В. Дыдзинская. – Текст : непосредственный // Наука и школа. – 2016. – № 6. – С. 68–80.
8. Ляшевская, Н. В. Критериально-уровневое оценивание готовности молодых педагогов к осуществлению профессиональной деятельности / Н. В. Ляшевская, И. А. Маврина. – Текст : непосредственный // Научное обеспечение системы повышения квалификации кадров. – 2020. – № 2 (43). – С. 64–71.
9. Макеева, Т. В. Организация профессиональных (демонстрационных) экзаменов в системе высшего педагогического образования / Т. В. Макеева. – Текст : непосредственный // Проблемы современного педагогического образования. – 2022. – № 76-4. – С. 195–199.
10. Педагогические идеи и учения, практики и институты образования в истории человеческого общества и в современном мире : монография / Е. Н. Астафьева, Н. А. Асташова, Н. Б. Баранникова [и др.] ; под редакцией Г. Б. Корнетова ; Министерство образования Московской области, Академия социального управления. – М. : АСОУ, 2022. – 436 с. – Текст : непосредственный.

11. Пирожникова, А. М. Демонстрационный экзамен как инструмент независимой оценки качества в профессиональном образовании / А. М. Пирожникова, А. В. Шевкун. – Текст : непосредственный // Проблемы современного педагогического образования. – 2022. – № 77-3. – С. 208–211.

12. Safronova O. V., Fedotova O. D., Baier E. A. Demonstration exam as a new form of evaluation of educational achievements // *Pedagogical Journal*. – 2023. – No. 13 (12A). – Pp. 87–95. – DOI: 10.34670/AR.2024.29.75.052.

13. Стариченко, Б. Е. Особенности проведения демонстрационного экзамена в вузе / Б. Е. Стариченко, Л. В. Сардак. – Текст : непосредственный // Педагогическое образование в России. – 2023. – № 2. – С. 123–132.

14. Федотова, В. С. Праксиологические основы комплексной оценки готовности учителя к профессиональной деятельности в формате демонстрационного экзамена в высшем образовании / В. С. Федотова. – Текст : непосредственный // Отечественная и зарубежная педагогика. – 2024. – № 2 (98). – С. 86–108.

15. Чеховская, И. В. Демонстрационный экзамен как инновационный элемент государственной итоговой аттестации в системе среднего профессионального образования / И. В. Чеховская. – Текст : непосредственный // Наука и образование сегодня. – 2020. – № 6-2. – С. 74–76.

16. Preparing teachers for a changing world: What teachers should learn and be able to do / edited by L. Darling-Hammond, J. Bransford. – San Francisco, CA : Jossey-Bass, 2005. – 88 p.

REFERENCES

1. Voronushkina O. V. Demonstration exam in a pedagogical university: first results. *Vestnik Altajskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta = Bulletin of the Altai State Pedagogical University*, 2023, no. (57), pp. 7–16. (In Russian).

2. Voronushkina O. V., Kairova L. A., Kocheshkova I. Yu. *Podgotovka studentov pedagogicheskogo vuza k demonstracionnomu (professional'nomu) ekzameni* [Preparing students of a pedagogical university for a demonstration (professional) exam]. Barnaul, AltGPU, 2023. 36 p. (In Russian).

3. Zhegin P. A. From student to teacher: analysis of the mechanisms of entry into the teaching profession in the leading educational systems. *Mir nauki, kul'tury i obrazovaniya = The world of science, culture and education*, 2010, no. 6-1, pp. 194–197. (In Russian).

4. Zhadaev Yu. A., Zhadaeva A. V., Seleznev V. A. Features of the state final certification of graduates of a pedagogical university in the context of the implementation of the professional standard of a teacher. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta = Bulletin of the Volgograd State Pedagogical University*, 2021, no. 10 (163), pp. 142–148. (In Russian).

5. Kairova L. A. Using cases in conducting the Demonstration Exam in the training profile "Primary Education". *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya = The world of science, culture, education*, 2023, no. 4, pp. 161–164. (In Russian).

6. *Koncepciya podgotovki pedagogicheskix kadrov dlya sistemy obrazovaniya na period do 2030 goda: rasporyazhenie Pravitel'stva Rossijskoj Federacii ot 24 iyunya 2022 g. № 1688-r* [The concept of teacher training for the education system for the period up to 2030: decree of the Government of the Russian Federation dated June 24, 2022. No. 1688-r]. URL: <http://government.ru/docs/all/141781/>. (In Russian).

7. Kurneshova L. E., Dyzinskaya D. V. Diagnostics of professional competencies of teachers in accordance with the professional standard: a review of practices, methods, tools. *Nauka i shkola = Science and School*, 2016, no. 6, pp. 68–80. (In Russian).

8. Lyashevskaya N. V., Mavrina I. A. Criteria-level assessment of young teachers' readiness to carry out professional activities. *Nauchnoe obespechenie sistemy povysheniya kvalifikatsii kadrov = Scientific support for the system of advanced training of personnel*, 2020, no. 2 (43), pp. 64–71. (In Russian).

9. Makeeva T. V. Organization of professional (demonstration) examinations in the system of higher pedagogical education. *Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya = Problems of modern pedagogical education*, 2022, no. 76-4, pp. 195–199. (In Russian).

10. Astafieva E. N., Astashova N. A., Barannikova N. B. [et al.]. *Pedagogicheskie idei i ucheniya, praktiki i instituty obrazovaniya v istorii chelovecheskogo obshchestva i v sovremennom mire* [Pedagogical ideas and teachings, practices and institutions of education in the history of human society and in the modern world]. M., ASOU, 2022. 436 p. (In Russian).

11. Pirozhnikova A. M., Shevkun A. V. Demonstration exam as a tool for independent quality assessment in vocational education. *Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya = Problems of modern pedagogical education*, 2022, no. 77-3, pp. 208–211. (In Russian).

12. Safronova O. V., Fedotova O. D., Baier E. A. Demonstration exam as a new form of evaluation of educational achievements. *Pedagogical Journal*, 2023, no. 13 (12A), pp. 87–95. DOI: 10.34670/AR.2024.29.75.052.

13. Starichenko B. E., Sardak L. V. Features of the demonstration exam at the university. *Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii = Pedagogical education in Russia*, 2023, no. 2, pp. 123–132. (In Russian).

14. Fedotova V. S. Praxeological foundations of a comprehensive assessment of a teacher's readiness for professional activity in the format of a demonstration exam in higher education. *Otechestvennaya i zarubezhnaya pedagogika = Domestic and foreign pedagogy*, 2024, no. 2 (98), pp. 86–108. (In Russian).

15. Chekhovskaya I. V. Demonstration exam as an innovative element of the state final certification in the system of secondary vocational education. *Nauka i obrazovanie segodnya = Science and Education today*, 2020, no. 6-2, pp. 74–76. (In Russian).

16. *Preparing teachers for a changing world: What teachers should learn and be able to do*, edited by L. Darling-Hammond, J. Bransford. San Francisco, CA, Jossey-Bass, 2005. 88 p.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Дьякова, Е. А. Демонстрационный экзамен в структуре оценочной деятельности в педагогическом вузе / Е. А. Дьякова. – Текст : непосредственный // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. – 2024. – № 4. – С. 15–23.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Djakova E. A. A Demonstration Exam in the Structure of Evaluation Activities at a Pedagogical University / E. A. Djakova // The Bulletin of Armavir State Pedagogical University, 2024, no. 4, pp. 15–23. (In Russian).

УДК 37.012.4

АНТИКОРРУПЦИОННОЕ ВОСПИТАНИЕ В СИСТЕМЕ ВОЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ

С.Ю. Елпашев

ANTI-CORRUPTION EDUCATION IN THE MILITARY EDUCATION SYSTEM

S.Y. Elpashev

Аннотация. В статье исследуется педагогическая проблема антикоррупционного воспитания в системе военного образования. Автором проводится анализ зарубежного опыта формирования антикоррупционного поведения в странах с наименьшим показателем коррупции и выделяются их положительные аспекты. Сравнение зарубежного и отечественного опыта формирования антикоррупционного поведения позволяет выделить факторы, способствующие коррупционным проявлениям в России. Обсуждается формирование этических принципов и ценностей у военнослужащих и важность включения антикоррупционных программ и проектов в образовательный процесс. Также обсуждаются возможности сотрудничества образовательных учреждений с государственными и негосударственными организациями для борьбы с коррупцией. С учетом специфики деятельности Вооруженных сил России выделяются аспекты антикоррупционного поведения. Проведенное исследование позволило определить ряд направлений, работа в которых может способствовать более эффективному решению задач антикоррупционного воспитания в среде военнослужащих.

Abstract. The article studies the pedagogical problem of anti-corruption education in the system of military education. The author analyses foreign experience in the formation of anti-corruption behaviour in countries with the lowest corruption rate and highlights their positive aspects. The comparison of foreign and domestic experience in shaping anti-corruption behaviour makes it possible to identify the factors contributing to corruption manifestations in Russia. The formation of ethical principles and values among military personnel and the importance of including anti-corruption programmes and projects in the educational process are discussed. It also discusses how educational institutions can cooperate with governmental and non-governmental organizations in the fight against corruption. Taking into account the specifics of the activities of the Russian Armed Forces, aspects of anti-corruption behaviour are highlighted. The research has identified a number of areas that can contribute to a more effective solution of the problems of anti-corruption education among military personnel.

Ключевые слова: коррупция, уровень коррупции, антикоррупционное воспитание, моральный и профессионально-этический долг.

Keywords: corruption, level of corruption, anti-corruption education, moral and professional-ethical duty.

Противодействие коррупции в системе военного образования представляет собой процесс формирования у курсанта антикоррупционных знаний, а также устойчивых убеждений, что полученные знания приведут к такому

поведению, которое будет отвечать критериям антикоррупционных норм. Главным ядром антикоррупционного воспитания у курсанта, является интернализация, то есть формирование у курсанта внутренних моральных установок, которые требует антикоррупционное общество [2, с. 112].

Взаимосвязь образования и антикоррупционного воспитания налицо: «кризис российского образования вызывает проблемы с конструированием такого качества, как российская идентичность, что, в свою очередь, серьезно отражается на уровне воспитания российской молодежи: патриотизме, служении Отечеству, стремлении реализовать свои лучшие силы на благо своей Родины, служить ее интересам и целям» [4, с. 288]. Помимо этого, в Федеральном законе РФ от 25 декабря 2008 г. № 273 ФЗ «О противодействии коррупции», в качестве основной меры по профилактике коррупционного поведения обозначено формирование нетерпимости к коррупционным проявлениям в обществе и антикоррупционное воспитание.

Формирование такого антикоррупционного поведения у молодежи, послужит им, верным спутником в профессиональной сфере и в укреплении жизненных позиций. Однако из анализа нормативного и подзаконного законодательства государственных органов Российской Федерации можно заметить, что направление на коррупционные элементы в высшем и среднем звене управления в области защиты интересов граждан и государственных служащих, в том числе военнослужащих в Вооруженных силах Российской Федерации, не имеет нормативно-правовых основ.

Также не включены направления по противодействию коррупции в военных образовательных учреждениях и оборонном секторе. Совокупность обозначенных факторов актуализирует тему проводимого исследования.

В научной литературе коррупция изучается в рамках юридических, социологических, экономических и политических наук. Существует множество различных определений коррупции, но в наиболее общем смысле под коррупцией понимается наличие незаконной деятельности, направленной на получение личной выгоды путем использования преимуществ общественного положения. В социологии, определение коррупция раскрывается как социальное явление, связанное с недоверием к публичной власти и управлению в целом. В экономике коррупция определяется, как выполнение государственными служащими своих обязанностей с отклонением от принятых государством норм, а также как естественное явление, сопровождающее становление рыночных отношений. Определение коррупции с точки зрения политики, рассматривается как процесс формирования политической системы и влияние ее на общественное отношение [1, с. 45].

Зарубежные исследователи понимают феномен коррупции (в узком смысле) как ситуацию, когда один человек принимает незаконное решение (иногда это решение морально неприемлемо для общества), а другая сторона (например, компания, которая хочет обеспечить себя этим решением или распоряжением правительства вопреки установленным процедурам) получает от этого выгоду. При этом соблюдается ряд факторов: принимается решение,

нарушающее закон или неписанные социальные нормы, обе стороны действуют по взаимному согласию; обе стороны получают незаконные выгоды и преимущества, обе пытаются скрыть свои действия [14, с. 21; 15, с. 54].

В отечественной науке под коррупцией понимается «социальное явление, заключающееся в разложении власти, когда должностные лица, используют свое служебное положение, статус и авторитет занимаемой должности в корыстных целях для личного обогащения или в групповых интересах».

Обобщая совокупность взглядов на понимание коррупции можно обозначить общий для всех аспект: коррупция – это деятельность вопреки интересам общества и государства. В связи с этим мы можем говорить об антикоррупционном воспитании, как о взаимодействии правовых и моральных норм человека. С одной стороны, мы предполагаем формирование у курсанта правовых основ по борьбе с коррупцией, а с другой стороны, создание у человека внутренних антикоррупционных устоев как поступать и действовать, согласно сформированному антикоррупционному сознанию.

Рассматривая индекс восприятия коррупции международной организации Transparency International за 2022 год, мы видим, что за последние десять лет лидерами в борьбе с коррупцией остаются Дания – 90 баллов, Новая Зеландия – 87 баллов и Финляндия – 87 баллов.

Западные исследователи отмечают, что среди стран постсоветского пространства (страны СНГ) наибольший скачок за 10 лет совершила Армения – с 34 до 48 баллов. Значительно улучшил свои показатели Казахстан – с 28 до 36 баллов. На восемь баллов больше, чем десять лет назад, набрала Белоруссия (39 баллов). Всего на три пункта поднялась Молдавия (39 баллов). Кыргызстан набрал три пункта – с 24 до 27 баллов. Резкий скачок совершил Узбекистан, который набрал сразу с 17 до 31 балла. Индексы Грузии (с 52 до 56 баллов), Таджикистана (с 22 до 24 баллов) и Туркменистана (с 17 до 19 баллов) остались почти неизменными. Россия набрала 28 баллов и уже на протяжении 10 лет данный показатель не меняется. При этом группа стран понизила свой рейтинг, а именно: Азербайджан (с 27 до 23 баллов), Габон (с 35 до 29 баллов), Малави (с 37 до 34 баллов) и Мали (с 34 до 28 баллов).

Анализируя зарубежный опыт антикоррупционного воспитания в странах, где отмечается наименьший уровень коррупции, можно выделить следующие положительные аспекты:

- разработка программ антикоррупционного воспитания со школьного возраста (Австралия);

- формирование у активной молодежи твердой гражданской позиции в отношении коррупции, формирование нетерпимости к коррупционным проявлениям (программа «Образование против коррупции») (Дания, Литва);

- пропаганда знаний о негативных проявлениях коррупции в обществе, губительном влиянии на национальную безопасность (Финляндия).

В ходе проведенного сравнительного анализа статистических данных о выявленных коррупционных преступлениях в нашей стране за период

с 2019 по 2022 года (Таблица 1) мы обнаружили, что на протяжении четырех лет увеличивается количество коррупционных преступлений. Это свидетельствует о недостатках в области антикоррупционного воспитания.

Таблица 1

**Лица, осужденные за коррупционные преступления
в 2019–2022 гг.**

Период	Выявлено лиц, совершивших преступления экономической направленности	Обвинительные приговоры	Осуждено	Процент выявленных преступлений / осужденные
2019	44 237	15 562	8 479	35,18 / 19,7
2020	44 072	12 669	6 948	28,75 / 15,77
2021	53 717	15 162	8 595	28,23 / 16
2022	51 855	20 560	10 325	39,65 / 19,9

Негативные последствия коррупции проявляются во всех сферах жизни общества и государства. Ситуация в стране осложняется санкционной политикой и давлением западных стран на Россию. В данных условиях и с учетом проведения специальной военной операции, государство вынуждено увеличивать государственный бюджет, направлять силы и средства на противодействия санкционной политике и выполнение задач СВО, что приводит к ослаблению антикоррупционной политики и созданию благоприятного климата для роста коррупции.

Наиболее подвержены влиянию коррупции, в данных условиях, становятся вооруженные силы и оборонные предприятия страны. Коррупция может приводить к шпионажу, государственной измене, разглашению государственной тайны, раскрытию третьим лицам служебной тайны, закупке заведомо некачественной военной продукции, а также к созданию условий для проведения внешних и внутренних дестабилизации ВС РФ. В связи с этим противодействия коррупции в ВС РФ является одним из приоритетных направлений в обеспечении национальной обороны.

Основные преступления в Вооруженных силах Российской Федерации (ВС РФ) совершаются в оборонном секторе, где происходит взаимосвязь между коммерческими организациями и ВС РФ. Наиболее распространенными преступлениями в военной сфере, являются: ст. 290 УК РФ «Получение взятки»; ст. 291 УК РФ «Дача взятки»; ст. 291.1 «Посредничество во взяточничестве». Исследуя современную судебную статистику наказаний за уголовные преследования ст. 290, 291, 291.1 УК РФ в период 2016 по 2022 гг. (Таблица 2), мы можем сделать вывод, что в настоящее время по указанным преступлениям, наказания менее суровые и в основном закрываются штрафами и условным ограничением свободы.

Таблица 2

**Меры наказания, применяемые за уголовные преследования
по ст. 290, 291 и 291.1 УК РФ за период с 2016 по 2022 гг.**

Статьи УК РФ	Виды наказаний, предусмотренные уголовным кодексом Российской Федерации								
	Осуждено	Оправдано	Лишение свободы	Условное лишение свободы	Ограничение свободы	Штраф	Исправительные работы	Обязательные работы	Принудительные меры к невменяемым
290 УК РФ	8208	97	3208	2493	2	2378	49	0	20
291 УК РФ	13367	35	1908	3324	19	7665	164	9	91
291.1 УК РФ	16104	34	773	1005	310	12399	782	3	498

На основе проведенного анализа можно выделить факторы, способствующие коррупционным проявлениям в Вооруженных силах. К ним относятся:

- **психолого-педагогические факторы:** высокий уровень терпимости к коррупционным проявлениям, отсутствие сформированных нравственных качеств, приоритет личных интересов перед общественными, отсутствие антикоррупционной этики, отсутствие нетерпимости к коррупционному поведению;

- **правовые факторы:** недостатки правовой системы, когда отсутствует должное правовое обеспечение борьбы с коррупционными проявлениями, отсутствие уверенности в неотвратимости наказания за совершенное правонарушение, правовой нигилизм;

- **социально-экономические факторы:** социально-экономическая напряженность в среде военнослужащих, отмена социальных льгот военнослужащим, неудовлетворительное финансовое положение некоторых категорий военнослужащих.

В данной связи целесообразно обозначить аспекты антикоррупционного поведения с учетом специфики Вооруженных сил России. К ним относятся:

1. Наличие профессиональных знаний. При обучении курсанта антикоррупционному поведению, мы не должны забывать о профессиональной этике его будущей профессии. Знание норм профессиональной этики в той сфере, где он в будущем будет работать, прямо пропорциональны знаниям в антикоррупционной сфере. В связи с этим обучающийся должен представлять себе, как его действия (бездействия) будут влиять на общество, уметь анализировать моральные последствия своих поступков, поддерживать морально-психологическое состояние в коллективе [3, с. 214].

2. Влияние среды. Если человек постоянно сталкивается с определенными событиями, моделями поведения, то рано или поздно, он начинает считать их нормой не только для проявления в обществе, но и для себя самого. Именно поэтому необходимо расставлять акценты на антикоррупционное поведение

для курсантов военных образовательных учебных заведений, которые подвержены влиянию и находятся в процессе становления своей личности. Необходимо повышение в воинском коллективе чувства правосознания и правовой культуры военнослужащих.

3. Моральные принципы. Моральные принципы создают и определяют характер антикоррупционного поведения курсанта, создавая у него те или иные мотивы. При сформированности у курсанта моральных принципов, наличии антикоррупционных установок, он никогда не позволит самому себе коррупционных проявлений [5, с. 44].

4. Сформированные нравственные качества. Немаловажную роль в процессе формирования антикоррупционного поведения играют нравственные качества, классифицируемые по трем группам: отношение человека к обществу; отношение к другим людям; отношение к труду [6, с. 385]. Рассмотренные группы нравственных качеств, свидетельствуют о выраженности антикоррупционного поведения, т. е. если человек проявляет в своей трудовой, профессиональной деятельности элементы коррупционного поведения, значит, его система внутренних ценностей и нравственных качеств уже неполноценна и проявляет себя во всех вышеназванных группах. Поэтому и неудивительно, что именно из среды, где не уделялось должного внимания сформированности нравственных качеств курсанта, его внутренних убеждений, и выходят уже сформированные коррупционеры, правонарушители и преступники.

В данных условиях необходимо сформировать у курсанта нравственные привычки, то есть довести до автоматизма антикоррупционное поведение не только применимо к профессиональной деятельности, но и к его повседневной жизни, формируя, тем самым, внутреннюю культуру человека. Необходимо формирование таких нравственных качеств, как преданность интересам военной службы, верность воинскому долгу, неподкупность, морально-нравственная чистоплотность. Если обратиться к словам А.С. Макаренко, то назначение нравственной привычки не в том, чтобы вовремя вспомнить, как следует себя вести, но в том, чтобы человек физически не смог отступить оттого, что велит ему долг и совесть [7, с. 84].

С учетом проведенного анализа зарубежного опыта антикоррупционного воспитания, а также выделенных факторов и аспектов антикоррупционного поведения военнослужащих, для усовершенствования системы антикоррупционного воспитания в военных вузах, предлагается ряд направлений, работа в которых, по мнению автора, будет способствовать более эффективному решению задач антикоррупционного воспитания в среде военнослужащих. К ним относятся:

- антикоррупционное образование, включающее формирование правовых знаний и морально-нравственных норм у военнослужащих;
- ознакомление с коррупционными проявлениями, анализ причин их возникновения и последствий;

- воспитание антикоррупционной этики и культуры, включающее формирование потребности в соблюдении законов, формирование нетерпимости к коррупционным проявлениям;
- пропаганда антикоррупционного поведения через СМИ, Интернет, создание социальных роликов.

Таким образом, в нашей стране антикоррупционное воспитание играет важнейшую роль в деле развития и процветания общества, в том числе ее вооруженных сил. При этом процесс формирования антикоррупционного поведения у курсантов предусматривает формирование устойчивых морально-нравственных основ личности, гражданской позиции, навыков в применении правовых норм по борьбе с коррупцией, недопустимости любого вида взяточничества.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Воронцов, С. А. Основы противодействия коррупции : учебно-методическое пособие / С. А. Воронцов, А. В. Понеделков, А. В. Буров. – Ростов н/Д. : Издательство ЮРИУ РАНХиГС, 2016. – 276 с. – Текст : непосредственный.
2. Кириллов, С. И. Особенности антикоррупционного воспитания студентов в образовательных учреждениях / С.И. Кириллов, С. В. Кривошеев. – Текст : непосредственный // Право: история и современность. – 2021. – № 3 (16). – С. 110–117.
3. Кондраль, Д. П. Борьба с коррупцией в системе высшего образования России / Д. П. Кондраль, В. М. Флоря, С. В. Шилова. – Текст : непосредственный // Вопросы управления. – 2018. – № 6 (36). – С. 211–215.
4. Лукаш, С. Н. Духовно-нравственное воспитание военнослужащих-контрактников в аспекте формирования российской идентичности / С. Н. Лукаш, А. З. Шидов. – Текст : непосредственный // Мир науки, культуры, образования. – 2020. – № 4 (83). – С. 288–290.
5. Мирзаев, А. А. Военно-патриотическое воспитание курсантов морского вуза в условиях информационного многообразия : монография / А. А. Мирзаев, А. Н. Томилин, Е. В. Хекерт. – Новороссийск : РИО ГМУ им. адм. Ф. Ф. Ушакова, 2021. – 136 с. – Текст : непосредственный.
6. Масленников, А. А. Психолого-педагогические факторы формирования нравственных качеств личности в современном российском обществе / А. А. Масленников. – Текст : непосредственный // Проблемы современного педагогического образования. – 2018. – № 61-1. – С. 384–387.
7. Терещенко, Г. Ф. Вопросы духовно-нравственного воспитания в педагогическом наследии А.С. Макаренко / Г. Ф. Терещенко. – Текст : непосредственный // Гаудеамус. – 2017. – № 3. – С. 83–87.
8. Callan H. The cultures of education / H. Callan // EA1E Newsletter. – 1995. – No. 19. – Pp. 11–14.
9. Huntington S. P. The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order / S. P. Huntington. – N. Y. : Simon & Schuster, 1996. – P. 17.

REFERENCES

1. Vorontsov S. A., Ponedelkov A. V., Burov A. V. *Osnovy protivodejstviya korrupcii* [Fundamentals of countering corruption]. Rostov-on-Don, Publishing House of the YURIU RANHiGS, 2016. 276 p. (In Russian).

2. Kirillov S. I., Krivosheev S. V. Features of anti-corruption education of students in educational institutions. *Pravo: istoriya i sovremennost' = Law: History and Modernity*, 2021, no. 3 (16), pp. 110–117. (In Russian).

3. Kondral D. P., Florya V. M., Shilova S. V. Combating corruption in the system of higher education in Russia. *Voprosy upravleniya = Issues of management*, 2018, no. 6 (36), pp. 211–215. (In Russian).

4. Lukash S. N., Shidov A. Z. Spiritual and moral education of contract servicemen in the aspect of formation of Russian identity. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya = World of Science, Culture, Education*, 2020, no. 4 (83), pp. 288–290. (In Russian).

5. Mirzaev A. A., Tomilin A. N., Heckert E. V. *Voенно-patrioticheskoe vospitanie kursantov morskogo vuza v usloviyah informacionnogo mnogoobraziya* [Military-patriotic education of naval university cadets in the conditions of information diversity]. Novorossiysk, RIO GMU named after admiral F.F. Ushakov, 2021. 276 p. (In Russian).

6. Maslennikov A. A. Psychological and pedagogical factors of formation of moral qualities of personality in modern Russian society. *Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya = Problems of modern pedagogical education*, 2018, no. 61–1, pp. 384–387. (In Russian).

7. Tereshchenko G. F. Issues of spiritual and moral education in the pedagogical heritage of A.S Makarenko. *Gaudeamus = Gaudeamus*, 2017, no. 3, pp. 83–87. (In Russian).

8. Callan H. The cultures of education. *EAIE Newsletter*, 1995, no. 19, pp. 11–14.

9. Huntington S. P. *The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order*. N. Y., Simon & Schuster, 1996, p. 17.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Елпашев, С. Ю. Антикоррупционное воспитание в системе военного образования / С. Ю. Елпашев. – Текст : непосредственный // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. – 2024. – № 4. – С. 24–31.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Elpashev S. Y. Anti-corruption Education in the Military Education System / S. Y. Elpashev // The Bulletin of Armavir State Pedagogical University, 2024, no. 4, pp. 24–31. (In Russian).

УДК 37.072

**ОРГАНИЗАЦИЯ И РАЗВИТИЕ СИСТЕМЫ НАСТАВНИЧЕСТВА
КАК ЭФФЕКТИВНОЙ ФОРМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ
ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО СТАНОВЛЕНИЯ
МОЛОДЫХ СПЕЦИАЛИСТОВ
И ИХ ЗАКРЕПЛЕНИЯ В ПРОЕКТНЫХ ОРГАНИЗАЦИЯХ**

Г.А. Калашиников

**ORGANIZATION AND DEVELOPMENT OF THE MENTORING SYSTEM
AS AN EFFECTIVE FORM OF ENSURING
THE PROFESSIONAL DEVELOPMENT
OF YOUNG SPECIALISTS
AND THEIR RETENTION IN PROJECT COMPANIES**

G.A. Kalashnikov

Аннотация. В данной статье рассматривается важность системы наставничества в профессиональной среде и ее влияние на карьерное развитие молодых специалистов. Основной акцент сделан на том, что система наставничества является не только инструментом передачи знаний и практических навыков, но и важной стратегией для повышения конкурентоспособности и удержания кадров в проектных организациях. Автор подчеркивает, что наставничество способствует формированию профессиональной идентичности у молодых специалистов, помогает им адаптироваться к рабочей среде и повышает их уровень уверенности в собственных силах. Также в рамках данной статьи автором представлены результаты экспериментальной проверки, действующей на базе проектной организации системы наставничества, которая показала себя эффективной. Таким образом, статья подчеркивает стратегическое значение наставничества как инструмента для устойчивого развития кадрового потенциала и повышения эффективности при решении задач на предприятии.

Abstract. This article discusses the importance of mentoring in the professional environment and its impact on the career development of young professionals. The main emphasis is placed on the fact that the mentoring system is not only a tool for transferring knowledge and practical skills, but also an important strategy for improving competitiveness and retention in project organizations. The author lays stress on the fact that mentoring contributes to the formation of professional identity of juniors, helps them adapt to the working environment and increases their self-confidence. The author also presents the results of experimental testing of the mentoring system in a project organization, which proved to be effective. Thus, the article emphasizes the strategic importance of mentoring as a tool for sustainable development of human resource potential and increasing efficiency in solving tasks at the enterprise.

Ключевые слова: наставничество, молодой специалист, институт наставничества, адаптация, наставничество на рабочем месте, развитие персонала.

Keywords: mentorship, young specialist, mentoring system, adaptation, on-the-job mentoring, personnel development.

Движущей силой деятельности любой организации являются ее кадры, которые характеризуются рядом количественных и качественных показателей, определяющих уровень профессионального развития того или иного сотрудника.

Адаптация персонала на рабочем месте является необходимым звеном кадрового менеджмента. Трудовая адаптация – это социальный процесс освоения личностью новой трудовой ситуации, в котором личность и трудовая среда оказывают активное воздействие друг на друга. Поступая на работу, молодой специалист активно включается в систему профессиональных и социально-психологических отношений конкретной трудовой организации, усваивает новые для него социальные роли, ценности, нормы, согласовывает свою индивидуальную позицию с целями и задачами организации (трудового коллектива), тем самым подчиняя свое поведение служебным предписаниям данного предприятия или учреждения [1, с. 230].

Наставничество является эффективным механизмом развития определенных навыков и компетенций, необходимых для будущего трудоустройства [2, с. 785], в связи с тем, что позволяет сократить период адаптации молодых специалистов к производственным условиям, развить их практические и коммуникативные навыки, обеспечить индивидуальное планирование профессиональной подготовки. Кроме того, наставничество является кадровой технологией, которая позволяет осуществить непрерывное профессиональное развитие молодого специалиста, является средством профессионализации, профессиональной адаптации, обучения на рабочем месте, повышения квалификации специалистов различных областей, индивидуализации, построения маршрутов личностного и профессионального роста.

Наставничество стало мощным инструментом удержания и развития персонала, и увеличения продуктивности бизнеса. Рассматривая ретроспективу становления института наставничества, можно сделать вывод, что с середины 1970-х годов наставничеству придается большое значение в США, и одновременно начинается его активное изучение как менеджерской стратегии в школах бизнеса и университетах [3, с. 85]. Наставничество в своем классическом виде существовало и в советские времена на любом предприятии и использовалось для раскрытия потенциала и воспитания рабочей молодежи. С учетом сложившегося рынка труда молодым работникам, которые осознают, что в современных реалиях чрезвычайно остро стоит проблема поиска работы, программы наставничества предлагают возможности дальнейшего закрепления на рабочих местах.

На сегодня система наставничества переживает «второе рождение»: вновь воспринимается бизнесом как прогрессивная кадровая технология, находится в центре внимания государства и общества. Причины такого внимания обусловлены уже современными тенденциями: трендом экономии ресурсов, увеличением пенсионного возраста, развитием теории зеркальных нейронов, феноменом «обратного наставничества» и др. [4, с. 495–496].

Проблема многих новых сотрудников заключается в том, что они, являясь частью экономически активного населения, желающей работать на условиях найма, обладая актуальными знаниями, не могут обеспечить возможность выполнения трудовых функций из-за отсутствия специальных знаний или специальной подготовки для осуществления трудовой деятельности.

Наставничество позволяет помочь молодому специалисту освоить значимые для профессиональной деятельности навыки и трудовые обязанности, обучить работника новым способам профессиональной деятельности, предоставить ему возможности для продуктивной деятельности. В условиях дефицита квалифицированных кадров это обеспечит преемственность трудовых традиций и передачу профессионального опыта и знаний молодым работникам.

Согласимся с мнением М.П. Прохоровой, что в современных компаниях наставничество выполняет триединую функцию:

- передача фиксированных знаний и навыков от более опытного сотрудника более молодым, только начинающим свою трудовую деятельность работникам;
- формирование условий для преобразования профессиональной деятельности посредством инноваций под руководством наставника;
- освоение широкого корпоративного контекста организации (организационной культуры, норм, правил, образцов поведения и т. д.) [7, с. 827].

На предприятиях, в том числе занимающихся вопросами проектной деятельности, помимо помощи в освоении технологического процесса на рабочем месте, наставничество является средством социализации работников к корпоративной культуре компании, встраивая работника в существующую систему трудовых отношений.

Для того чтобы наставничество было эффективным, наставник, во-первых, должен владеть соответствующими методиками передачи знаний и навыков, пользоваться авторитетом у своего подопечного, для чего необходимо учитывать соответствующие психологические аспекты. Молодые специалисты – основная целевая аудитория наставников – также меняются, становясь более требовательными, стремясь к быстрому карьерному росту, свободе и независимости [5, с. 16].

В контексте управления человеческими ресурсами для современных предприятий специфика выбора тех или иных особенностей системы наставничества связана со способами управления социальной структурой предприятия и с выбором менеджментом допустимого для работника уровня контроля над производственным процессом.

Стоит отметить, что проектные организации, как и иные организации независимо от их организационно-правовой формы и вида деятельности, сталкиваются с трудностью пополнением молодыми кадрами, так как процесс становления и отождествления себя со специалистом, который может самостоятельно без особых проверок и надзора осуществлять профессиональную деятельность, занимает (при осуществлении наставничества со стороны опытных и талантливых специалистов проектировщиков) как минимум два года. Подобная ситуация создает острую необходимость в создании эффективной

системы наставничества на базе проектно-исследовательских организаций, которая позволила бы молодым специалистам не только успешно совершить переход от непосредственно учебной деятельности к трудовой, но и разобраться в тонкостях профессии, овладев пакетом ключевых компетенций, составляющих квалификацию специалиста в данной области.

Институт наставничества на проектном предприятии – это относительно устойчивые типы и формы социальной практики по передаче профессиональных знаний, умений и навыков, культурных ценностей и способов поведения работников для обеспечения их интеграции в деятельность предприятия.

Предметом нашего анализа является практика наставничества в акционерном обществе «Дальневосточный проектно-исследовательский институт транспортного строительства» (далее – АО «Дальгипротранс»), которое является крупнейшим на Дальнем Востоке специализированным институтом, обеспечивающим проектной документацией объекты транспортного и промышленно-гражданского строительства.

Исследованное нами предприятие является успешным с точки зрения экономической стабильности, а также по социальным показателям, в частности, по динамике численности персонала, по уровню заработной платы и размеру социального пакета.

В АО «Дальгипротранс» процесс организации наставничества состоит из четырех этапов, представленных на Рисунке 1.

Рис. 1 – Этапы процесса организации наставничества

Основными задачами этапа отбора наставников являются выявление наставников, подходящих для конкретной программы, и их подготовка к работе с наставляемыми. Обе задачи решаются с помощью внутренних ресурсов организации.

В АО «Дальгипротранс» определены основные критерии для специалистов-наставников. В качестве наставников выступают высококвалифицированные работники предприятия, которые передают свои знания и опыт, обучают эффективным приемам труда, повышают квалификационный и профессиональный уровень молодого специалиста, развивают способности самостоятельно и качественно выполнять возложенные на него обязанности, а также адаптироваться в новых условиях на предприятии.

Наставник назначается из числа лиц, замещающих должности не ниже должности наставляемого лица в структурном подразделении, в которое принят молодой специалист, имеющих высшее образование, опыт работы в должности не менее трех лет, исчерпывающие знания и высокие результаты профессиональной деятельности, практические навыки осуществления

должностных обязанностей по должности, проявивших способности к воспитательной работе, пользующихся авторитетом в коллективе. Наставником может быть непосредственный руководитель сотрудника либо лицо, замещающее ту же должность, что и наставляемый сотрудник.

Обычно наставниками выбирают сотрудников, обладающих богатым накопленным опытом и мудростью. Они посредством советов, рекомендаций и иными способами способствуют профессиональному развитию своих подопечных, оказывая важное формирующее влияние на их карьеру [6, с. 608].

На этапе подготовки наставников проводится специальное обучение в очном или дистанционном формате, которое дает возможность потенциальным наставникам подготовиться к наставнической деятельности, познакомиться с основными целями наставничества и направлениями работы, проверить свою готовность к осуществлению данного вида деятельности.

Процесс наставничества в АО «Дальгипротранс» проходит в соответствии с планом мероприятий по наставничеству для наставляемых лиц. Обучение нового сотрудника может происходить спонтанно (в процессе наблюдения за рабочим процессом коллег) или намеренно (получение новых знаний путем посещения семинаров, круглых столов, курсов и т. п.). Приобретая опыт, работник сознательно или бессознательно рефлексировать, делает выводы, а при выполнении нового задания планирует и выполняет уже другие действия.

В целом одним из аспектов наставничества является упорядочивание процесса развития профессиональных компетенций, развитие способности самостоятельно и качественно выполнять возложенные на сотрудника задачи в рамках функционала занимаемой должности. Также наставничество помогает более оперативно осуществлять адаптацию к корпоративной культуре, усвоению традиций и правил поведения в конкретном подразделении и на предприятии в целом.

Консеквенцией, то есть логическим заключением определения эффективности этапа наставничества, является отзыв о результатах наставничества, подготовленный и подписанный наставником в отношении наставляемого лица с указанием основных заданий, выполненных молодым специалистом, недостатков при исполнении должностных обязанностей, а также определения профессионального потенциала лица, в отношении которого осуществлялось наставничество, и рекомендации по его профессиональному развитию.

В качестве эмпирической базы использованы результаты диагностических исследований по созданию систем наставничества, обучения наставников, а также результаты работы системы наставничества в экспериментальной группе молодых специалистов.

С целью оценки эффективности внедренной системы наставничества на базе АО «Дальгипротранс» было принято решение о создании экспериментальной и контрольной групп, состоящих из вновь прибывших сотрудников, в том числе и молодых специалистов. Данная стратегия обусловлена настоящей кадровой ситуацией и возможностью применения компаративного метода в отношении результатов работы групп молодых специалистов, который, в свою очередь, способен продемонстрировать эффективность наставнической работы.

Экспериментальную проверку системы наставничества на промышленном предприятии предстояло осуществить в течение 12 недель. В качестве критериев были выбраны следующие показатели:

- выполнение плана;
- коэффициент текучести новых кадров;
- средний срок выхода на плановые показатели;
- степень адаптации на предприятии.

Выполнение плана оценивалось путем подсчета количества выполненных с минимальным количеством замечаний задач у каждого стажера индивидуально и вычислением усредненного показателя по группе. Коэффициент успешности выполнения плана рассчитывался по следующей формуле:

$$K_y = a/n,$$

где a – количество выполненных производственных задач; n – общее число задач по плану.

Степень адаптации на предприятии были оценены путем интервьюирования молодых специалистов по ключевым вопросам. Результаты опроса представлены в Таблице 1.

Таблица 1

Результаты опроса

Вопрос	Группа 1	Группа 2
Мне было комфортно при прохождении адаптационного периода (1–10)	8	5
Помог ли адаптационный период плавно и постепенно войти во все рабочие процессы? (да, нет)	Да – 100 %	Да – 25 % Нет – 75 %
Сказали бы вы приходящему в нашу компанию другу, что в первые дни не стоит волноваться? (да, нет)	Да – 100 %	Да – 50 % Нет – 50 %
Понимаете ли вы цели вашей компании? (да, нет)	Да – 100 %	Да – 100 %
Вы регулярно получаете обратную связь от своего наставника о результатах и прогрессе в своей работе? (да, нет)	Да – 100 %	Да – 25 % Нет – 75 %
Достаточно ли вам того уровня поддержки коллег, который вы получаете сейчас? (да, нет)	Да – 100 %	Да – 25 % Нет – 75 %
Вы понимаете, как будет оцениваться ваша работа? (по шкале от 1 до 10 – не полностью понимаю, понимаю, понимаю хорошо)	9	4
Есть ли у вас четкое понимание своих целей и задач, каких достижений от вас ожидают? (по шкале от 1 до 10 – не полностью понимаю, понимаю, понимаю хорошо)	9	5
Возникали ли у вас проблемы с коммуникацией, которые вы хотели бы решить? (да, нет)	Да – 25 % Нет – 75 %	Да – 50 % Нет – 50 %
Есть ли у вас доступ ко всей необходимой информации? (да, нет)	Да – 100 %	Да – 50 % Нет – 50 %

В ходе обработки результатов опроса было отмечено, что уровень адаптации группы, работающей с наставниками, несколько выше уровня адаптации контрольной группы, однако некоторые показатели разнятся значительно. Таким образом, можно оценить степень адаптации группы 1 как высокую, группы 2 – как среднюю или даже ниже средней по некоторым показателям.

В Таблице 2 представлены результаты экспериментальной группы, которая работала с наставниками, и контрольной группы работников, которая адаптировалась самостоятельно.

Таблица 2

Результаты экспериментальной группы

Группа	Выполнение плана, %	Средний срок выхода на плановые показатели, нед.	Коэффициент текучести новых кадров, %	Степень адаптации на предприятии
	Количество выполнивших			
Наставники: Михаил Г. Евгений К. Сергей П. Группа 1 Семен А. Андрей П. Александра В. Сергей М.	89 %	2,5	0	высокая
	4			
Группа 2 Марк К. Алексей М. Даниил Е. Екатерина П.	68 %	4,5	25	средняя
	2			

По итогам оценки вышеприведенных показателей, можно отметить, что группа молодых специалистов, осуществлявшая деятельность при поддержке и сопровождении наставников, продемонстрировала высокий результат по выполнению плана на предприятии, как в среднем, так и по каждому сотруднику в отдельности. Также у экспериментальной группы отмечается более скорый выход на плановые показатели, нежели у группы вне системы наставничества. Более того, все молодые специалисты группы 1 закрепились на рабочих местах

и по истечении испытательного срока, тогда как в группе 2 уволился один из сотрудников.

Нельзя не обратить внимания и на степень адаптации молодых специалистов в экспериментальной и контрольной группах. Участники наставнической программы, очевидно, получали больший опыт взаимодействия со старшими коллегами и коллегами вообще и имели более широкое представление о работе предприятия, о своих целях и задачах, а также о корпоративной культуре в целом, что подтверждается вышеприведенным опросом и результатами наблюдения наставников. Показатели контрольной группы несколько ниже.

По результатам проведенного эксперимента можно заключить, что система наставничества на предприятии показала себя эффективным инструментом обучения новых кадров, способствовала их скорому включению в работу предприятия, а также обеспечила закрепление молодых специалистов на местах.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Куприн, А. А. Эффективность трудовой адаптации как предпосылка успешной профессиональной деятельности / А. А. Куприн. – Текст : электронный // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2009. – № 2 (42). – С. 229–233. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/effektivnost-trudovoy-adaptatsii-kak-predposylka-uspeshnoy-professionalnoy-deyatelnosti> (дата обращения: 01.11.2024).

2. Bolton-King R. S. Student mentoring to enhance graduates' employability potential / R. S. Bolton-King // *Sci Justice*. – 2022. – No. 62 (6). – Pp. 785–794. – URL: <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/36400500/> (дата обращения: 01.11.2024).

3. Чеглакова, Л. М. Наставничество: новые контуры организации социального пространства обучения и развития персонала промышленных организаций / Л. М. Чеглакова. – Текст : электронный // *Экономическая социология*. – 2011. – Том 12. – № 2. – С. 80–98. – URL: https://ecsoc.hse.ru/data/2011/12/08/1259552522/ecsoc_t12_n2.pdf (дата обращения: 01.11.2024).

4. Локтюхина, Н. В. Актуальные проблемы развития системы наставничества на промышленных предприятиях России / Н. В. Локтюхина, У. А. Назарова, С. В. Шабаева. – Текст : электронный // *Экономика в промышленности*. – 2019. – Том 12. – № 4. – С. 494–502. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=41562515> (дата обращения: 01.11.2024).

5. Аристова, И. С. Структура личности наставника / И. С. Аристова, А. А. Шаров. – Текст : электронный // *Актуальные проблемы модернизации профессионального образования: прогнозирование и возможности реализации* : сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции / под редакцией Э. Ф. Зеера. – Екатеринбург : Российский государственный профессионально-педагогический университет, 2023. – 164 с. – С. 15–19. – URL: <https://elar.rsvpu.ru/handle/123456789/43301> (дата обращения: 01.11.2024).

6. Kram K. E. Phases of the Mentor Relationship / K. E. Kram // *Academy of Management Journal*. – 1983. – Vol. 26. – No. 4. – Pp. 608–625. – URL: www.researchgate.net/publication/277548649_Phases_of_the_Mentor_Relationship (дата обращения: 01.11.2024).

7. Наставник в современной компании: требования и подготовка / М. П. Прохорова, Т. Е. Лебедева, А. А. Ястребов, А. Д. Иванов. – Текст : непосредственный // *Московский экономический журнал*. – 2019. – № 12. – С. 825–832.

REFERENCES

1. Kuprin A. A. Efficiency of labor adaptation as preconditions successful professional work. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii = Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2009, vol. 42, no. 2, pp. 229–223. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/effektivnost-trudovoy-adaptatsii-kak-predposylka-uspeshnoy-professionalnoy-deyatelnosti>. (In Russian).
2. Bolton-King R. S. Student mentoring to enhance graduates' employability potential. *Sci Justice*, 2022, no. 62 (6), pp. 785–794. URL: <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/36400500/>.
3. Cheglakova L. M. Mentoring: New Contours of Organisation of Social Space for Training and Development of Personnel of Industrial Organisations. *Ekonomicheskaya sotsiologiya = Economic sociology*, 2011, vol. 12, no. 2, pp. 80–98. URL: https://ecsoc.hse.ru/data/2011/12/08/1259552522/ecsoc_t12_n2.pdf. (In Russian).
4. Loktyukhina N. V., Nazarova Ul. A., Shabaeva S. V. Actual problems of developing a mentoring system at industrial enterprises in Russia. *Ekonomika v promyshlennosti = Economy in industry*, 2019, vol. 12, no. 4, pp. 494–502. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=41562515>. (In Russian).
5. Aristova I. S., Sharov A. A. Mentor personality structure. *Aktual'nye problemy modernizatsii professional'nogo obrazovaniia: prognozirovaniye i vozmozhnosti realizatsii = Actual problems of modernization of vocational education: forecasting and possibilities of implementation*. Ekaterinburg, Russian State Professional Pedagogical University, 164 p., pp.15–19. URL: <https://elar.rsvpu.ru/handle/123456789/43301>. (In Russian).
6. Kram K. E. Phases of the Mentor Relationship. *Academy of Management Journal*, 1983, vol. 26, no. 4, pp. 608–625. URL: www.researchgate.net/publication/277548649_Phases_of_the_Mentor_Relationship.
7. Prokhorova M. P., Lebedeva T. E., Iastrebov A. A., Ivanov A. D. Mentor in a modern company: requirements and training. *Moskovskii ekonomicheskii zhurnal = Moscow Economic Journal*, 2019, no. 12, pp. 825–832. (In Russian).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Калашников, Г. А. Организация и развитие системы наставничества как эффективной формы обеспечения профессионального становления молодых специалистов и их закрепления в проектных организациях / Г. А. Калашников. – Текст : непосредственный // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. – 2024. – № 4. – С. 32–40.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Kalashnikov G. A. Organization and Development of the Mentoring System as an Effective Form of Ensuring the Professional Development of Young Specialists and Their Retention in Project Companies / G. A. Kalashnikov // The Bulletin of Armavir State Pedagogical University, 2024, no. 4, pp. 32–40. (In Russian).

УДК 378.147

**КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВАНИЯ
ФОРМИРОВАНИЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ОПЫТА
БУДУЩИХ ПЕДАГОГОВ-ХОРЕОГРАФОВ
В ВУЗАХ РОССИИ И КИТАЯ**

В.И. Коваленко, Цзяо Чжэн

**CONCEPTUAL BASIS
FOR FORMING THE EDUCATIONAL EXPERIENCE
OF FUTURE TEACHERS AND CHOREOGRAPHERS
IN UNIVERSITIES OF RUSSIA AND CHINA**

V.I. Kovalenko, Jiao Zheng

Аннотация. В статье представлены результаты сравнительного исследования социальных факторов меняющейся педагогической реальности России и Китая, обуславливающих проблему повышения качества профессионального образования педагогов-хореографов на основе формирования их образовательного опыта как целостного результата педагогического процесса. Обзор научных публикаций, психологических, педагогических теорий, концепций и образовательной практики позволил определить концептуальные основания этого процесса на философско-методологическом, теоретическом и технологическом уровнях, уточнить сущностные особенности исследуемого образовательного опыта, его структуру, функции, этапы, психолого-педагогические механизмы обогащения и концептуализации образовательного опыта будущих педагогов-хореографов в российских и китайских вузах.

Abstract. The article presents the results of a comparative study of social factors of the changing pedagogical reality of Russia and China, which determine the problem of improving the quality of professional education of teachers-choreographers based on the formation of their educational experience as a holistic result of the pedagogical process. A review of scientific publications, psychological, pedagogical theories, concepts and educational practice made it possible to determine the conceptual foundations of this process at the philosophical-methodological, theoretical and technological levels, to clarify the essential features of the studied educational experience, its structure, functions, stages, psychological and pedagogical mechanisms for enriching and conceptualizing the educational experience of future teachers-choreographers in Russian and Chinese universities.

Ключевые слова: педагог-хореограф, опыт образования, концепция, педагогическая технология, обогащение, концептуализация.

Keywords: teacher-choreographer, educational experience, concept, pedagogical technology, enrichment, conceptualization.

Стремительные социокультурные и финансово-экономические трансформации, происходящие во всем мире в условиях и под влиянием факторов его глобального переустройства, самым непосредственным образом сказываются на состоянии и перспективах развития и взаимодействия России

и Китая – стран, оказавшихся в эпицентре конкурентной борьбы коллективного Запада и Востока. Наши страны, имея общий культурно-исторический опыт построения социалистического общества, оказались в разной степени готовы к преодолению негативных последствий развала однополярного мироустройства. Китай выгодно отличается от современной России в экономической составляющей, обретя за последние два десятилетия огромный опыт инновационно-технологического развития, в то время, когда Россия, утратив опыт коллективного созидания, оказалась на обочине информационно-технологического прорыва, стала обществом массового потребления. При этом российская государственность в условиях беспрецедентно высокого внешнего изоляционного давления со стороны развитых западных экономик демонстрирует устойчивый рост субъектности в отстаивании своих национальных интересов не только в сфере экономики и своей территориальной целостности, но и в сохранении духовного единства и традиционных ценностей многонационального Русского мира.

Обострение отношений с некогда братской Украиной до вооруженного конфликта вскрыло глубинные социальные и мировоззренческие противоречия в российском обществе, усиливающие его дезинтеграцию и духовно-нравственную стагнацию. На преодоление этих глубинных противоречий ориентировал В.В. Путин членов Общественной палаты РФ на встрече с ними 2 ноября 2023 года, отводя ведущую роль в миссии поступательного развития и консолидации российского общества сферам культуры и образования. Система российского образования, как самый массовый социальный институт воспитания и подготовки молодого поколения страны к жизни в изменяющемся, усложняющемся, с неопределенными векторами развития мире, становится стратегическим ресурсом развития нации, способным и обязанным сформулировать обоснованную рамочную модель своего будущего состояния и идеального образа человека будущего, без которых непрекращающиеся образовательные реформы будут по-прежнему малопродуктивны.

Система образования Китая также ориентирована на стремительное развитие и обретает функцию мирового лидера в сфере образования, о чем уже свидетельствует 20-процентная доля всего мирового студенчества, обучающаяся в вузах Китая. Реализуя установки 20-го съезда КПК на сохранение социалистической ориентации и великое омоложение китайской нации на основе традиционной китайской культуры, профессиональное педагогическое образование в стране интегрирует традиционную культуру в профессиональную подготовку кадров. В качестве одной из базовых составляющих профессиональной подготовки педагогов к выполнению исторической миссии социального института педагогических профессий является принятие каждым педагогом ответственности за развитие нации.

Возрастание роль педагогического образования в наших странах обусловило рост научных исследований по проблемам повышения качества его результатов, где существует важнейшее противоречие между насыщенной

необходимостью социальной практики в обеспечении его максимальной системности и целостности для решения исторической миссии образования инновационного развития общества с одной стороны, и отсутствие у профессионального педагогического сообщества необходимого для этого образовательного опыта. Наличие и устойчивость этого противоречия объясняется традиционной консервативностью сферы образования, во многом обеспечивающей культурно-историческую преемственность традиций сменяющихся поколений. Приверженность к такой устойчивости, безусловно, в большей степени присуща китайской системе образования, построенной и сохраняющей в себе вековые философские конфуцианские основы китайской культуры.

Российское педагогическое сообщество сохраняет и несет в себе опыт социалистической теории и дидактики обучения и воспитания, сохранившийся в современной педагогической реальности вопреки разрушительному влиянию череды либерально ориентированных реформаций отечественной образовательной системы. В педагогической науке и образовательной практике возникают вопросы: «На какой образовательный результат должны ориентироваться современные педагоги в своей профессиональной деятельности? Каким образовательным опытом должен обладать педагог, способный решать проблемы будущего? Какие отличия этого опыта от образовательного опыта старшего поколения, да и вообще, что такое образовательный опыт педагога? Каковы его функции и содержание?». Таких вопросов становится все больше по мере осознания педагогами неэффективности существующей системы критериев оценивания эффективности работы вузов, ориентированной, в большей мере, не на развитие студентов, а удовлетворение потребностей работодателей.

Компетентностно-ориентированная модель образовательного результата российских федеральных государственных образовательных результатов не обеспечивает требуемой социальным заказом педагогическому образованию системной целостности образовательного результата в силу оторванности целевых образовательных ориентиров от обучающегося, от непрерывного онтологического процесса его развития и совершенствования. Невзирая на провозглашенную смену образовательной парадигмы и в России, и в Китае с парадигмы «обучение человека на всю жизнь» на «обучение человека через всю жизнь», нормативно задаваемый образовательный результат, по-прежнему, носит дискретный характер и состоит в совокупности компетенций, не отражающей системной целостности той профессиональной деятельности, к которой готовят студента – будущего педагога. Если стратегия развития национальных систем образования заключается в подготовке человека будущего, то и целевая установка на формируемый образовательный результат должна охватывать целостный опыт жизнедеятельности человека в условиях неопределенности и сложности, а не на отдельные нормативно задаваемые компетенции, приоритетность которых изменчива в силу меняющихся условий.

Методология педагогики использует в определении предмета педагогики предельно широкую категорию «опыт», применимую к неопределенному множеству результатов жизнедеятельности неопределенного множества людей, образующих отдельные условные общности – поколения. Академик РАО А.М. Новиков дает следующее определение предмета педагогики: «Педагогика – наука о развитии жизненного опыта человека (обучающегося)» [7, с. 19]. Традиционная триада образовательного процесса «обучение», «воспитание» и «развитие» требует в изменяющемся социуме переосмысления и функционального перестроения в соответствии с изменяющимися компонентами педагогической деятельности, сменой ролевых позиций ее субъектов, существенных характеристик формируемого опыта на разных уровнях структуры личности. Традиционно педагогика относит *обучение* к процессу, овладения обучающимся новым опытом (привычки, умения, навыки, знания и т. д.), *воспитание* – к формированию элементов верхнего уровня личности (убеждения, мировоззрение, идеалы, стремления, интересы, потребности и др.), а *развитие* сводится к изменению и обретению новых личностных качеств. В педагогической науке не подвергается сомнению постулат, что студент – субъект образовательной деятельности, но при этом сама его образовательная деятельность, за редкими исключениями, не становится предметом глубоких педагогических исследований, как и ее результат – опыт образовательной деятельности.

На необходимость формировать «опережающий опыт деятельности», позволяющий специалистам в образовательном процессе осваивать такие модели социального и профессионального опыта, которые бы позволяли им при встрече с будущими ситуациями сложности и неопределенности, не гарантирующими их благоприятное разрешение субъектом, не чувствовать беспомощность и не решительность, а организовывать деятельность на основе отработанных уже в образовательной практике субъектных функций, алгоритмов и ментальных схем и конструктов, указывают многие исследователи. И.Я. Лернер определяет социальный опыт предельно широко, как «всю совокупность общественных отношений и взаимодействий человека в обществе» [5]. Предполагается, что в образовании происходят позитивные трансформации индивидуального социального опыта обучающегося посредством освоения норм и моделей социального поведения участников этого процесса, преимущественно, педагогов, являющихся основным носителем передаваемых знаний и жизненного опыта. Однако в каких элементах, структурных компонентах происходят эти трансформации, остается не ясным.

Т.Н. Корниенко и И.А. Щеглова, изучая существенные характеристики образовательного опыта, со ссылкой на результаты иных авторов упоминают в качестве его структурных компонентов «содержательные (знания о мире),

инструментальные (способы действия, умения), эмоционально-ценностные (установки, личностные смыслы) компоненты, образующие в своей совокупности целостность» [3, с. 83]. Одновременно авторы обращают внимание на признанное в психологии мнение Дж. Келли о том, что «человек воспринимает и интерпретирует мир на основе системы персональных конструктов, которая независима от окружения и способна к порождению собственных правил организации информации» [3, с. 84]. Позиция Дж. Келли свидетельствует о наличии в индивидуальном социальном опыте личности неких конструктов-инвариантов, образующих ориентационную основу восприятия, оценивания и осмысления субъектом социальной ситуации, которую, по нашему мнению, следует целенаправленно формировать в образовательном процессе.

М.А. Холодная в структуре опыта деятельности личности выделяет ментальные структуры, являющиеся психическими механизмами сознания, с широким диапазоном вариаций их результата, определяемых не столько сформированностью и развитием самого навыка или конструкта, сколько порождаемыми смыслами ситуации взаимодействия субъекта с миром [8].

В качестве системообразующего параметра индивидуального опыта многие исследователи рассматривают вовлеченность студентов в образовательную деятельность и особенностями самоопределения в координатном пространстве социальной и профессиональной общности, образованном координатами «кто я есть», «кем быть», «принадлежности к социальной группе». Этот регулятор коммуникаций студенческого сообщества в культурно-образовательной среде вуза в практике при ее моделировании не учитывается. Чаще в литературе встречается типология вовлеченности Э. Картэ (учебная, научно-исследовательская и внеучебная). В эмпирических исследованиях вовлеченности рассматриваются также образовательные практики, самообразовательные компетенции, учебные предпочтения, мотивация студентов и др. [3, с. 86].

Проблема оценивания качества вузовского образования решается Н.А. Лызь и ее научной школой с использованием конструкта «образовательный опыт студента» и авторской методики его оценивания. В основу этой методики положен алгоритм оценивания качества образования через успешность и удовлетворенность студентов в обучении, результаты которого дают основание для принятия управленческих решений по совершенствованию образовательного процесса. Зарубежные исследователи образовательного опыта студентов оценивают его уровень проявления по отзывам студентов как потребителей образовательных услуг [5], как показатель удовлетворенности качеством изученных ими курсов [5], с учетом чего авторы методики в качестве составляющих студенческого опыта приняли и оценивают удовлетворенность обучением; самооценку компетенций и собственного развития; вовлеченность (как проявления активности, энергичности, умственной устойчивости); опыт

саморегулируемого обучения (постановка целей, планирование учебной деятельности, стратегии решения задач, самооценка и контроль обучения); намерения и стремления получать новые знания и расширять свой опыт; воспринимаемую самоэффективность и самоавтономию; воспринимаемую поддержку социального окружения [6].

В китайской педагогике концептуальные основания опыта образовательной деятельности педагога более системны, чем в российской науке, и опираются на философию эмпирического натурализма Д. Дьюи, определяющего опыт как то, «что живое существо взаимодействует со своей природой и социальной средой» [1]. По мнению Д. Дьюи, «именно действия людей, которые активно трансформируют окружающую среду, превращают опыт в то, что в первую очередь делается. Опыт представляет собой тесную связь действий, переживаний и рефлексии» [1].

Для определения концептуальных оснований процесса формирования образовательного опыта будущего педагога-хореографа важна позиция Д. Дьюи в рассмотрении временного континуума опыта, как органического целого прошлого – настоящего – будущего, что вносит существенное различие в понимание феномена опыта в российской традиционной педагогике, в которой индивидуальный опыт рассматривается в качестве «психического следа практикования человека в прошлом» [2].

Любой текущий опыт связан с несуществующим прошлым, будущим, и опыт представляет собой континуум прошлого – настоящего – будущего, в котором Д. Дьюи уделяет больше внимания характеристикам опыта, «ориентированного на будущее», что является для нашего исследования важным методологическим положением наряду с системными основаниями личностно-деятельностных координат становления и развития образовательного опыта будущего педагога-хореографа в условиях неопределенности и возрастающей сложности педагогической реальности. Вместо передачи педагогами прошлого образовательного опыта старшего поколения Д. Дьюи предлагает в образовании работать с реальным индивидуальным образовательным опытом обучающихся – будущих педагогов в соответствии с принципами непрерывности и взаимосвязи прошлого, настоящего и будущего опыта, имеющего в своей основе два психологических плана – внутреннего мира и внешнего, реальной реализации внутреннего плана деятельности. Это важное методологическое положение содержится и в психологических теориях деятельности и личности А.Н. Леонтьева, позволившее рассматривать *образовательный опыт студента и педагога в координатах деятельности – сознания – личности как «психический след практикования обучающегося в педагогической реальности, во встрече с которой уже имеющийся у него индивидуальный опыт такого взаимодействия, актуализируясь, участвует в регулировании ситуационной и прогностической активности субъекта, претерпевающая при этом определенные изменения».*

Элементы нового опыта, получаемого в результате проявления активности во взаимодействии со средой, проходят этап произвольного (непроизвольного) оценивания на предмет продуктивности и полезности, вмонтируются в уже имеющийся опыт, либо утилизируются, вытесняются из памяти по истечении какого-то времени. Значимые элементы нового опыта, встраиваясь в уже имеющиеся компоненты опыта, видоизменяют его, в результате чего происходит его накопление, обогащение, интеграция элементов, образуются новые ментальные конструкторы и концепты. Эти механизмы трансформации индивидуального образовательного опыта обучающегося, как, в прочем, и опыта педагога, с ним взаимодействующего, учитываются и используются нами в экспериментальной технологии обогащения и концептуализации образовательного опыта будущих педагогов-хореографов. Эти психолого-педагогические механизмы лежат в основе технологических этапов процесса формирования исследуемого опыта.

Опираясь на психологическую концепцию личности Д.А. Леонтьева, излагающей в доступной для понимания широкого круга педагогов-практиков и всех участников образовательного процесса, интересующихся психологии личности, структуру личности в виде уровневой ее организации [4], нами определена структура образовательного опыта будущего педагога-хореографа, являющаяся инвариантной как для опыта самообразовательной (учебной, учебно-профессиональной), так и для предстоящей профессионально-педагогической деятельности. Она содержит четыре структурных компонента образовательного опыта будущего педагога-хореографа: а) ценностно-смысловой; б) регулятивно-деятельностный; в) личностно-творческий и г) рефлексивно-оценочный, выполняющих в образовательной деятельности обучающегося соответствующие функции (ценностно-смысловой ориентации; функцию внутреннего плана деятельности и ее регуляции; функцию ресурсно-операционального обеспечения и исполнения образовательной деятельности; функцию рефлексивного контроля сознания, целостности и результативности деятельности).

Таким образом, представленные в статье материалы и результаты теоретического исследования концептуальных оснований процесса формирования образовательного опыта будущих педагогов-хореографов позволили выделить и учесть факторы внешней среды, сущностные характеристики индивидуального опыта, его структуру и функции, механизмы, этапы и содержательно-методическое обеспечение педагогической технологии обогащения и концептуализации формируемого опыта.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Дьюи, Д. Психология и педагогика мышления / Д. Дьюи. – М. : Юрайт, 2021. – 166 с. – Текст : непосредственный.
2. Коваленко, Е. В. Обогащение опыта социального взаимодействия будущего специалиста: теоретический аспект / Е. В. Коваленко. – Текст : непосредственный // Научные ведомости Белгородского государственного университета. – 2019. – Серия: Гуманитарные науки. – № 38 (4). – С. 605–613.

3. Корнеенко, Т. Н. Оценка образовательного опыта студентов как инструмент принятия управленческих решений в университете / Т. Н. Корнеенко, И. А. Щеглова. – Текст : непосредственный // Университетское управление: практика и анализ. – 2021. – Том 25. – № 3. – С. 82–99.
4. Леонтьев, Д. А. Очерк психологии личности / Д. А. Леонтьев. – М. : Смысл, 1993. – 43 с. – Текст : непосредственный.
5. Лернер, И. Я. Дидактические основы методов обучения / И. Я. Лернер. – М. : Педагогика, 1981. – 154 с. – Текст : непосредственный.
6. Лызь, Н. А. Образовательный опыт студентов: концептуализация и разработка инструмента оценки качества образования / Н. А. Лызь, Е. В. Голубева, О. Н. Истратова. – Текст : непосредственный // Вопросы образования / Educational Studies Moscow. – 2022. – № 3. – С. 67–98.
7. Новиков, А. М. Основания педагогики : пособие для авторов учебников и преподавателей педагогики / А. М. Новиков. – М. : ЭГВЕС, 2010. – 208 с. – Текст : непосредственный.
8. Холодная, М. А. Многомерная природа показателей интеллекта и креативности: методические и теоретические следствия / М. А. Холодная. – Текст : непосредственный // Психологический журнал. – 2020. – Том 41. – № 3. – С. 18–31.
9. Matus N., Rusu C., Cano S. Student eXperience: A Systematic Literature Review / N. Matus, C. Rusu, S. Cano // Applied Sciences. – 2021. – Vol. 11. – No. 20. – Art. No. 9543.
10. Pötschulat M., Moran M., Jones P. The Student Experience and the Remaking of Contemporary Studenthood: A Critical Intervention / M. Pötschulat, M. Moran, P. Jones // The Sociological Review. – 2021. – Vol. 69. – No. 1. – Pp. 3–20. – DOI: 10.1177/0038026120946677.

REFERENCES

1. D'yui D. *Psihologiya i pedagogika myshleniya* [Psychology and pedagogy of thinking]. М., Yurajt, 2021. 166 p. (In Russian).
2. Kovalenko E. V. Enrichment of the experience of social interaction of future specialists: theoretical aspect. *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta, Seriya: Gumanitarnye nauki = Scientific Bulletin of Belgorod State University. Series: Humanities*, 2019, no. 38 (4), pp. 605–613. (In Russian).
3. Korneenko T. N., Shcheglova I. A. Assessing students' educational experience as a tool for making management decisions at the university. *Universitetskoe upravlenie: praktika i analiz = University Management: Practice and Analysis*, 2021, vol. 25, no. 3, pp. 82–99. (In Russian).
4. Leont'ev D. A. *Ocherk psihologii lichnosti* [Essay on the Psychology of Personality]. М., Smysl, 1993. 43 p. (In Russian).
5. Lerner I. Ya. *Didakticheskie osnovy metodov obucheniya* [Didactic foundations of teaching methods]. М., Pedagogika, 1981. 154 p. (In Russian).
6. Lyz' N. A., Golubeva E. V., Istratova O. N. Students' educational experience: conceptualization and development of an educational quality assessment tool. *Voprosy obrazovaniya = Educational Studies Moscow*, 2022, no. 3, pp. 67–98. (In Russian).
7. Novikov A. M. *Osnovaniya pedagogiki* [Foundations of Pedagogy]. М., EGVES, 2010. 208 p. (In Russian).

8. Holodnaya M. A. Multidimensional nature of intelligence and creativity indicators: methodological and theoretical implications. *Psichologicheskij zhurnal = Psychological journal*, 2020, vol. 41, no. 3, pp. 18–31. (In Russian).

9. Matus N., Rusu C., Cano S. Student eXperience: A Systematic Literature Review. *Applied Sciences*, 2021, vol. 11, no. 20, art. no. 9543.

10. Pötschulat M., Moran M., Jones P. The Student Experience and the Remaking of Contemporary Studenthood: A Critical Intervention. *The Sociological Review*, 2021, vol. 69, no. 1, pp. 3–20. DOI: 10.1177/0038026120946677.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Коваленко, В. И. Концептуальные основания формирования образовательного опыта будущих педагогов-хореографов в вузах России и Китая / В. И. Коваленко, Цзяо Чжэн. – Текст : непосредственный // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. – 2024. – № 4. – С. 41–49.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Kovalenko V. I., Jiao Zheng. Conceptual Basis for Forming the Educational Experience of Future Teachers and Choreographers in Universities of Russia and China / V. I. Kovalenko, Jiao Zheng // The Bulletin of Armavir State Pedagogical University, 2024, no. 4, pp. 41–49. (In Russian).

УДК 378

**ОСНОВНЫЕ ПОДХОДЫ
К ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКЕ
БУДУЩИХ УЧИТЕЛЕЙ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ**

М.А. Колядюк

**MAIN APPROACHES
TO PROFESSIONAL TRAINING
OF FUTURE FOREIGN LANGUAGE TEACHERS**

M.A. Kolyadyuk

Аннотация. В статье изучены основные подходы к профессиональной подготовке будущих учителей иностранных языков: системный, синергетический, компетентностный, исторический. В ракурсе данной области исследования выделены ключевые компоненты подготовки. Наряду с этим подчеркивается важность синергетического подхода – одного из наиболее эффективных способов интенсификации учебной деятельности будущих специалистов: в организации соответствующих компонентов системы, их профессиональной подготовки. В соответствии с этим приводятся принципы синергетического подхода и примеры их реализации в процессе обучения будущих учителей иностранных языков. Также в работе рассматривается компетентностный подход, охватывающий значимые компетенции, характерные будущим учителям иностранных языков. С целью планирования и реформирования нынешней образовательной системы важную роль играет исторический подход, так как он позволяет выявить ряд специфических тенденций, характерных для конкретного периода.

Abstract. The article examines the essential approaches of future foreign language teachers' professional training: systemic, synergetic, competence-based, historical ones. In the context of this research area, key components of training are highlighted. Along with this, the significance of the synergetic approach is emphasized. The synergetic approach is one of the most effective ways to intensify the educational activity of future specialists. This is expressed in the organization of relevant system components, their professional training. In accordance with this, the principles of the synergetic approach and their implementation examples in the process of future foreign language teachers' training are indicated. The work contemplates the competence-based approach, which involves the essential competences, being characteristic of future foreign language teachers. For the purpose of planning and reforming the current educational system, the historical approach plays important role, as it allows to identify a number of specific trends peculiar to particular period.

Ключевые слова: педагогическая система, компоненты, профессиональная подготовка, образовательная цель, педагогическая синергетика, компетенция, образовательный процесс, системный подход, синергетический подход, компетентностный подход, исторический подход.

Keywords: pedagogical system, components, professional training, educational goal, pedagogical synergetics, competence, educational process, systemic approach, synergetic approach, competence-based approach, historical approach.

Любая деятельность и сопутствующие ей результаты в основном зависят от определенных принципов, на базе которых они выстраиваются, а также от тех концептуальных подходов, способов организации этой деятельности и ее осуществления. Система профессиональной подготовки будущих учителей иностранных языков – это концепция, которая охватывает все аспекты подготовки специалистов в области преподавания иностранных языков с использованием системного подхода.

Анализ литературных источников показывает, что зарождение идей системного понимания педагогической деятельности связано с именами следующих западноевропейских ученых: И.Ф. Гербарт, А. Дистервег, Я.А. Коменский, Д. Локк. Дальнейший вектор развития системного подхода в педагогической науке связан с именами педагогов: В.П. Вахтерова, Н.И. Пирогова, К.Д. Ушинского, П.Ф. Каптерева, К.Н. Вентцеля, В.Г. Белинского, Н.Ф. Бунакова.

И.И. Бурлакова рассматривает «профессиональную подготовку будущих учителей иностранных языков» как систему во взаимосвязи целей, задач, принципов, факторов, оказывающих влияние на ее сущность. Сама «система» выражена соответствующим «набором частей», в которой все составные части взаимосвязаны и взаимодействуют друг с другом, образуют новое единое целое, характеристики которого не сводятся к свойствам составных частей. Любая система представлена совокупностью свойств: целостностью и взаимообусловленностью, внутренним единством составляющих ее компонентов; сочетаемостью или не сочетаемостью с другими системами; стабильностью, устойчивостью обратной связи [3, с. 38].

В рамках педагогической науки функционирует «педагогическая система». Само понятие «педагогическая система» зарождалось на рубеже 70–80-х годов XX века. Согласно В.П. Беспалько, «педагогическая система» выступает предметом педагогики как науки [2, с. 29]. В контексте системы профессиональной подготовки будущих учителей иностранных языков Е.А. Локтюшина выделяет следующие *компоненты*:

1) цели и назначение разрабатываемой системы посредством анализа социальных потребностей социума в образовательной сфере, государственных образовательных стандартов, примерных образовательных программ по дисциплинам, действующих практик профессиональной деятельности по конкретной области;

2) содержание образования, представленное комплексной подготовкой специалиста к будущей профессиональной деятельности;

3) технологии активизации психологических механизмов развития способностей к совершению профессиональной деятельности;

4) сам образовательный процесс, обозначенный общностью целевых, содержательных и процессуальных компонентов;

5) организационные формы, способы и средства образовательного процесса, адекватные целям и содержанию образования;

б) мониторинг динамики развития формируемого навыка при помощи обращения к диагностическому инструментарию;

7) управление образовательным процессом на базе разработанных критериев оценки эффективности системы и контроля качества учебной деятельности;

8) подготовка преподавателей для работы в рамках определенной системы для сопровождения развития и становления будущих специалистов [9, с. 137].

Синергетический подход способствует оптимизации компонентов в системе профессиональной подготовки будущих учителей иностранных языков.

Основателем синергетики считается Г. Хакен, который впервые ввел это понятие в книге «Синергетика» в 1977 году. Проблематика синергетики и синергетического подхода интересовала многих исследователей, в том числе, философов и педагогов. Особую роль в развитии синергетического подхода сыграл ряд таких ученых: М.В. Богуславский, Ю.А. Данилов, В.И. Аршинов, А.А. Печёнкина, В.С. Стёпин, В.Г. Буданов, С.Д. Хайтун, И.Р. Пригожин и т. д. Под «педагогической синергетикой» И.Ю. Новикова понимает «область педагогического знания», в основе которой лежит самоорганизация как педагогических систем, так и теоретических аспектов, закономерностей и принципов [11, с. 63].

Система подготовки будущих учителей иностранных языков непосредственно связана с *синергетическим подходом*. Г.М. Ишкова выделяет следующие принципы в обучении студентов иностранным языкам:

1. Самоорганизация: каждый студент принимает активное участие в процессе обучения и индивидуально находит собственные стратегии изучения языка. У будущего учителя иностранных языков должен быть развит творческий подход по дисциплине: «Иностранный язык» [6].

2. Нелинейность: использование разнообразных подходов и методов к обучению [6].

3. Активное взаимодействие со студентами: сотрудничество с группами, обмен опытом, обсуждение задач [6].

На основании этого важно подчеркнуть, что синергетический подход является неким фундаментом для создания условий, в которых разные элементы системы подготовки будущих учителей иностранных языков могут совместно взаимодействовать и прогрессировать, что способствует развитию более широкого спектра компетенций, лежащих в основе *компетентностного подхода*.

Компетентностный подход является инструментом профессионализации будущего учителя иностранных языков. На основании этого, реализация данного подхода требует конкретных изменений во всех компонентах системы профессиональной подготовки будущих учителей иностранных языков. Л. Голубничая, Т. Щокина, Н. Сорока и Т. Бесараб обозначают *компетентностный подход* как «набор общих принципов для определения целей обучения, выбора содержания, организации образовательного процесса и оценивания образовательных результатов [13, с. 55].

Термин «компетенция» был введен Н. Хомским, обращенным к идеям В. Гумбольдта на основе изучения проблем генеративной грамматики. Первоначально Н. Хомский под «компетенцией» подразумевал «способность, необходимую для осуществления конкретной, исключительно языковой деятельности в родном языке» [12, с. 32].

С точки зрения профессиональной компетентности учителей иностранных языков, важно подчеркнуть, что данной тематике уделено особое внимание в работах Н.С. Курниковой, К.И. Саломатова, Е.Н. Солововой, А.М. Тевелевич, О.В. Сухих, Е.Ю. Варламовой, К.Ю. Кожухова, Е.С. Семёновой и т. д. Под «профессиональной компетентностью учителя иностранных языков» Л.И. Корнеева видит «сформированность определенных компетенций, необходимых в области преподавания иностранных языков» [7, с. 16]. Следует перечислить основополагающие компетенции будущего учителя иностранных языков:

1. Лингвистическая (языковая) компетенция – «языковые знания, сопровождающиеся характерными навыками, связанными с разными аспектами языка: фонетикой, лексикой, грамматикой» [4, с. 130].

2. Коммуникативная иноязычная компетенция – «знания, обеспечивающие индивиду возможность осуществления функционально-направленного речевого общения для достижения успеха в коммуникации в среде иноязычной культуры» [14, с. 274].

3. Межкультурная компетенция – «способность личности взаимодействовать в поликультурном обществе посредством фоновых знаний и знаний жизненного и профессионального опыта на основе лингвосоциумов» [10, с. 165].

4. Социальная компетенция – «сформированные навыки общения с обучающимися, умение преодолевать сложившиеся ситуации» [7, с. 19].

5. Информационно-технологическая компетенция – «способность и готовность преподавателя интегрировать новейшие ИКТ в процессе обучения иностранным языкам» [8, с. 87].

6. Методическая компетенция – «совокупность знаний о существенных характеристиках процесса обучения иностранным языкам и практических умений, состоящих в его эффективной организации в условиях социальных изменений и новых образовательных трендов по иностранному языку» [5, с. 8].

Помимо этого важно подчеркнуть, что модернизация системы профессиональной подготовки будущих учителей иностранных языков не представляется возможной без *исторического подхода*. Следует отметить, что многие отечественные исследователи занимались рассмотрением профессионального образования в контексте исторической ретроспективы: А.Т. Глазунов, А.Г. Соколов, В.В. Шапкин, А.Е. Пядочкин, В.И. Грибанов, Т.А. Тарханова, Ф.Е. Довжко и т. д.

В рамках педагогической науки Т.А. Алеева, В.П. Зубанов и В.Г. Свиноренко определяют исторический подход как «методологический подход, направленный на описание и визуализацию закономерностей педагогически обусловленных процедур и процессов, событий и явлений, системно оптимизирующих понимание личности в рассмотрении всех нюансов и практики

определения». Также данный подход способствует решению задач современной педагогической действительности [1].

В рамках подготовки будущих учителей иностранных языков исторический подход позволяет охватить многолетний опыт развития и функционирования системы, проанализировать ведущие установки, тенденции и практики, преобладающие в конкретный исторический период.

В заключение важно отметить, что системный, синергетический, компетентностный, исторический подходы являются важными стратегиями в системе подготовки будущих учителей иностранных языков. *Системный подход* позволяет выделить все компоненты системы. Самоорганизация и саморазвитие системы и ее компонентов в процессе подготовки будущих учителей иностранных языков достигается посредством *синергетического подхода*, стимулируя поиск новых возможностей и решений в педагогических системах, выходя за рамки традиционных подходов и представлений. Четким определением целей профессионально-личностного совершенствования занимается *компетентностный подход*. *Исторический подход* помогает выявить лучшие педагогические достижения в системе подготовки будущих учителей иностранных языков определенного периода с перспективой их применения в дальнейшей профессиональной деятельности.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алеева, Т. А. Исторический подход в исследовании возможностей детерминации и оптимизации идей здоровьесберегающей педагогики / Т. А. Алеева, В. П. Зубанов, В. Г. Свиначенко. – Текст : непосредственный // Психология, социология и педагогика. – 2016. – № 3. – URL: <https://psychology.snauka.ru/2016/03/6563> (дата обращения: 20.09.2024).
2. Беспалько, В. П. Слабеваемые педагогической технологии / В. П. Беспалько. – М. : Педагогика, 1989. – 192 с. – Текст : непосредственный.
3. Бурлакова, И. И. Теоретико-методологический контур профессиональной подготовки учителя иностранного языка : монография / И. И. Бурлакова. – М. : Издательство АСОУ, 2023. – 133 с. – Текст : непосредственный.
4. Гончарук, Е. В. Формирование профессиональной компетентности будущих учителей английского языка с использованием информационных технологий / Е. В. Гончарук. – Текст : непосредственный // Вестник Донецкого национального университета. Серия Б: Гуманитарные науки. – 2021. – № 2. – С. 128–134.
5. Горошенко, Н. А. Методическая компетенция учителя-наставника, направленная на формирование и развитие функциональной грамотности учащихся в условиях реализации обновленных ФГОС / Н. А. Горошенко, С. П. Руденко. – Текст : непосредственный // Методическая среда преподавателя иностранного языка: классика и современность : материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием (г. Санкт-Петербург, 27–28 июня 2023 года). – СПб. : [б. и.], 2023. – 68 с. – С. 5–14.
6. Ишкова, Г. М. Синергетический подход в обучении иностранным языкам / Г. М. Ишкова. – Текст : непосредственный // Научный аспект. – 2023. – № 6. – С. 61–65.

7. Теоретико-методологические основы подготовки учителей и преподавателей иностранного языка в вузе / Л. И. Корнеева, А. А. Белозерова, Д. Е. Жданова [и др.]. – Екатеринбург : Издательство Уральского университета, 2022. – 200 с. – Текст : непосредственный.

8. Кретов, Д. В. Информационно-коммуникационная компетенция преподавателя иностранного языка, организующего обучение студентов иноязычному письменному высказыванию на основе метода взаимной оценки / Д. В. Кретов. – Текст : непосредственный // Державинский форум. – 2020. – № 16. – С. 85–92.

9. Локтюшина, Е. А. Системный подход как основа проектирования иноязычной подготовки в профессиональных целях / Е. А. Локтюшина. – Текст : непосредственный // Современные коммуникации: Язык. Человек. Общество. Культура : сборник статей / ответственные редакторы: Ж. А. Храмушина, Т. В. Попова, А. А. Шагеева. – Екатеринбург : Издательство УМЦ УПИ, 2014. – 146 с. – С. 134–141.

10. Марфина, Ж. В. Структура и сущность межкультурной коммуникативной компетентности учителя иностранных языков / Ж. В. Марфина, О. И. Сидоренко. – Текст : непосредственный // Державинский форум. – 2023. – № 1 (38). – С. 163–168.

11. Новикова, И. Ю. Синергетический подход в образовательном процессе / И. Ю. Новикова. – Текст : непосредственный // Современная высшая школа: инновационный аспект. – 2019. – № 4. – С. 61–65.

12. Хомский, Н. Язык и мышление / Н. Хомский. – М. : Издательство Московского университета, 1972. – 122 с. – Текст : непосредственный.

13. Holubnycha L. Development of Competency-Based Approach to Education / L. Holubnycha, T. Shchokina, N. Soroka, T. Besarab // Educational Challenges. – 2022. – No. 27 (2). – Pp. 54–65.

14. Hymes D. H. On Communicative Competence / D. H. Hymes // Sociolinguistics. Selected Readings. – Harmondsworth : Penguin, 1972. – Pp. 269–293.

REFERENCES

1. Aleeva T. A., Zubanov V. P., Svinarenko V. G. Historical approach in the study of the possibilities of determination and optimization of the ideas of health-preserving pedagogy. *Psihologiya, sociologiya, pedagogika = Psychology, sociology and pedagogy*, 2016, no. 3. URL: <https://psychology.snauka.ru/2016/03/6563>. (In Russian).

2. Bespalko V. P. *Slagaemye pedagogicheskoy tekhnologii* [Components of pedagogical technology]. M., Pedagogy, 1989. 192 p. (In Russian).

3. Burlakova I. I. *Teoretiko-metodologicheskij kontur professionalnoj podgotovki uchitelya inostrannogo yazyka* [Theoretical and methodological outline of foreign language teacher professional training]. Moscow, ASOU Publ., 2023. 133 p. (In Russian).

4. Goncharuk E. V. Formation of future English teachers' professional competence involving information technologies. *Vestnik Doneckogo Nacionalnogo universiteta = Bulletin of Donetsk National University*, 2021, no. 2, pp. 128–134. (In Russian).

5. Goroshenko N. A., Rudenko S. P. Methodological competence of a teacher-mentor, aimed at the formation and development of students' functional literacy in the context of updated Federal State Educational Standards' implementation. *Metodicheskaya sreda prepodavatelya inostrannogo yazyka: klassika i sovremennost' = Methodological environment of a foreign language teacher: classics and modernity*. SPb., 2023, 68 p., pp. 5–14. (In Russian).

6. Ishkova G. M. Synergetic approach in foreign languages' instruction. *Nauchnyj aspekt = Scientific aspect*, 2023, no. 6, pp. 61–65. (In Russian).

7. Korneeva L. I., Belozerova A. A., Zhdanova D. E., Kuprina T. V., Petrikova A., Yazovskih E. V. *Teoretiko-metodologicheskie osnovy podgotovki uchitelej i prepodavatelej inostrannogo yazyka v vuze* [Theoretical and methodological foundations for training university teachers and lecturers of foreign languages]. Yekaterinburg, Ural University Publ., 2022. 200 p. (In Russian).

8. Kretov D. V. Information and communication competence of a foreign language teacher organizing the teaching of foreign language written expression to students based on the method of mutual assessment. *Derzhavinskij forum = Derzhavin Forum*, 2020, no. 16, pp. 85–92. (In Russian).

9. Loktyushina E. A. System approach as the basis of designing foreign language training for professional purposes. *Sovremennye kommunikacii: Yazyk. Chelovek. Obshchestvo. Kultura = Modern communications: Language. Man. Society. Culture*. Ekaterinburg, Publishing house of UMC UPI, 2014, 146 p., pp. 134–141. (In Russian).

10. Marfina Zh. V., Sidorenko O. I. The structure and essence of intercultural communicative competence of a foreign language teacher. *Derzhavinskij forum = Derzhavin Forum*, 2023, no. 1 (38), pp. 163–168. (In Russian).

11. Novikova I. Yu. Synergetic approach in the educational process. *Sovremennaya vysshaya shkola: innovacionnyj aspekt = Modern Higher Education: Innovative Aspect*, 2019, no. 4, pp. 61–65. (In Russian).

12. Xomskij N. *Yazyk i myshlenie* [Language and thinking]. M., Moscow University Publ., 1972. 122 p. (In Russian).

13. Holubnycha L., Shchokina T., Soroka N., Besarab T. Development of Competency-Based Approach to Education. *Educational Challenges*, 2022, no. 27 (2), pp. 54–65.

14. Hymes D. H. On Communicative Competence. *Sociolinguistics. Selected Readings*. Harmondsworth, Penguin, 1972, pp. 269–293.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Колядюк, М. А. Основные подходы к профессиональной подготовке будущих учителей иностранных языков / М. А. Колядюк. – Текст : непосредственный // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. – 2024. – № 4. – С. 50–56.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Kolyadyuk M. A. Main Approaches to Professional Training of Future Foreign Language Teachers / M. A. Kolyadyuk // The Bulletin of Armavir State Pedagogical University, 2024, no. 4, pp. 50–56. (In Russian).

УДК 377.5

**ПОВЫШЕНИЕ ЦИФРОВОЙ КУЛЬТУРЫ ПЕДАГОГОВ СПО
В РАМКАХ РЕАЛИЗАЦИИ ФЕДЕРАЛЬНОГО ПРОЕКТА
«ПРОФЕССИОНАЛИТЕТ»**

Н.Н. Максютова, Н.В. Золотых

**IMPROVING THE DIGITAL CULTURE OF VOCATIONAL
EDUCATION TEACHERS WITHIN THE FRAMEWORK
OF THE FEDERAL PROJECT "PROFESSIONALITET"**

N.N. Maksyutova, N.V. Zolotykh

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы повышения цифровой грамотности и цифровой культуры педагогов среднего профессионального образования, реализующих образовательные программы в рамках федерального проекта «Профессионалитет», который стартовал в 2022 году и вошел в число инициатив социально-экономического развития Российской Федерации до 2030 года. Участие в проекте требует не только интенсификации процесса обучения, но и перехода на современные информационные технологии. В статье приводится анализ потребности изучения специализированных программных продуктов применительно к различным отраслям экономики и соответственно направлениям обучения. Результаты эмпирического исследования показывают достаточно высокий уровень цифровой культуры педагогов в целом и цифровой грамотности в частности.

Abstract. The article discusses the issues of improving the digital literacy and digital culture of secondary vocational education teachers implementing educational programs within the framework of the federal project "Professionalitet" was launched in 2022 and was among the initiatives in social economic development of the Russian Federation up till 2030. Participation in the project requires not only the intensification of the learning process, but also the transition to modern information technologies. The article provides an analysis of the need to study specialized software products in relation to various sectors of the economy and, accordingly, areas of study. The results of the empirical study show a fairly high level of digital culture of teachers in general and digital literacy in particular.

Ключевые слова: цифровая культура, цифровая грамотность, цифровая компетентность, среднее профессиональное образование.

Keywords: digital culture, digital literacy, digital competence, secondary vocational education.

В 2022 году в системе среднего профессионального образования (СПО) произошли глобальные изменения, связанные с началом реализации федерального проекта «Профессионалитет». На сегодняшний день почти полтора миллиона студентов обучаются в рамках данного проекта. Как известно, основной

его целью является интенсификация процесса обучения, максимальное погружение студентов в профессиональную среду и трудоустройство выпускников по профильным промышленным предприятиям. При этом процесс обучения должен осуществляться с упором на использование современных информационных технологий.

Вопрос владения средствами ИКТ студентами профессиональных образовательных организаций изучен достаточно подробно. Однако характерной особенностью проблемы является быстрая смена ее актуальности, поскольку динамика в цифровой среде опережает темпы процесса цифровизации образования в целом. Так более раннее представление о замене аналоговых образовательных данных цифровыми (оцифровка) сейчас потеряло практическую значимость, а развитие новейших технологий (искусственного интеллекта, нейросетей, виртуальной реальности и пр.), напротив, активно внедряется в педагогическую практику.

Кроме того, недостаточно формировать базовые компетенции в сфере информационных технологий, цифровую грамотность. Активно развивающимся отраслям народного хозяйства требуются специалисты, владеющие цифровой культурой, готовым к внедрению и использованию ИТ-ресурсов в профессиональной деятельности. Соответственно, первоочередной задачей профессионального обучения становится повышение уровня подготовленности студентов к взаимодействию в новой информационно-коммуникационной среде, к новым требованиям и условиям цифрового пространства.

Как отмечают многие ученые, понятие «цифровая культура» приобрело большую практическую ориентированность, выступая как комплексное качество профессионала, отражающее информационное мировоззрение (Е.В. Гнатышина), профессиональная способность к критическому осознанию процесса цифровизации (М.В. Маслакова), как овладение знаниями и навыками ИКТ-технологий (Н.И. Гендина, Н.И. Колокова) и др.

Исследователи А.В. Леонтьева, Н.И. Ковалёва и Ф.Р. Хатит разрабатывают собственную трактовку, синтезирующую «грамотность, компетентность и ценность» в пределах цифровой культуры [9]. Т.Ф. Кузнецова в своей статье «Цифровая культура», проследившая генезис понятия, отмечает, что оно возникает в западной литературе примерно в конце девяностых годов двадцатого столетия, но традиционно связано преимущественно с умением применять цифровые технологии [8]. Зарубежные исследователи к составляющим элементам цифровой культуры относят знание язык цифровых инструментов, владение навыком выполнения множество операций с цифровыми ресурсами и навыками мышления более высокого порядка [17].

Как отмечает Е.Ю. Смыкова, в современном социогуманитарном дискурсе интерпретация цифровой культуры все чаще осуществляется в плоскости интернет-пространства: «Основываясь на ключевых функциях Интернета,

в частности на информационной и коммуникационной, условно можно выделить два модуса его объективации – информационное пространство и пространство коммуникации» [15, с. 191]. Адаптируя данную схему применительно к культуре, которая наряду с функциями образования и воспитания передает информацию, предположим возможность ее реализации в плоскости информационного пространства.

Таким образом, содержание понятия «цифровая культура» концентрирует следующие идейные установки: индивидуальная и коллективная ответственность, мотивация, компетентность, а главное – ценностная система новой реальности. Именно такое представление позволит произвести необходимые изменения в мировоззрении участника образовательного процесса.

Если рассматривать термин цифровой культуры применительно к обучающимся по программам подготовки квалифицированных рабочих, служащих и специалистов среднего звена, то нужно отметить его сложность и неоднозначность. Цифровая культура – это многоступенчатое личностное новообразование, проявляющееся в процессе профессионального самоопределения будущего специалиста. Традиционно к данной дефиниции относят ценностный компонент (система взглядов, ценностей, убеждений, идеалов, в том числе в цифровом виде, их принятие и трансформация в собственный императив в реализации творческой, инновационной профессиональной деятельности), когнитивный компонент как комплекс знаний о возможных цифровых ресурсах предметной области, опыт деятельности, а также креативность как способность быстро решать задачи, связанных с цифровым контентом [13].

Однако формирование цифровой культуры обучающихся невозможно без ее наличия у преподавателей. Исключительно высококвалифицированные педагоги в сфере ИКТ-технологий способны стимулировать рост цифровой грамотности студентов.

Как отмечают многие практики, цифровые технологии расширили в системе образования границы доступности знаний: создаются виртуальные лаборатории, лекционные видеокурсы, онлайн-курсы, активно используются мобильные электронные образовательные ресурсы [2; 4; 7]. Фактически дополнительной обязанностью педагогов становится моделирование и внедрение цифровых инструментов в предметно-дисциплинарное обучение [18].

Современному педагогу, как декларируется в Программе «Цифровая экономика Российской Федерации» необходимо понимать роль информационно-коммуникационных технологий в образовании, владеть программными и техническими средствами, уметь организовывать и управлять образовательным процессом, комбинировать новые информационные и педагогические технологии, чтобы проводить увлекательные занятия» [12].

Вступая в программу «Профессионалитет», профессиональные образовательные организации берут на себя обязательства по обеспечению образовательного процесса необходимыми средствами ИКТ и повышению цифровой

грамотности педагогов. Рассмотрим более подробно потребности в применении цифровых технологий в отдельных отраслях экономики, как будущего места трудоустройства выпускника СПО.

Будучи чрезвычайно значимой, сфера строительства на волне цифровых технологий сталкивается с беспрецедентными возможностями и проблемами. Например, в крупномасштабном проекте внедрение технологии BIM (Информационное моделирование зданий) исключительно средства ИКТ помогают лучше скоординировать план строительства и избежать некоторых несоответствий в проекте, обнаруженных на объекте, тем самым повысив общую эффективность. Для максимального погружения в будущую специальность студенты-строители должны разрабатывать модели гражданского или промышленного здания с использованием современных программных средств, например программы Autodesk Robot Structural Analysis Professional, SOFiSTiK, с помощью которых можно вести проектирование и конструирование, научиться искать и принимать оптимальные конструктивные решения [3].

Обучение специалистов по маркетингу невозможно без изучения веб-аналитики, платформ управления контентом (Content Management Systems), систем автоматизации маркетинга (Marketing Automation), платформ управления рекламными кампаниями (Ad Campaign Management Platforms) и т. д. [10]. Цифровые технологии являются инструментами и ресурсами, которые поддерживают и улучшают эффективность и результаты цифрового маркетинга в целом. Следовательно, в учебный процесс должны быть включены соответствующие цифровые ресурсы и приложения.

Одним из основных направлений цифровой трансформации сельского хозяйства является также внедрение современных информационных технологий. Использование специализированного программного обеспечения позволяет автоматизировать процессы управления фермой, мониторинга почвы и растений, управления запасами и многие другие [14]. Это позволяет сельскохозяйственным предприятиям повысить эффективность производства и улучшить качество их продукции. Следовательно, еще на этапе обучения необходимо овладение студентами такими технологиями, как Интернет вещей (IoT), дроны, беспилотные системы, GPS.

Даже в сфере физической культуры и спорта намечается эволюция цифровых технологий. Проанализировав запросы работодателей к работникам сферы физической культуры и спорта, были выделены новые компетенции, связанные со знанием и умением использовать различные цифровые технологии, необходимые для профессиональной деятельности, например такие, как:

- умение администрировать программные продукты (например, тренировочные программы);
- умение работать с цифровыми продуктами в медиaprостранстве;
- способность эффективно эксплуатировать цифровое диагностическое оборудование [6, с. 6–8.]

С учетом активных инвестиций таможенной службы в разработку и внедрение новых систем отслеживания и контроля перемещение товаров через границы, возникает острая необходимость обучения будущих таможенников системам распознавания лиц, биометрической идентификации и пр. [1].

Следовательно, средства ИКТ позволяют решать различные хозяйственные задачи, в том числе стратегические: развитие медицины, науки, образования, транспорта, новой индустриализации, государственного регулирования экономики, планирования и др.

Перед преподавателями профессиональных образовательных организаций встает целый пласт задач, наиболее значимая из которых – овладение цифровыми ресурсами, востребованными в конкретной отрасли экономики (фактически под заказ потенциального работодателя). Вопросы, решаемые преподавателями, заключаются в следующем: каковы функциональные характеристики выбираемых устройств, программного обеспечения, какие технологические решения будут наиболее адекватны поставленной задаче, какие педагогические задачи при этом решаются [5].

Данный тезис подтверждают Н.К. Тихонова с коллегами, отмечая, что цифровизация образовательного процесса предполагает не только реформирование процесса профессионального обучения, но и наличие активной позиции педагогического сообщества системы СПО [16]. Однако вопрос готовности преподавателей и мастеров производственного обучения к реализации обозначенных выше задач, остается открыт.

Причиной отказа среди педагогов внедрять современные информационные технологии в образовательный процесс можно считать как внутриличностные характеристики: конформизм, т. е. стремление избежать стремительных перемен (в эту группу, как правило, входят сотрудники старшего возраста, непривычные к информационным технологиям) так и внешние условия (бюджетные ограничения, доступность программного обеспечения в условиях санкций и т. п.). Для уточнения данного тезиса проанализируем основные убеждения, предпочтения и вызовы, с которыми сталкиваются преподаватели в процессе интеграции цифровых технологий в своей педагогической практике, осуществляемой в рамках реализации федерального проекта «Профессионалитет».

Для этого проведем исследование, направленное на оценку сформированности цифровой культуры преподавателей СПО. В качестве основного метода использовался опрос. За основу были взяты вопросы анкеты о восприятии преподавателями цифровых технологий, их интеграции в образовательный процесс А.П. Новодеровой [11]. В исследовании принимали участие преподаватели двух профессиональных образовательных организаций: Волгоградского колледжа машиностроения и связи и Волжского политехнического техникума. Общее число респондентов – 34 человека. Все педагоги

участвуют в реализации федерального проекта «Профессионалитет» (в кластере «Информационные технологии»).

На вопрос «Как Вы оцениваете влияние цифровизации на современное образование?» положительно ответили 32 респондента, что составило 94 % от общего числа. Учитывая профиль преподаваемых дисциплин, вполне объяснимо позитивное отношение педагогов к интенсификации внедрения средств ИКТ. При этом направления цифровизации в рамках собственной профессиональной деятельности педагоги используют разные: 56 % – цифровые платформы (Moodle, Прометей, Сферум), 22 % – информационные ресурсы для дистанционных онлайн-занятий (телемосты, сайты), электронные учебники (ЭБС Urait, Лань, Znanium).

На вопрос о способах повышения цифровой культуры педагогов, наиболее эффективным респонденты считают стажировку у более опытных коллег – 50 %. Оставшиеся выбрали вариант «индивидуальные консультации и поддержка со стороны IT-специалистов» и «курсы повышения квалификации» (по одной четвертой соответственно). Интересно, что такие варианты, как «создание сетевых сообществ для обмена опытом и ресурсами» и «использование облачных технологий для улучшения доступа и управления данными» не получили поддержки среди опрошенных. Наиболее показательными для исследования стали ответы на вопрос о необходимости овладения новым программным обеспечением в связи с участием в ФП «Профессионалитет». Все участники единогласно отметили, что образовательный процесс, реализуемый в модернизированных мастерских и лабораториях, требует однозначного предварительного обучения педагогов в отраслевых программных продуктах. Конечно, максимальная практическая подготовка в данном направлении осуществляется в рамках курсов дополнительного профессионального образования, организованных Федеральным институтом развития профессионального образования (ФИРПО).

Результаты опроса показывают, что в целом наблюдается достаточно позитивное отношение педагогов СПО к процессу цифровизации. Преподаватели способны и главное, готовы к активному использованию средств ИКТ в профессиональной деятельности и внедрению новых цифровых ресурсов в образовательный процесс. Именно наличие опыта и внутренняя готовность к реализации программ на основе современных информационно-коммуникационных технологий подтверждают наличие цифровой культуры педагогов, реализующих программы федерального проекта «Профессионалитет».

Таким образом, можно считать, что повышение цифровой культуры педагогов СПО в рамках реализации федерального проекта «Профессионалитет» является необходимостью. Приобретение цифровой компетентности открывает перед педагогом широкий спектр возможностей, обогащающих образовательную среду и позволяющих сделать образовательный процесс более динамичным.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Вялов, Н. В. Таможенное дело в контексте цифровизации: вызовы и возможности для национальной экономики / Н. В. Вялов, Н. В. Могилевская. – Текст : непосредственный // Экономика. Право. Общество: новые стратегии и вызовы : материалы III Всероссийской научно-практической конференции. – Рязань : Концепция, 2024. – С. 39–40.
2. Гнатышина, Е. В. Цифровизация и формирование цифровой культуры: социальные и образовательные аспекты / Е. В. Гнатышина, А. А. Саламотов. – Текст : непосредственный // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. – 2017. – № 8. – С. 19–24.
3. Голдобина, Л. А. ВМ-технологии и опыт их внедрения в учебный процесс при подготовке бакалавров по направлению 08.03.01 «Строительство» / Л. А. Голдобина, П. С. Орлов. – Текст : непосредственный // Записки Горного института. – 2017. – № 12. – С. 263–272.
4. Гордиенко, А. С. К вопросу выбора информационно-коммуникационных технологий в профессиональной деятельности преподавателя / А. С. Гордиенко. – Текст : непосредственный // Информационно-коммуникационные технологии в педагогическом образовании. – 2024. – № 2 (89). – С. 17–20.
5. Дудырев, Ф. Ф. Симуляторы и тренажеры в профессиональном образовании: педагогические и технологические аспекты / Ф. Ф. Дудырев, О. В. Максименкова. – Текст : электронный // Вопросы образования. – 2020. – № 3. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/simulyatory-i-trenazhery-v-professionalnom-obrazovanii-pedagogicheskie-i-tehnologicheskie-aspekty/viewer> (дата обращения: 14.10.2024).
6. Ермаков, А. В. Цифровая трансформация профессий в отрасли «Физическая культура и спорт» / А. В. Ермакова, Е. Н. Скаржинская. – Текст : непосредственный // Теория и практика физической культуры. – 2022. – № 3. – С. 6–8.
7. Котлярова, О. А. Цифровая компетентность педагогов в условиях современных вызовов и рисков / О. А. Котлярова, О. Н. Поваляева, У. И. Турко. – Текст : непосредственный // Профессиональное образование. – 2022. – № 12. – С. 55–57.
8. Кузнецова, Т. Ф. Цифровая культура / Т. Ф. Кузнецова. – Текст : электронный // Знание. Понимание. Умение. – 2018. – № 4. – С. 233–236. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovaya-kultura> (дата обращения: 15.10.2024).
9. Леонтьева, А. В. Цифровая культура как инновационный компонент профессиональной деятельности педагога / А. В. Леонтьева, Н. В. Ковалёва, Ф. Р. Хатит. – Текст : непосредственный // Вестник Майкопского государственного технологического университета. – 2022. – № 2. – С. 49–56.
10. Муравьёва, О. А. Роль цифрового маркетинга в современной экономике / О. А. Муравьева, В. Г. Богданова. – Текст : непосредственный // Трансформация национальной социально-экономической системы России : материалы 6-й Ежегодной Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. – М. : РГУП, 2024. – С. 387–390.
11. Новодерова, А. П. Актуальные стратегии развития преподавателя в условиях цифровизации образования / А. П. Новодерова. – Текст : непосредственный // Вестник педагогических наук. – 2024. – № 1. – С. 86–96.

12. Программа «Цифровая экономика Российской Федерации»: утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 28.07.2017 г. № 1632-р. – URL: <http://static.government.ru/media/files/9gFM4FHj4PsB79I5v7yLVuPgu4bvR7M0.pdf> (дата обращения: 05.10.2024). – Текст : электронный.

13. Романова-Самохина, С. М. К вопросу о формировании профессионально-цифровой культуры будущих учителей технологии / С. М. Романова-Самохина. – Текст : непосредственный // Путь в науку. Современная национальная экономика: молодые ученые – новый взгляд : материалы Всероссийской научно-практической конференции. – Орёл : ОГУ имени И.С. Тургенева, 2024. – С. 268–272.

14. Санкуева, Г. С. Трансформация сельского хозяйства: цифровые возможности развития / Г. С. Санкуева, Д. Б. Хартылова, Э. Б. Басанкиева. – Текст : непосредственный // Менеджмент и финансы производственных систем : сборник научно-практических статей Всероссийской (национальной) научно-практической конференции. – Волгоград : ВолГАУ, 2024. – С. 309–312.

15. Смыкова, Е. Ю. К некоторым вопросам понимания цифровой культуры / Е. Ю. Смыкова. – Текст : непосредственный // Социальное знание в современном обществе. – 2023. – № 1. – С. 191–193.

16. Тихонова, Н. К. Цифровизация образовательного процесса с учетом приверженности студентов медицинского вуза к веб-сервисам и мессенджерам / Н. К. Тихонова, Д. С. Магомедбекова. – Текст : непосредственный // Смоленский медицинский альманах. – 2024. – № 1. – С. 127–129.

17. Falloon G. From digital literacy to digital competence: the teacher digital competency framework / G. Falloon // Educational Technology Research and Development. – 2020. – Vol. 68. – No. 5. – Pp. 2449–2472.

18. Teacher educators' professional digital competence in primary and lower secondary school teacher education / F. M. Røkenes, R. Grütters, C. Skaalvik [et al.] // Nordic Journal of Digital Literacy. – 2022. – Vol. 17. – No. 5. – Pp. 46–60.

REFERENCES

1. Vyalov N. V. Customs in the context of digitalization: challenges and opportunities for the national economy. *Ekonomika. Pravo. Obshestvo: novye strategii i vyzovy = Economy. Law. Society: New Strategies and Challenges*. Ryazan, Concept, 2024, pp. 39–40. (In Russian).

2. Gnatyshina E. V., Salamotov A. A. Digitalization and the formation of digital culture: social and educational aspects. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta = Bulletin of the Chelyabinsk State Pedagogical University*, 2017, no. 8, pp. 19–24. (In Russian).

3. Goldobina L. A., Orlov P. S. BIM technologies and experience of their implementation in the educational process during the preparation of bachelors in the direction 08.03.01 "Construction". *Zapiski Gornogo instituta = Notes of the Mining Institute*, 2017, no. 12, pp. 263–272. (In Russian).

4. Gordienko A. S. On the issue of choosing information and communication technologies in the professional activities of a teacher. *Informacionno-kommunikacionnye tekhnologii v pedagogicheskom obrazovanii = Information and communication technologies in pedagogical education*, 2024, no. 2 (89), pp. 17–20. (In Russian).

5. Dudyrev F. F., Maksimenkova O. V. Simulators and training devices in vocational education: pedagogical and technological aspects. *Voprosy obrazovaniya = Educational issues*, 2020, no. 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/simulyatory-i-trenazhery-v-professionalnom-obrazovanii-pedagogicheskie-i-tehnologicheskie-aspekty/viewer>. (In Russian).
6. Ermakov A. V., Skarzhinskaya E. N. Digital transformation of professions in the industry "Physical Education and Sports". *Teoriya i praktika fizicheskoy kul'tury = Theory and practice of physical education*, 2022, no. 3, pp. 6–8. (In Russian).
7. Kotlyarova O. A., Povalyaeva O. N., Turko U. I. Digital competence of teachers in the context of modern challenges and risks. *Professional'noe obrazovanie = Professional education*, 2022, no. 12, pp. 55–57. (In Russian).
8. Kuznetsova T. F. Digital culture. *Znanie. Ponimanie. Umenie = Knowledge. Understanding. Skill*, 2018, no. 4, pp. 233–236. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovaya-kultura>. (In Russian).
9. Leontyeva A. V., Kovaleva N. V., Khatit F. R. Digital culture as an innovative component of a teacher's professional activity. *Vestnik Majkopskogo gosudarstvennogo tekhnologicheskogo universiteta = Bulletin of the Maikop State Technological University*, 2022, no. 2, pp. 49–56. (In Russian).
10. Muravyova O. A., Bogdanova V. G. The role of digital marketing in the modern economy. *Transformaciya nacional'noj social'no-ekonomicheskoy sistemy Rossii = Transformation of the national socio-economic system of Russia*. M., Russian State University of Justice, 2024, pp. 387–390. (In Russian).
11. Novoderova A. P. Current strategies for teacher development in the context of digitalization of education. *Vestnik pedagogicheskikh nauk = Bulletin of pedagogical sciences*, 2024, no. 1, pp. 86–96. (In Russian).
12. *Programma "Cifrovaya ekonomika Rossijskoj Federacii": utverzhdena rasporyazheniem Pravitel'stva Rossijskoj Federacii ot 28.07.2017 g. № 1632-r* [The Digital Economy of the Russian Federation Program: approved by the RF Government Order of July 28, 2017. No. 1632-r]. URL: <http://static.government.ru/media/files/9gFM4FHj4PsB79I5v7yLVuPgu4bvR7M0.pdf>. (In Russian).
13. Romanova-Samokhina S. M. On the Formation of Professional-Digital Culture of Future Technology Teachers. *Sovremennaya nacional'naya ekonomika: molodye uchenye – novyj vzglyad = Path to Science. Modern National Economy: Young Scientists – New Look*. Orel, I.S. Turgenev Orel State University, 2024, pp. 268–272. (In Russian).
14. Sankueva G. S., Khartylova D. B., Basankieva E. B. Transformation of agriculture: digital development opportunities. *Menedzhment i finansy proizvodstvennyh system = Management and finance of production systems*. Volgograd, VolSAU, 2024, pp. 309–312. (In Russian).
15. Smykova E. Yu. On some issues of understanding digital culture. *Social'noe znanie v sovremennom obshchestve = Social knowledge in modern society*, 2023, no. 1, pp. 191–193. (In Russian).
16. Tikhonova N. K., Magomedbekova D. S. Digitalization of the educational process taking into account the commitment of medical students to web services and instant messengers. *Smolenskij medicinskij al'manah = Smolensk Medical Almanac*, 2024, no. 1, pp. 127–129. (In Russian).

17. Falloon G. From digital literacy to digital competence: the teacher digital competency framework. *Educational Technology Research and Development*, 2020, vol. 68, no. 5, pp. 2449–2472.

18. Røkenes F. M., Grütters R., Skaalvik C., et al. Teacher educators' professional digital competence in primary and lower secondary school teacher education. *Nordic Journal of Digital Literacy*, 2022, vol. 17, no. 5, pp. 46–60.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Максютова, Н. Н. Повышение цифровой культуры педагогов СПО в рамках реализации федерального проекта «Профессионалитет» / Н. Н. Максютлова, Н. В. Золотых. – Текст : непосредственный // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. – 2024. – № 4. – С. 57–66.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Maksyutova N. N., Zolotykh N. V. Improving the Digital Culture of Vocational Education Teachers Within the Framework of the Federal Project "Professionalitet" / N. N. Maksyutova, N. V. Zolotykh // The Bulletin of Armavir State Pedagogical University, 2024, no. 4, pp. 57–66. (In Russian).

УДК 378.147

**ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ
ФОРМИРОВАНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ
ПЕДАГОГОВ-ПСИХОЛОГОВ В ВУЗЕ**

Д.А. Музалева

**PEDAGOGICAL CONDITIONS
FOR FORMING PROFESSIONAL COMPETENCIES
OF TEACHERS-PSYCHOLOGISTS AT UNIVERSITY**

D.A. Muzaleva

Аннотация. В статье рассматриваются педагогические условия формирования профессиональных компетенций педагогов-психологов в высших учебных заведениях. Актуальность исследования обусловлена возрастающими требованиями к качеству подготовки специалистов в области психолого-педагогического сопровождения образовательного процесса в условиях динамично меняющейся социальной и образовательной среды. На основе теоретического анализа и экспериментальной работы выявлены и обоснованы педагогические условия, способствующие эффективному формированию профессиональных компетенций будущих педагогов-психологов. К ним относятся: создание развивающей образовательной среды, разработка и внедрение авторской программы формирования профессиональных компетенций, а также использование практико-ориентированных методов обучения. Особое внимание уделяется анализу влияния комплексного применения этих условий на формирование практических навыков, способности к самостоятельному профессиональному росту будущих специалистов и повышению профессиональной мотивации. Результаты исследования могут быть использованы для совершенствования системы профессиональной подготовки педагогов-психологов в высших учебных заведениях. В заключение статьи обозначены перспективные направления дальнейших исследований в данной области.

Abstract. The article considers the pedagogical conditions for the formation of professional competencies of educational psychologists in higher education institutions. The relevance of the study is due to the increasing demands on the quality of training specialists in the field of psychological and pedagogical support of the educational process in the context of a dynamically changing social and educational environment. Based on theoretical analysis and experimental work, pedagogical conditions that contribute to the effective formation of professional competencies of future educational psychologists are identified and substantiated. These include: creating a developing educational environment, developing and implementing an original program for the formation of professional competencies, as well as the use of practice-oriented teaching methods. Particular attention is paid to the analysis of the influence of the integrated application of these conditions on the formation of practical skills, the ability to independently grow professionally of future specialists and increasing professional motivation. The results of the study can be used to improve the system of professional training of educational psychologists in higher education institutions. In conclusion, the article outlines promising areas for further research in this area.

Ключевые слова: профессиональные компетенции, педагоги-психологи, педагогические условия, высшее образование, практико-ориентированное обучение, развивающая образовательная среда, психолого-педагогическое образование, тренинги.

Keywords: professional competencies, educational psychologists, pedagogical conditions, higher education, practice-oriented learning, developing educational environment, psychological and pedagogical education, trainings.

В современных условиях динамично развивающегося общества и системы образования особую значимость приобретает проблема формирования профессиональных компетенций педагогов-психологов. Эта профессия играет ключевую роль в обеспечении психологического благополучия и развития личности обучающихся, что делает вопрос качественной подготовки специалистов данного профиля крайне актуальным. Стремительные изменения в социальной, технологической и образовательной сферах требуют от педагогов-психологов постоянного совершенствования своих навыков и адаптации к новым вызовам. В связи с этим система высшего образования сталкивается с необходимостью создания эффективных условий для формирования профессиональных компетенций будущих специалистов, способных успешно решать сложные задачи в своей профессиональной деятельности [11, с. 357]. Актуальность данной проблемы обусловлена также возрастающими требованиями к качеству психолого-педагогического сопровождения образовательного процесса и необходимостью подготовки конкурентоспособных специалистов, готовых к работе в различных образовательных контекстах. Таким образом, исследование педагогических условий формирования профессиональных компетенций педагогов-психологов в вузе становится важным направлением в развитии современного высшего образования и психолого-педагогической науки в целом.

В современной педагогической науке понятие профессиональных компетенций педагогов-психологов является предметом активного изучения и дискуссий. Согласно И.А. Зимней, профессиональные компетенции представляют собой интегративную характеристику специалиста, включающую знания, умения, навыки и личностные качества, необходимые для эффективного выполнения профессиональной деятельности [5, с. 18]. А.К. Маркова рассматривает профессиональные компетенции педагогов-психологов как сложное многокомпонентное образование, включающее не только когнитивную и операционально-технологическую составляющие, но и мотивационную, этическую, социальную и поведенческую [10, с. 54]. В работах Э.Ф. Зеера профессиональные компетенции педагогов-психологов определяются как совокупность профессиональных знаний, умений, а также способов выполнения профессиональной деятельности [4, с. 76]. Автор подчеркивает важность практико-ориентированного подхода в формировании компетенций. Л.М. Митина акцентирует внимание на том, что профессиональные компетенции педагогов-психологов должны включать способность к саморазвитию и профессиональному росту, что особенно важно в контексте постоянно меняющихся требований к специалистам данного профиля [6, с. 121]. В.А. Сластенин рассматривает профессиональные компетенции

педагогов-психологов через призму готовности к осуществлению профессиональной деятельности и способности решать профессиональные задачи различного уровня сложности [8, с. 391].

Обобщая различные подходы, можно сказать, что профессиональные компетенции педагогов-психологов представляют собой интегративную систему профессионально значимых качеств, знаний, умений и навыков, обеспечивающих эффективное выполнение профессиональных функций в области психолого-педагогического сопровождения образовательного процесса [3].

Наше исследование было направлено на выявление эффективных педагогических условий формирования профессиональных компетенций педагогов-психологов в вузе. Оно охватывало студентов 3–4-х курсов бакалавриата ФГБОУ ВО «УлГПУ им. И.Н. Ульянова» по направлению «Психолого-педагогическое образование». Основным педагогическим условием стало создание комплексной образовательной среды, способствующей формированию профессиональных компетенций будущих педагогов-психологов. В основу легли принципы практико-ориентированного обучения, междисциплинарного подхода и активного вовлечения студентов в квазипрофессиональную деятельность. Эта среда обеспечила студентам возможность освоения необходимых практико-ориентированных знаний и умений как в коллективных, так и в индивидуальных формах обучения.

Развивающая образовательная среда характеризовалась гибкостью и адаптивностью к меняющимся требованиям профессии педагога-психолога. Она включила в себя не только традиционные формы обучения, но и инновационные подходы, такие как проектная деятельность, кейс-стади, ролевые игры и симуляции реальных профессиональных ситуаций. Важным компонентом такой среды стала интеграция теоретического обучения с практической деятельностью, что позволило студентам ФГБОУ ВО «УлГПУ им. И.Н. Ульянова» применять полученные знания в контексте, приближенном к реальным условиям работы. Особое значение в рамках данного педагогического условия приобрело создание атмосферы сотрудничества и взаимной поддержки между студентами, преподавателями и практикующими специалистами. Это поспособствовало формированию профессионального сообщества, в котором студенты могут обмениваться опытом, получать обратную связь и развивать свои коммуникативные навыки [7, с. 205].

Развивающая образовательная среда также предполагала наличие современной материально-технической базы. Важным элементом являлся доступ к актуальным информационным ресурсам, профессиональным базам данных и специализированному программному обеспечению. В рамках данного педагогического условия особое внимание уделялось созданию возможностей для индивидуализации образовательных траекторий студентов направления «Психолого-педагогическое образование». Это было реализовано через систему элективных курсов, возможность выбора тем для исследовательских проектов и направлений практики в соответствии с профессиональными интересами обучающихся.

Создание развивающей образовательной среды выступает как комплексное педагогическое условие, обеспечивающее формирование профессиональных компетенций педагогов-психологов через интеграцию различных форм и методов обучения, практической деятельности и профессионального взаимодействия. Это условие создало основу для эффективного освоения студентами необходимых знаний и умений, развития профессионально важных качеств и формирования готовности к самостоятельной профессиональной деятельности.

В ходе исследования было выявлено, что важным педагогическим условием формирования профессиональных компетенций педагогов-психологов является разработка и внедрение авторской программы. Она была направлена на погружение обучающихся в квазипрофессиональную деятельность и обеспечила этапное отслеживание личных достижений в формировании профессиональных компетенций. Ключевой особенностью такой программы стал ее комплексный характер, охватывающий различные аспекты профессиональной подготовки педагогов-психологов. Она включила в себя как теоретические модули, так и практические компоненты, обеспечивая тесную связь между академическими знаниями и их применением в реальных профессиональных ситуациях. Авторская программа была построена по принципу постепенного усложнения задач и расширения сферы ответственности студентов, что способствовало поэтапному формированию профессиональных компетенций.

Важным элементом программы стало создание условий для рефлексии и самоанализа студентов 3-х и 4-х курсов. Это было реализовано через ведение профессиональных дневников, составление портфолио достижений, участие в групповых обсуждениях и индивидуальных консультациях с наставниками. Такой подход позволяет студентам осознанно подходить к процессу своего профессионального становления, выявлять области для развития и ставить конкретные цели по совершенствованию своих компетенций [12, с. 29]. Программа формирования профессиональных компетенций также включала систему мониторинга и оценки прогресса студентов. Это предполагало разработку четких критериев оценки профессиональных компетенций на разных этапах обучения и использование разнообразных методов оценки, включая экспертную оценку, самооценку, анализ практической деятельности и результатов проектной работы. Регулярная обратная связь от преподавателей, практикующих специалистов и сокурсников играла ключевую роль в этом процессе, помогая студентам корректировать свою образовательную траекторию.

Особое внимание в рамках программы профессионального развития уделили формированию у студентов навыков самостоятельного профессионального роста и адаптации к меняющимся условиям профессиональной деятельности. Это было достигнуто через включение в программу элементов проектной деятельности, участие в профессиональных конкурсах и конференциях, а также через организацию стажировок в различных образовательных организациях. Разработка и внедрение авторской программы выступает

как важное педагогическое условие, обеспечивающее целенаправленное и систематическое формирование профессиональных компетенций педагогов-психологов. Эта программа создала основу для индивидуализации образовательного процесса, активного вовлечения студентов в профессиональную деятельность и развития их способности к самостоятельному профессиональному росту.

В ходе исследования было установлено, что одним из важных педагогических условий формирования профессиональных компетенций педагогов-психологов является также активное использование практико-ориентированных методов обучения. Это условие предполагает применение широкого спектра современных образовательных технологий, направленных на погружение студентов в квазипрофессиональную деятельность и развитие их способности к гибкому поиску решений в различных профессиональных ситуациях. Центральное место в реализации данного условия занимает использование тренингов, которые позволили моделировать реальные профессиональные ситуации и отрабатывать конкретные навыки в безопасной учебной среде. Тренинги способствуют формированию коммуникативных компетенций, навыков консультирования, диагностики и коррекционной работы. Они также помогают студентам лучше понять свои сильные и слабые стороны, развить профессиональную рефлексию и эмпатию [2, с. 532].

Важным компонентом практико-ориентированного обучения явилось использование разнообразных ситуационных заданий, разработанных в тесном сотрудничестве с работодателями. Эти задания отражали актуальные проблемы и вызовы, с которыми сталкиваются педагоги-психологи в своей профессиональной деятельности. Работа над такими заданиями позволила студентам применять теоретические знания на практике, развивать аналитические навыки и творческий подход к решению профессиональных задач. Особое значение в рамках данного педагогического условия приобрела организация практики студентов в различных образовательных организациях. При этом важно было обеспечить разнообразие практического опыта, предоставляя студентам возможность работать с различными возрастными группами и в разных типах образовательных организаций. Такой подход способствовал формированию гибкости мышления и адаптивности к различным профессиональным контекстам.

Использование метода проектов также является эффективным инструментом в рамках практико-ориентированного обучения [9, с. 163]. Работа над долгосрочными проектами, связанными с реальными проблемами в области психолого-педагогического сопровождения, позволила студентам ФГБОУ ВО «УлГПУ им. И.Н. Ульянова» развивать навыки планирования, организации исследований, анализа данных и презентации результатов. Важным аспектом реализации данного педагогического условия является создание возможностей для междисциплинарного взаимодействия. Это было достигнуто через организацию совместных проектов и практических занятий

с участием студентов различных специальностей, что способствовало формированию навыков командной работы и более глубокому пониманию комплексного характера психолого-педагогических проблем.

Применение практико-ориентированных методов обучения выступает как важное педагогическое условие, обеспечивающее эффективное формирование профессиональных компетенций педагогов-психологов. Оно создает основу для активного вовлечения студентов в процесс профессионального становления, развития их способности к самостоятельному решению профессиональных задач и адаптации к динамично меняющимся требованиям профессии [1, с. 87].

Проведенное исследование позволило выявить и обосновать педагогические условия формирования профессиональных компетенций педагогов-психологов в вузе. Результаты экспериментальной работы подтвердили эффективность предложенного комплекса условий и их положительное влияние на процесс профессиональной подготовки специалистов данного профиля. Это проявилось в улучшении практических навыков, повышении профессиональной мотивации, развитии способности к самостоятельному профессиональному росту и формировании более зрелой профессиональной позиции. Условия создают основу для подготовки специалистов, способных успешно решать сложные профессиональные задачи в динамично меняющейся образовательной среде.

Представленные результаты исследования и эффективные педагогические условия формирования профессиональных компетенций педагогов-психологов в вузе открывают ряд перспективных направлений для дальнейших научных изысканий в этой области. Одним из важных направлений может стать более детальное изучение влияния цифровых технологий на процесс формирования профессиональных компетенций. Перспективным представляется углубленное исследование роли междисциплинарного подхода в формировании профессиональных компетенций. Это может включать разработку и апробацию интегрированных курсов, объединяющих психолого-педагогические дисциплины с другими областями знаний.

Таким образом, проведенное исследование не только вносит вклад в понимание процесса формирования профессиональных компетенций педагогов-психологов, но и открывает широкие перспективы для дальнейших научных изысканий, направленных на совершенствование системы профессиональной подготовки специалистов в этой важной области

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алехина, С. В. Готовность педагогов как основной фактор успешности инклюзивного процесса в образовании / С. В. Алехина, М. Н. Алексеева, Е. Л. Агафонова. – Текст : непосредственный // Психологическая наука и образование. – 2011. – № 1. – С. 83–92.
2. Бордовская, Н. В. Психология и педагогика : учебник для вузов / Н. В. Бордовская, С. И. Розум. – СПб. : Питер, 2019. – 624 с. – Текст : непосредственный.

3. Велиева, С. В. Формирование профессиональных компетенций будущих педагогов-психологов / С. В. Велиева, А. Р. Велиев. – Текст : непосредственный // Современные проблемы науки и образования. – 2020. – № 3.

4. Зеер, Э. Ф. Индивидуальные образовательные траектории в системе непрерывного образования / Э. Ф. Зеер, Э. Э. Сыманюк. – Текст : непосредственный // Педагогическое образование в России. – 2014. – № 3. – С. 74–82.

5. Зимняя, И. А. Компетенция и компетентность в контексте компетентного подхода в образовании / И. А. Зимняя. – Текст : непосредственный // Ученые записки национального общества прикладной лингвистики. – 2013. – № 4 (4). – С. 16–31.

6. Митина, Л. М. Психология личностно-профессионального развития субъектов образования. / Л. М. Митина. – СПб. : Нестор-История, 2014. – 376 с. – Текст : непосредственный.

7. Панфилова, А. П. Взаимодействие участников образовательного процесса : учебник и практикум для вузов / А. П. Панфилова, А. В. Долматов. – М. : Юрайт, 2021. – 487 с. – Текст : непосредственный.

8. Сластенин, В. А. Педагогика : учебник для студентов учреждений высшего профессионального образования / В. А. Сластенин, И. Ф. Исаев, Е. Н. Шиянов. – М. : Академия, 2012. – 608 с. – Текст : непосредственный.

9. Фокин, Ю. Г. Теория и технология обучения. Деятельностный подход / Ю. Г. Фокин. – М. : Юрайт, 2020. – 241 с. – Текст : непосредственный.

10. Хуторской, А. В. Методология педагогики: человекообразный подход. Результаты исследования / А. В. Хуторской. – М. : Эйдос, 2014. – 171 с. – Текст : непосредственный.

11. Baumert J. The COACTIV model of teachers' professional competence / J. Baumert, M. Kunter // Student Learning in German Higher Education. – 2020. – No. 1. – Pp. 355–376.

12. A study on the cultivation mechanism of professional competence of applied psychology students from the perspective of school enterprise cooperation / Y. Jiang, J. Wang, S. Tsai, Y. Xue // Frontiers in Psychology. – 2021. – No. 1. – Pp. 24–31.

REFERENCES

1. Alekhina S. V., Alekseeva M. N., Agafonova E. L. Readiness of teachers as the main factor in the success of the inclusive process in education. *Psichologicheskaya nauka i obrazovanie = Psychological science and education*, 2011, no. 1, pp. 83–92. (In Russian).

2. Bordovskaya N. V., Rozum S. I. *Psichologiya i pedagogika* [Psychology and pedagogy]. SPb., Piter, 2019. 624 p. (In Russian).

3. Velieva S. V., Veliev A. R. Formation of professional competencies of future educational psychologists. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya = Modern problems of science and education*, 2020, no. 3. (In Russian).

4. Zeer E. F., Symanyuk E. E. Individual educational trajectories in the system of continuous education. *Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii = Pedagogical education in Russia*, 2014, no. 3, pp. 74–82. (In Russian).

5. Zimnyaya I. A. Competence and competence in average competence in education. *Uchenye zapiski nacional'nogo obshchestva prikladnoj lingvistiki = Scientific notes of national states of applied linguistics*, 2013, no. 4 (4), pp. 16–31. (In Russian).

6. Mitina L. M. *Psichologiya lichnostno-professional'nogo razvitiya sub"ektov obrazovaniya* [Psychology of personal and professional development of subjects of education]. SPb., Nestor-Istoriya, 2014. 376 p. (In Russian).

7. Panfilova A. P., Dolmatov A. V. *Vzaimodejstvie uchastnikov obrazovatel'nogo processa* [Interaction of participants in the educational process]. M., Yurajt, 2021. 487 p. (In Russian).

8. Slastenin V. A., Isaev I. F., Shiyanov E. N. *Pedagogika* [Pedagogy]. M., Akademiya, 2012. 608 p. (In Russian).

9. Fokin Yu. G. *Teoriya i tekhnologiya obucheniya. Deyatel'nostnyj podhod* [Theory and technology of teaching. Activity-based approach]. M., Yurajt, 2020. 241 p. (In Russian).

10. Hutorskoj A. V. *Metodologiya pedagogiki: chelovekosoobraznyj podhod. Rezul'taty issledovaniya* [Methodology of pedagogy: human-oriented approach. Research results]. M., Ejdos, 2014. 171 p. (In Russian).

11. Baumert J., Kunter M. The COACTIV model of teachers' professional competence. *Student Learning in German Higher Education*, 2020, no. 1, pp. 355–376.

12. Jiang Y., Wang J., Tsai S. B., Xue Y. A study on the cultivation mechanism of professional competence of applied psychology students from the perspective of school enterprise cooperation. *Frontiers in Psychology*, 2021, no. 1, pp. 24–31.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Музалева, Д. А. Педагогические условия формирования профессиональных компетенций педагогов-психологов в вузе / Д. А. Музалева. – Текст : непосредственный // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. – 2024. – № 4. – С. 67–74.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Muzaleva D. A. Pedagogical Conditions for Forming Professional Competencies of Teachers-Psychologists at University / D. A. Muzaleva // The Bulletin of Armavir State Pedagogical University, 2024, no. 4, pp. 67–74. (In Russian).

УДК 377.5

**О РАЗВИТИИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО МЫШЛЕНИЯ
БУДУЩИХ ВЕБ-ДИЗАЙНЕРОВ
В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЕ ТЕХНИЧЕСКОГО КОЛЛЕДЖА**

Е.И. Педенко

**ON THE DEVELOPMENT OF ARTISTIC THINKING
OF FUTURE WEB DESIGNERS
IN THE EDUCATIONAL ENVIRONMENT OF THE TECHNICAL COLLEGE**

E.I. Pedenko

Аннотация. Для успешности в профессии веб-дизайнеру необходимы эрудиция в цифровых технологиях и библиотеках данных, серьезная искусствоведческая подготовка, глубокие знания психологии визуального восприятия различных целевых аудиторий, большой коммуникативный опыт, а также умения и навыки художественного мышления и изобразительной деятельности. Только в этом случае продукты творчества веб-дизайнера смогут оказать ожидаемое информационное и психологическое воздействие на посетителей веб-сайтов. Анализ современной педагогической ситуации позволил автору прийти к выводу, что в образовательном процессе колледжей, обучающих веб-дизайнеров, доминирует установка на освоение технологических компонентов профессиональной деятельности, в то время как вопросы формирования художественного мышления и психологии визуального восприятия отнесены на периферию целеполагания. Основываясь на собственном педагогическом опыте, автор предлагает для устранения этого дисбаланса и организации комплексного подхода к обучению будущих веб-дизайнеров использовать ресурсы воспитательной работы колледжа, направленной на достижение учащимися личностных результатов в части их эстетического и художественного развития.

Abstract. To be successful in the profession, a web designer needs erudition in digital technologies and data libraries, serious art history training, deep knowledge of the psychology of visual perception of various target audiences, extensive communication experience, as well as skills and abilities in artistic thinking and visual activity. Only in this case will the web designer's creative products be able to have the expected informational and psychological impact on website visitors. An analysis of the current pedagogical situation allowed the author to conclude that the educational process of colleges that train web designers is dominated by the focus on mastering the technological components of professional activity, while issues of developing artistic thinking and the psychology of visual perception are pushed to the periphery of goal setting. Based on his own pedagogical experience, the author suggests using the resources of the college's educational work aimed at helping students achieve personal results in terms of their aesthetic and artistic development to eliminate this imbalance and organize an integrated approach to training future web designers.

Ключевые слова: веб-дизайнер, веб-сайт, художественное мышление веб-дизайнера, рабочая программа воспитательной работы колледжа, личностные результаты воспитания.

Keywords: web designer, website, artistic thinking of a web designer, work program of educational work of a college, personal results of education.

Термин «веб» (от англ. web – паутина) относится к сохраняющимся на подключенных к Интернету устройствах памяти гипертекстовым документам, доступным пользователям в круглосуточном режиме. Как правило, эти документы создаются с утилитарными целями и предназначены для донесения до интернет-пользователей информации в форме веб-сайтов, то есть комплексов тематически родственных и связанных гиперссылками веб-страниц, объединенных для легкого отыскания в Интернете уникальным доменным именем. Информационная составляющая веб-страниц может быть представлена не только в формате письменных текстов, но и элементов живописи, графики, видео, музыки, звуков и речи [1–5].

Первый веб-сайт, так же как и первый интернет-браузер, появились совсем недавно – на старте последнего десятилетия XX века. Возникнув как пространство свободного обмена информацией и идеями, Интернет довольно быстро «замкнул на себя» подавляющую часть совершаемых людьми интеракций в информационной, социально-политической, производственно-экономической, духовной, культурной и бытовой сферах. В исторически короткий срок он стал атрибутом повседневной реальности для миллиардов людей, а вместе с тем – мощным инструментом прямых и завуалированных манипуляций их сознанием, средством ценностно-смыслового (интенционального) «заражения» в целях управления социально-политическим, производственно-экономическим, религиозным, образовательным, экологическим и потребительским поведением людей. Не только структуры государственного управления, политические партии, крупные производственные и транспортные компании, финансовые, медицинские и торговые организации, но даже небольшие предприятия бытового обслуживания озабочены презентацией себя, своей деятельности и услуг в мировой информационной паутине. Разработка выразительного веб-сайта уже сегодня является вопросом престижа, моды, важным имиджевым сигналом в информационном пространстве [4]. Допускаем, что уже в недалеком будущем информационное содержание и художественные достоинства веб-сайтов станут обсуждаться в обществе столь же пристрастно, как и модные тренды в одежде, обуви, аксессуарах и дизайне среды.

Неудивительно, что профессия веб-дизайнера стала одной из наиболее востребованных на современном рынке труда, а социальный институт образования откликнулся на этот запрос специализированными направлениями профессиональной подготовки. В центре нашего внимания находится деятельность организаций среднего профессионального образования, реализующих образовательную программу 09.02.07 Информационные системы и программирование, где выпускники получают квалификацию «разработчик веб- и мультимедийных приложений». В дальнейшем в тексте статьи, говоря об этой профессиональной практике и профессии, мы будем использовать ставшие традиционными термины «веб-дизайн» и «веб-дизайнер».

В зарубежных организациях, профессионально занимающихся созданием веб-продуктов, конечный результат (в целях повышения его потребительских качеств и сокращения сроков разработки) – это чаще всего плод командных

усилий с характерным для них разделением труда: например, *UX/UI developer* концентрируется на архитектуре сайта, *web-master / web-coder* – на верстке веб-страниц, *system administrator* – на администрировании, продвижении сайтов в Интернете и др. Специалист, отвечающий за художественное оформление сайта, обозначается как *web-artist* или *web graphical designer*. Однако в основном термин «веб-дизайн» здесь относится к технологическим вопросам разработки и функционирования сайтов [2].

В отечественной практике, где пока еще слабо представлены крупные веб-дизайнерские организации, но зато открываются широкие возможности для фриланса, имеет место тенденция к глубокой интеграции технологического и художественного компонентов в деятельности веб-разработчиков. Здесь, как справедливо отмечают Н.С. Власова, И.Б. Дадьянова, Т.В. Пойдина, Ю.В. Савченко, В.Г. Телегей, А.Ю. Урюпина, М.-D. González-Zamar и др., термин «веб-дизайн» охватывает собой широкий круг вопросов – от анализа цели создания веб-продукта, осмысления социокультурных и социально-психологических характеристики потребительской (целевой) аудитории; разработки информационной, логической и функциональной структуры веб-сайта, оптимизации программного кода для эффективного продвижения веб-сайта в Интернете вплоть до поиска оптимального художественно-образного решения [2–7].

В научных источниках под художественным мышлением понимается форма психического отражения, понимания, оценки и преобразования действительности человеком сквозь призму художественных идеалов, вкусов, норм и канонов. В процессе художественного мышления в сознании веб-дизайнера возникает художественный образ, который он затем «материализует» в конкретном предмете художественного творчества [8; 9].

В отличие от свободных художников, веб-дизайнеры в своем творчестве вдохновляются темами, задаваемыми извне, и в этом смысле прямо зависят от заказчиков и их нередко весьма расплывчатых пожеланий. Заказ – это стартовый элемент для возникновения художественно-проблемной ситуации, стимулирующей поиск оптимального художественного замысла и выбор необходимых для его воплощения художественно-изобразительных и художественно-выразительных средств. Нередко художественная идея опосредуется фразами-слоганами, отражающими смысловую квинтэссенцию, целевую установку организации заказчика.

Заметим, что запрос на художественное мышление веб-дизайнеров, с нашей точки зрения, уже вполне оформился, так как более широкие круги заказчиков не ограничиваются сугубо информационными целями, ожидая, что веб-сайты, представляющие их деятельность во всемирной информационной паутине, будут формировать у пользователей целостные художественные впечатления, в которых информационный, экспрессивный и функциональный компоненты составят неразрывное единство [5; 10].

Вместе с тем опыт показывает, что в подавляющем большинстве случаев заказчики не обладают высоким уровнем художественной культуры и в своих

запросах ориентируются на уже существующие веб-сайты партнеров или конкурирующих организаций. Квалифицированный веб-дизайнер должен предложить художественные идеи и образы, во-первых, отражающие целевые установки и корпоративный стиль организации, во-вторых, отвечающие социокультурным особенностям и потребностям целевых аудиторий, а в-третьих, поднимающие разрабатываемый проект на уровень артефакта художественной культуры. Заказы на веб-сайты торгово-развлекательного центра, спортклуба, картинной галереи, учреждения дополнительного образования, финансовой организации, транспортного предприятия, медицинского центра и др. должны опираться на различные художественные образы и решения. Скажем, экстравагантный и футуристический стиль «гранж» вряд ли подойдет для веб-сайта стоматологической клиники, также как классический стиль не совпадет с ожиданиями организаторов и посетителей молодежного фан-клуба. При этом можно уверенно констатировать, что стремительно расширяющаяся база веб-сайтов приводит к возникновению у части заказчиков потребности в «штучных», отмеченных печатью авторской уникальности веб-продуктах, художественные образы которых воспринимаются пользователями как аргументы в пользу деловой репутации организаций-заказчиков и подтверждения востребованности их деятельности в обществе.

Творческий арсенал веб-дизайнеров составляет невероятно богатая палитра платных и находящихся в свободном доступе инструментов, которые используются веб-дизайнерами как своеобразный «строительный материал»:

- программное обеспечение (включая средства искусственного интеллекта);
- библиотеки графических элементов, векторных изображений;
- банки кириллических и латинских шрифтов, логотипов, живописных и графических иллюстраций, текстур, иконок, фотографий, видеороликов и образцов анимации;
- сервисы для подбора готовых цветов или создания самостоятельного цветового решения и др.;
- банки образцов различных сеток, фреймворков, веб-темплейтов (веб-шаблонов), PSD-шаблонов, макетов, мокапов, слои и готовые элементы которых обеспечивают оптимизацию размещения контента на веб-страницах и др.

Технологически подготовленный, но не обладающий достаточным уровнем художественного мышления, веб-дизайнер с помощью перечисленных выше ресурсов существенно экономит свое рабочее время, но будет испытывать серьезные затруднения в создании целостного художественного образа, отвечающего критериям гармонии, художественного вкуса и стиля. Не случайно Г.П. Блуднов, Р.Е. Филенко и др. утверждали, что наиболее перспективными для обучения профессии веб-дизайнера являются лица, предварительно получившие (или же параллельно получающие) художественно-графическую подготовку, поскольку знания, умения и навыки в области композиции, живописи, графики, декоративно-прикладной деятельности, а также эрудиция в истории изобразительного искусства, инфографике, типографике и фотографии являются фундаментом для развития художественного мышления веб-дизайнера

и создания уникальных образцов, позволяющих говорить о веб-дизайнерском искусстве как о важном и относительно самостоятельном направлении художественного творчества [1; 10].

Знакомясь с федеральным государственным образовательным стандартом 09.02.07 Информационные системы и программирование, образовательной программой и ее методическим обеспечением, несложно убедиться в доминировании установки на освоение учащимися колледжа технико-технологического инструментария профессиональной деятельности веб-разработчика – языков программирования, эффективных методов прототипирования и макетирования, способов повышения функциональности веб-сайтов и веб-приложений (юзабилити), приемов оптимизации восприятия пользователями текстовой и визуальной информации, повышения коммерческой эффективности веб-ресурсов и др. Но при этом явно недооценивается то, что любой веб-сайт воспринимается, осмысливается и оценивается пользователями не только как источник необходимой им информации, но и как объект визуальной художественной культуры [11]. В учебном плане фактически отсутствуют специальные дисциплины, направленные на развитие художественного мышления учащихся на основе приобщения их к художественному наследию и опыту изобразительной деятельности.

Заметим, что установка на технологические аспекты веб-дизайнерской деятельности отчетливо проявляется не только в образовательном стандарте и учебном плане, но и в сознании абитуриентов. Например, среди первокурсников Таганрогского авиационного колледжа им. В.М. Петлякова, приступивших к освоению профессии веб-дизайнера в 2020, 2021, 2022 и 2023 годах (всего 95 человек), выпускники художественных школ и студий составили всего лишь 6,3 %.

Мы считаем, что комплексный, условно говоря художественно-технологический, характер профессиональной деятельности веб-дизайнера опосредует потребность в организации комплексных учебно-воспитательных взаимодействий в образовательной среде колледжа, когда технологическая информация и опыт разработки сайтов сопровождаются развернутой программой эстетического и художественного воспитания, направленной на развитие художественно-образного мышления учащихся. В профессиональном становлении учащихся наряду с дисциплинами учебного плана и практиками важную роль должны сыграть мероприятия, планируемые Рабочей программой воспитательной работы колледжа.

В основе этой Рабочей программы лежат «Стратегия развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года», утвержденная распоряжением Правительства РФ от 29.05.2015 г. № 996-р, Распоряжение Правительства РФ от 12.11.20 г. № 2945-р «Об утверждении Плана мероприятий по реализации в 2021-2025 годах Стратегии развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года», а также «Методические рекомендации по реализации Стратегии развития воспитания на уровне субъекта Российской Федерации», сформулированные в письме Минпросвещения России от 7.04.2021 г. № 06-433.

В соответствии с этими документами Рабочая программа воспитания колледжа является обязательной частью основной профессиональной образовательной программы (ОПОП) и составляется с учетом ФГОСа и Примерной рабочей программы воспитания СПО.

Рабочая программа воспитательной работы Таганрогского авиационного колледжа им. В.М. Петлякова с будущими веб-дизайнерами нацелена на достижение учащимися личностных результатов, которые придают определенный «смысловой объем» формируемым в учебном процессе профессиональным компетенциям. В целях детализации целеполагания воспитательной работы мы конкретизировали формулировки личностных результатов сквозь призму профессиональных задач, стоящих перед веб-дизайнером:

- идентифицирует себя как гражданина многонационального государства, профессиональная деятельность которого разворачивается в поликультурном пространстве; переживает чувства единения с историей и культурой российского общества, ответственности за уровень его художественного и культурного развития; готов своей профессиональной деятельностью способствовать развитию визуальной художественной культуры человека и общества;

- с уважением относится к исторически сложившейся художественной культуре и духовно-нравственным ценностям российского общества; активно приобщается к отечественному и зарубежному художественному наследию; готов к творческому переосмыслению достижений визуальной художественной культуры в своей профессиональной деятельности;

- в процессе выполнения профессиональных функций готов к эффективным деловым и межличностным взаимодействиям, диалогу, конструктивному сотрудничеству, кооперации усилий с коллегами и заказчиками веб-продуктов; способен к адекватному пониманию и учету в веб-проектировании социокультурных и социально-психологических особенностей, а также ценностно-смысловой и потребностной сфер представителей различных социально-демографических групп, формальных и неформальных общественных объединений и субкультур;

- осуществляет осознанный выбор веб-дизайнерского творчества как основного способа личностной самореализации; уважительно относится к собственной профессиональной деятельности и художественному творчеству других людей; способен к анализу и адекватной оценке своего творческого опыта; способен к волевому самоуправлению и самодисциплине в решении профессиональных задач; ориентирован на профессиональное и личностное саморазвитие в течение всей профессиональной жизни;

- в ходе профессиональной деятельности проявляет заботу о социально-политической устойчивости общества, сохранении природы, безопасности жизнедеятельности, соблюдении культуры межличностных отношений; стремится собственную жизнь и профессиональную деятельность строить по законам гармонии и красоты;

- разделяет традиционные семейные ценности; готов пропагандировать гармоничные детско-родительские отношения и создание благоприятных условий для воспитания детей.

В целях достижения личностных результатов Рабочая программа воспитательной работы Таганрогского авиационного колледжа им. В.М. Петлякова в части эстетического и художественного воспитания учащейся молодежи предусматривает ряд мероприятий:

- творческие встречи с практикующими фрилансерами с целью формирования профессиональной идентичности будущих веб-дизайнеров («Я – веб-дизайнер», «Беседы у компьютера», «Курьезы веб-дизайна», «Художественное мышление веб-дизайнера», «Мой опыт взаимодействий с заказчиком» и др.);

- посещения выставок живописи и графики местных художников в картинной галерее города с целью обогащения зрительского опыта;

- беседы с искусствоведом – «Художественный образ в графическом искусстве», «Выразительные формы абстрактного смысла», «Художественный образ в веб-дизайне», «Знакомьтесь: веб-минимализм (Кими Льюис и другие)», «Изобразительные прототипы веб-дизайнерских решений», «Творческий метод Шантелл Мэй Мартин», «Айдентика Сергея Шапиро», «Мир вещей Лотты Ниеминен», «Образы семьи и детства в графике» и др. с целью развития визуальной наблюдательности;

- диспуты – «Что есть красота в жизни и искусстве?», «Веб-дизайнер – конструктор или художник: альтернатива искусству или интеграция с ним?», «Нужен ли авторский стиль в веб-дизайне?», «Морис Дюшан и компания: высокое искусство или хулиганство?», «Духовно-нравственные начала творчества веб-дизайнера» и др. с целью развития критического художественного мышления;

- просмотры документальных фильмов и дискуссии по поводу их содержания – "Why man creates?" («Почему человек творит?»), "Art & Copy" («Изображение и текст»), "Urbanized" («Урбанизированный»), "Objectified" («Овеществление»), "Design and Thinking" («Дизайн-мышление»), «Ошибки начинающих веб-дизайнеров» и др. с целью изучения выдающихся достижений и творческого процесса в веб-дизайне;

- творческие конкурсы студийного рисунка (например, «Вещи в себе», «Ценности возраста акме», «Катарсис», «Свет и тень»), пейзажа (гуашь: «Почти как В. ван Гог», «Утро и вечер, день и ночь», «Почти как Ж. Сёра»), ведуты («Почти как М. Утрилло», «Почти как К. Писарро», «Экспрессия ночного города»), а также графического дизайна («Природные формы в типографике», «Снова готика», «Восток – дело тонкое!», «Ох, уж этот друдл!»¹), художественной фотографии («Арабески», «Художник и его модель», «Интерьеры», «Образ города», «Остановись мгновение», «Портрет», «Быт как искусство: композиция-постановка из кухонной утвари»), коллажа (композиция из газетных и журнальных вырезок: «Уже совсем как В. Кандинский», «Натюрморт как у Ж. Брака») и др. в целях развития образного мышления

¹ *Droodle* (от комбинации англ. слов *doodle* – каракули, *drawing* – рисунок и *riddle* – загадка) – юмористический рисунок-загадка в минималистическом стиле, использующий абстрактные геометрические формы.

будущих веб-дизайнеров и формирования у них опыта использования различных изобразительных средств и композиции для создания художественного образа и передачи экспрессий;

- в рамках клуба «Веб-Художник» практические занятия по академической живописи (постановка, акварель) и академическому рисунку (постановка, карандаш).

Подводя итог нашим рассуждениям, отметим, что анализ научно-методической литературы и опыт наблюдений за деятельностью учреждений среднего профессионального образования позволяют констатировать крен в сторону освоения будущими веб-дизайнерами умений и навыков работы с технологическим инструментарием при явной недооценке цели формирования их художественного мышления. Понимание веб-дизайнера как художника, решающего специфические творческие задачи специфическими художественными средствами, требует реализации в образовательном процессе комплексного подхода, в котором аудиторная учебная работа органично сочетается с мероприятиями, реализуемыми в рамках плана воспитательной работы колледжа. Здесь различные формы эстетического и художественного воспитания будущих веб-дизайнеров носят характер неформальных интеракций, в которых рациональное и эмоциональное начала выступают как неразрывная целостность, а продукты профессиональной деятельности обретают не только информационное, но и художественное значение.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Блуднов, Г. П. Веб-дизайн как средство специальной подготовки студентов художественно-графических факультетов : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата педагогических наук / Блуднов Григорий Павлович. – М., 2004. – 14 с. – Текст : непосредственный.

2. Власова, Н. С. Научно-методическое обеспечение подготовки студентов вузов в области Web-дизайна : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата педагогических наук / Власова Наталья Сергеевна. – Екатеринбург, 2010. – 28 с. – Текст : непосредственный.

3. Урюпина, А. Ю. Развитие эстетического вкуса будущих дизайнеров средствами информационной образовательной среды : монография / А. Ю. Урюпина. – Ханты-Мансийск : ХМИД и ПИ (фил.) ФГБОУ ВПО «УралГАХА», 2012. – 150 с. – Текст : непосредственный.

4. Телегей, В. Г. Формирование эстетического отношения студентов-дизайнеров к профессии в процессе вузовского обучения : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата педагогических наук / Телегей Вера Григорьевна. – Краснодар, 2006. – 21 с. – Текст : непосредственный.

5. González-Zamar M.-D. Digital Education and Artistic-Visual Learning in Flexible University Environments: Research Analysis / M.-D. González-Zamar, E. Abad-Segura, A. Luque de la Rosa, E. López-Meneses // Education Sciences. – 2020. – No. 10. – URL: <https://files.eric.ed.gov/fulltext/EJ1277083.pdf> (дата обращения: 19.09.2024).

6. Дадьянова, И. Б. Веб-дизайн в профессиональной деятельности графического дизайнера / И. Б. Дадьянова. – Текст : непосредственный // Человек и культура. – 2023. – № 3. – С. 137–148.

7. Пойдина, Т. В. Веб-дизайн в профессиональной культуре современного дизайнера / Т. В. Пойдина, Ю. В. Савченко. – Текст : непосредственный // Ученые записки Алтайской государственной академии культуры и искусств. – 2018. – № 3. – С. 169–172.

8. Карих, В. В. Художественное мышление как феноменологическая категория / В. В. Карих, А. А. Агеева. – Текст : непосредственный // Азимут научных исследований: педагогика и психология. – 2017. – Том 6. – № 1 (18). – С. 248–251.

9. Wei Zhu. Study of Creative Thinking in Digital Media Art Design Education / Wei Zhu // Creative Education. – 2020. – Vol. 11. – No. 2. – Pp. 77–85.

10. Филенко, Р. Е. Значение композиции при обучении веб-дизайну студентов художественных факультетов / Р. Е. Филенко. – Текст : непосредственный // Теория и практика общественного развития. – 2013. – № 1. – С. 162–164.

11. Арнхейм, Р. Искусство и визуальное восприятие / А. Арнхейм. – М. : Прогресс, 1974. – 392 с. – Текст : непосредственный.

REFERENCES

1. Bludnov G. P. *Veb-dizajn kak sredstvo special'noj podgotovki studentov xudozhestvenno-graficheskix fakul'tetov* [Web design as a means of special training for students of art and graphic faculties]. M., 2004. 14 p. (In Russian).

2. Vlasova N. S. *Nauchno-metodicheskoe obespechenie podgotovki studentov vuzov v oblasti Web-dizajna* [Scientific and methodological support for training university students in the field of Web design]. Ekaterinburg, 2010. 28 p. (In Russian).

3. Uryupina A. Yu. *Razvitie esteticheskogo vkusa budushhix dizajnerov sredstvami informacionnoj obrazovatel'noj sredy* [Development of aesthetic taste of future designers by means of information educational environment]. Xanty-Mansijsk, 2012. 150 p. (In Russian).

4. Telegej V. G. *Formirovanie esteticheskogo otnosheniya studentov-dizajnerov k professii v processe vuzovskogo obucheniya* [Formation of aesthetic attitude of design students to the profession in the process of university education]. Krasnodar, 2006. 21 p. (In Russian).

5. González-Zamar M.-D., Abad-Segura E., Luque de la Rosa A., López-Meneses E. Digital Education and Artistic-Visual Learning in Flexible University Environments: Research Analysis. *Education Sciences*, 2020, no. 10. URL: <https://files.eric.ed.gov/fulltext/EJ1277083.pdf>.

6. Dad'yanova I. B. Web design in the professional activity of a graphic designer. *Chelovek i kul'tura = Man and Culture*, 2023, no. 3, pp. 137–148. (In Russian).

7. Pojdina T. V., Savchenko Yu. V. Web design in the professional culture of a modern designer. *Uchenye zapiski Altajskoj gosudarstvennoj akademii kul'tury i iskusstv = Scientific notes of the Altai State Academy of Culture and Arts*, 2018, no. 3, pp. 169–172. (In Russian).

8. Karix V. V., Ageeva A. A. Artistic thinking as a phenomenological category. *Azimut nauchnyx issledovanij: pedagogika i psixologiya = The azimuth of scientific research: pedagogy and psychology*, 2017, vol. 6, no. 1 (18), pp. 248–251. (In Russian).

9. Wei Zhu. Study of Creative Thinking in Digital Media Art Design Education. *Creative Education*, 2020, vol. 11, no. 2, pp. 77–85.

10. Filenko R. E. The Importance of Composition in Teaching Web Design to Art Students. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya = Theory and practice of social development*, 2013, no. 1, pp. 162–164. (In Russian).

11. Арнхейм Р. *Искусство и визуальное восприятие* [Art and visual perception]. М., 1974. 392 p. (In Russian).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Педенко, Е. И. О развитии художественного мышления будущих веб-дизайнеров в образовательной среде технического колледжа / Е. И. Педенко. – Текст : непосредственный // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. – 2024. – № 4. – С. 75–84.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Pedenko E. I. On the Development of Artistic Thinking of Future Web Designers in the Educational Environment of the Technical College / E. I. Pedenko // The Bulletin of Armavir State Pedagogical University, 2024, no. 4, pp. 75–84. (In Russian).

УДК 37.01

**АНАЛИЗ ПОНЯТИЯ «КРЕАТИВНОСТЬ»
КАК ОСНОВА ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ
ФОРМИРОВАНИЯ КРЕАТИВНОГО МЫШЛЕНИЯ ШКОЛЬНИКОВ**

Я.Н. Тамашина

**THE ANALYSIS OF THE CONCEPT OF "CREATIVITY"
AS THE BASIS OF PEDAGOGICAL RESEARCH
ON THE FORMATION OF CREATIVE THINKING OF STUDENTS**

Ya.N. Tamashina

Аннотация. В статье представлены лингвистический и философский аспекты понятия «креативность» как основа педагогических изысканий, посвященных формированию креативного мышления школьников. По мнению автора, в условиях новых вызовов, связанных с динамичностью изменений во всех сферах жизнедеятельности общества, встает вопрос о необходимости не только оценивать, но и системно формировать и развивать креативное мышление учащихся. Поиск результативных средств формирования креативного мышления школьников требует педагогического осмысления понятия «креативность». Лингвистический и дискурсивный анализ, изучение философского аспекта креативности дает возможность автору разграничить понятия «креативность» и «творчество». Обобщение выдвинутых в статье положений позволяет сделать вывод о том, что творчество по отношению к креативности выступает первичным, более широким понятием. Для дальнейшего исследования результативных средств формирования креативного мышления у обучающихся в статье обосновывается необходимость проведения анализа психологического аспекта понятий «креативность» и «креативное мышление».

Abstract. The article presents the linguistic and philosophical aspects of the concept of "creativity" as the basis of pedagogical research devoted to the formation of creative thinking of schoolchildren. According to the author, in the context of new challenges associated with the dynamism of changes in all spheres of society, the question arises of the need not only to evaluate, but also to systematically form and develop creative thinking of students. The search for effective means of forming the creative thinking of schoolchildren requires a pedagogical understanding of the concept of "creativity". Linguistic and discursive analysis, the study of the philosophical aspect of creativity makes it possible for the author to distinguish between the concepts of "creativity" and "creativity". Generalization of the provisions put forward in the article allows us to conclude that creativity in relation to creativity is a primary, broader concept. For further research of effective means of forming creative thinking in students, the article substantiates the need to analyze the psychological aspect of the concepts of "creativity" and "creative thinking".

Ключевые слова: креативность, креативное мышление, творчество, формирование креативного мышления.

Keywords: creativity, creative thinking, formation of creative thinking.

В современном мире скорость преобразований в различных сферах общества значительно повысилась. Увеличение темпов жизни и необходимость адаптироваться к постоянно обновляющимся условиям жизнедеятельности относятся к числу факторов, формирующих новые вызовы. В этой связи потребность в людях, способных нестандартно подходить к решению различных задач, относящихся как к повседневной, так и к профессиональной деятельности, значительно возросла.

Выдвижение разнообразных идей для решения социальных проблем, планирование новых областей применения знакомых предметов в условиях ограниченных ресурсов, выявление и оценка достоинств и недостатков наблюдаемых эффектов, адаптация идей с учетом изменившихся условий и многие другие умения характеризуют способность человека мыслить креативно. Именно креативность как одно из качеств потенциального работника востребована среди современных работодателей независимо от сферы труда.

Закономерным следствием новых вызовов, связанных с динамичностью изменений во всех сферах жизнедеятельности общества, стало введение в 2022 году в международных и отечественных мониторингах оценки качества образования нового направления – «креативное мышление».

Поскольку системе образования необходимо гибко реагировать на запросы общества, она должна не только оценивать, но и системно формировать и развивать креативное мышление учащихся. Вышесказанное актуализирует проблему поиска результативных средств, которые бы позволили комплексно и целенаправленно интегрировать процесс формирования креативного мышления в деятельность общеобразовательных учреждений.

Решение данной проблемы требует педагогического осмысления понятия «креативность». Данное понятие является сравнительно новым для педагогической науки. С этим связано отсутствие его общепризнанного понимания. Дискурсивная неопределенность усугубляется неоднозначностью трактовки слова «креативность» (creativity) при его переводе с английского языка. Это, в свою очередь, осложняет изучение имеющихся результатов зарубежных исследований в этой области.

Таким образом, необходимо обратиться к лингвистическому и философскому аспектам понятия «креативность» как основе для педагогического исследования, объектом которого является формирование креативного мышления обучающихся основной и средней школы.

Перейдем к *лингвистическому анализу* понятия «креативность».

На бытовом уровне слова «креативность», «креатив» и «креативный» имеют достаточно широкое употребление в русском языке, не всегда, однако, соответствующее смыслу самого понятия, даже учитывая его многозначность.

Согласно исследованиям В.В. Мороз, слово «create», от которого происходит английское creativity, имеет латинское происхождение (creatus формы creare) и означает «делать». Корни этого слова также можно обнаружить

в греческом слове «kreinein», означающем «осуществлять, совершать» [12]. Таким образом, в понятии «креативность» имеется деятельное начало уже на уровне словообразования.

Несмотря на раннее появление таких понятий, как творение, создатель и создание, в сравнительно молодом английском языке слово «Creator» (Создатель) появилось только в XIII веке, creative (творческий) – в 1678 году, а creativity по данным OED (Oxford English Dictionary) – в 1659 году в значении **способности или силы творить** и/или факультета творчества [22]. Согласно словарю Merriam-Webster's Collegiate Dictionary только в 1875 году creativity приобрело также значение **качества творчества** [21].

Форма и значение слов, сохранивших общие корни (creator, creative, creativeness и creativity), также изменились. Так, например, в Средние века Creator (Создателем) мог считаться только Бог, поэтому и слово писалось с заглавной буквы. Даже самые выдающиеся люди того времени отказывали себе и другим в творческом начале, приписывая идею и акт ее воплощения Богу. Сейчас под творцом (creator) может пониматься человек абсолютно любой профессии. Таким образом, термин «creator» в современном языке может применяться как в адрес представителя «творческой профессии», так и к человеку, чье отношение к выполнению работы, можно считать творческим (креативным). Следовательно, прямое заимствование слова «креативность» из английского осложняет разграничение таких понятий, как «творчество» и «креативность» в русском языке. Это породило общие эквиваленты понятий «творческий» / «креативный», «творчество» / «креативность»:

- creative – *творческий*, созидательный, *креативный*, художественный;
- creativity – *креативность*, творческий подход, *творчество*, креатив, созидание, инициативность.

В рамках проводимого педагогического исследования, объектом которого является формирование креативного мышления обучающихся основной и средней школы, важно, что два последних значения перевода слова «creativity» отражают деятельное (активное) начало рассматриваемого понятия.

Анализ англоязычных толковых словарей также указывает на неоднозначность трактовки понятия «creativity»:

1) **способность** создавать или использовать **оригинальные и необычные идеи** [28];

2) состояние или **качество творчества; способность** превосходить традиционные идеи, правила, модели, отношения и т. п. и создавать значимые **новые идеи, формы, методы, интерпретации** и т. д.; **оригинальность**, прогрессивность или воображение; процесс, посредством которого человек использует творческие способности [20];

3) синоним слова «творчество»; **способность** создавать; **качество творчества** [21];

4) использование навыков и воображения для **создания чего-то нового** или произведения искусства [23] и т. д.

Таким образом, толкование слова «creativity» в английском языке демонстрирует многоаспектность данного понятия, что приводит к использованию большого количества синонимов, взаимозамещению значений и дефиниций.

Дискурс-анализ показал, что в некоторых исследованиях «творчество» и «креативность» рассматриваются в качестве синонимов. Однако, изучение различных источников, дающих толкование английскому слову «creativity» [19–26; 28] позволяет нам выявить наиболее часто встречающиеся интерпретации, которые объясняют креативность *как качество творчества*, проявляющееся в *способности создавать новое* (оригинальные идеи, способы, модели, формы, методы, правила, интерпретации, отношения и др.). Это в целом согласуется с позицией автора статьи, который признает за понятием «креативность» относительную самостоятельность в той связи, что креативность отражает один из аспектов творчества.

Принимая во внимание сравнительную новизну и отсутствие единого подхода к толкованию креативности, неоднозначность трактовок слова «creativity» при его переводе с английского языка, считаем необходимым исследовать *философский аспект* данного понятия.

Согласно Е.П. Ильину, впервые понятие «креативность» было использовано в 1922 году Д. Симпсоном и обозначало способность человека отказаться от стереотипных способов мышления [6, с. 156].

При этом считается, что история изучения креативности связана с именем шотландского пресвитерианского священника XVIII века У. Даффа, который одним из первых проанализировал природу гениальности. Его труд «Опыт оригинальной гениальности» является первой попыткой в установлении когнитивных особенностей людей, объясняющих разницу в их достижениях. В качестве основополагающих аспектов, детерминирующих различия в свершениях, Уильям Дафф выделил вкус, суждение и воображение, отводя последнему самый весомый вклад в гениальность. Ему, согласно исследованиям А.В. Морозова, удалось предвосхитить разделение мышления на конвергентное и дивергентное, а также обозначить существование различных стилей в решении проблем: адаптивных и инновативных [13, с. 11].

Таким образом, интерес к креативности возник задолго до введения самого понятия. Отдельные аспекты креативности в современной ее интерпретации изучались в рамках различных философских концепций и теорий, как правило, посвященных творчеству.

Так, Платон, несмотря на спорность его идеи о «демоническом» источнике творчества (одержимости), указал на невозможность значимого свершения без воодушевления и самовыраженности художника [3]. Аристотель, подчеркивающий особую значимость искусства, может считаться представителем ассоцианистского подхода к изучению творчества, который получит свое распространение уже в XVIII веке [11, с. 59].

В рамках христианской философии Средневековья (Августин Блаженный, Фома Аквинский) решающая роль в раскрытии творческой силы человека

отводилась Богу и церкви (христианству), в то время как сам человек оставался анонимен. Кроме того, роль «проводника божественного творческого замысла» признавалась не за каждым человеком, а только за теми, кто обладал талантом – проявлением «божественного выбора» [11, с. 59].

Ситуация изменилась в период Возрождения, когда каждый человек провозглашается творцом, получая таким образом божественную характеристику и право авторства. Особое внимание, придаваемое художественной форме в эпоху «творческого бума», порождает интерес к оригинальности и необычности, став предпосылкой для их выделения в качестве важных характеристик творчества в философских, психологических и педагогических исследованиях в более поздний период.

Новое время противопоставило творчеству интеллект и логику как универсальный метод познания. Яркие представители философской мысли XVII–XVIII веков: Ф. Бэкон, Т. Гоббс, Дж. Локк, Дж. Беркли, Ж.-Ж. Руссо, А.Э.К. Шефтсбери – в той или иной степени затронули тему творчества в своих трудах. Так, Т. Гоббс в «Левиафане» закладывает основы «теории воображения», согласно которой воображение – активная сила, имеющая два уровня, на верхнем из которых создаются новые образы и идеи [27]; Дж. Локк видит в разуме два начала (пассивное и активное) и наделяет его властью (воображением) производить из простых вещей сложные [27]; А.Э.К. Шефтсбери приписывает творческую силу не уму или способности видения мира, а «продуктивной функции разума» [27, с. 25].

Наличие большого количества дискуссий вокруг понятия творчества породило в изучаемый период еще одну концепцию, согласно которой творческий потенциал и его проявление предопределены социально-политической обстановкой.

Таким образом, философия XVII–XVIII веков внесла свой вклад в понимание творчества, его источника и природы, вместе с тем отразив отдельные аспекты креативности.

Особые взгляды на творчество были и у представителей немецкой классической философии.

И. Канту удалось связать творческую деятельность с активностью сознания, которая коренится в продуктивном воображении, имеющем спонтанный характер [1]. Философ задолго до З. Фрейда признавал наличие в нашем интеллекте «темных представлений», в которых он видел источник творческого воображения.

В «Критике способности суждения» И. Кант развил идею продуктивного воображения, согласно которой предмет воспринимается и мыслится в одном из двух аспектов: с точки зрения природы или с точки зрения свободы. Одновременно совместить их невозможно – только в порядке последовательной смены. Искусство нарушает этот порядок, так как является природой, действующей по законам свободы, то есть является «как бы реальностью».

Оно не вносит ничего нового, только меняет точку зрения на предмет, который, таким образом, показывает и себя и нечто еще. И. Кант называет эту смену взгляда на предмет символической [10]. В контексте описания символической («как бы») реальности у И. Канта появляется тема культуры человека, которая рассматривается им как последняя цель природы [8, с. 271–276]. Свободная игра воображения и разума позволяет связать мир видимого и невидимого, и становится у И. Канта основой символического познания, выступающего главным инструментом культуры [10].

Разработка проблемы творчества И. Кантом оказала существенное влияние на его последователей. Так, у Ф. Шеллинга творческое воображение выражалось в интеллектуальной интуиции, в которой сочетаются сознательная и бессознательная (природная) деятельность в процессе движения познания к абсолюту. Гениальность выделялась им в качестве особого вида творчества, реализуемого бессознательно под воздействием божественного импульса. Согласно Шеллингу, воображение присуще и Богу и человеку. Но если божественное воображение создает Вселенную и человека, то человеческое воображение, высшим проявлением которого является искусство, это низший уровень аналога божественного воображения [2, с. 86].

Другой выдающийся философ И.Г. Фихте в познании внешнего мира признавал силу продуктивного воображения, которое берет на себя наиважнейшую роль в обосновании обыденного или эмпирического сознания и требуются для актуализации потенциальной природы Я [9, с. 101–120].

Уникальными являются суждения о творчестве А. Шопенгауэра. По его мнению, творец наделен избыточными познавательными способностями, стремится постичь идею каждой вещи, сосредотачиваясь на объекте созерцания. Это особенности творческой личности. Одновременно, сам творческий акт философ сравнивает с грезой, а большое значение в творческом процессе отдает фантазии, расширяющей границы творца и позволяющей ему выйти за пределы собственного опыта [1, с. 35].

В конце XIX – начале XX века особое внимание творчеству уделялось в рамках двух философских течений – философии жизни и экзистенциализма.

Согласно философии жизни творчество присуще человеку с рождения, так как обусловлено его природой.

А.-Л. Бергсон, один из ярких представителей «жизненной философии», рассматривал появление новизны не как предопределенный результат реализации механистических сил, а как итог чистого неопределенного творения, связанного с иррациональной интуицией – божественным даром, данным не каждому. Являясь центральным звеном творческого процесса, она направляет деятельность человека, главенствует в его духовной жизни [7, с. 53].

Экзистенциалисты носителем творческого начала считали личность. Сам творческий акт объяснялся ими как экстатический прорыв, детерминированный природной необходимостью.

Существенный вклад в осмысление творчества внес один из ярчайших представителей «христианского экзистенциализма» Н.А. Бердяев. В фундаментальном труде «Смысл творчества. Опыт оправдания человека» философ пишет о творчестве как о единственном виде деятельности, делающего человека человеком. Способность к творчеству, сближающая человека с Богом, «оправдывает» его (его греховность). Говоря о творчестве, Николай Александрович акцентирует внимание не на продукте (результате), а на самом творческом процессе, кульминацией которого является творческое озарение.

Богopodobие, по Н.А. Бердяеву, заключается еще в одном важном моменте: поскольку человек может творить, а творчество подразумевает неограниченность действий, т. е. свободу, следовательно, свобода является еще одной характеристикой человека, приносящего в мир то новое, что является социально значимым, изменяющим не только того, кто творит, но и окружающих [4, с. 247–248].

Ориентация мыслителей начала XX веков на признание экзистенциальной важности и поиск смысла творчества способствовала выделению в рамках философского анализа не только целевых, но и процессуальных сторон творчества. Это во многом способствовало исследованию механизмов творчества уже в рамках психологии.

Современную философию можно охарактеризовать еще большим вниманием к человеку и отказом от следования жестким установлениям науки. С.Р. Яголковский видит истоки современного понимания смысла творческой деятельности человека уже в работах М. Хайдеггера и Х.Г. Гадамера. Свобода человека, понимаемая ими как возможность интерпретировать текст, сделала и автора, и интерпретатора равноправными «творцами» интегрального творческого продукта. Обмен мыслями, осуществляемый посредством текста, способствует возникновению оригинальных идей как на этапе создания, так и во время чтения и интерпретации текста [18].

В рамках постструктурализма (Ж. Делез, Ж. Деррида, Ю. Кристева) проблема творчества рассматривается через существование, столкновение и обмен различными идеями, в связи с чем человеку открываются необозримые перспективы для творчества.

Уход от канонов формальной логики и признание «равноправности» идей и суждений в постмодернистском направлении (Ж. Бодрийар, Ж. Батай) также «освободили» человека в его творчестве, вовлекая в единый творческий процесс большое число авторов.

Рост влияния постструктуралистских и постмодернистских взглядов на творчество в конце XX – в начале XXI вв. происходил параллельно с популяризацией восточных и мистических походов к его пониманию (Ш. Ауробиндо, Б.Ш. Раджниш (Ошо) и др.). Так, Ошо рассматривает творчество как величайший в существовании бунт, который возможен только через освобождение от обусловленности и психологии толпы, через расслабление посредством специальных практик [15].

В условиях развития информационного общества интерес к проблеме творчества и отдельным его аспектам значительно возрос. Современные философские концепции часто рассматривают творчество через призму влияния на человека информационно-коммуникативных технологий и искусственного интеллекта. Идеи М.В. Бессарабова о возрастании в творческом процессе роли интеллекта [5]; А.С. Нариньяни о появлении «человека электронного», творческий потенциал которого значительно возрастет благодаря его пребыванию в своеобразном информационном коконе [14, с. 3]; Р. Флориды о «креативном классе», способствующем преобразованию общества в различных сферах жизни [17], являются попытками осмыслить то, как технические и технологические преобразования в обществе повлияют на процесс и результаты творческой деятельности людей.

Анализ философских теорий и концепций, связанных с различными аспектами творчества, выявил значительные различия в понимании источников творческой деятельности, механизмов ее функционирования и влияния на жизнь человека. Кроме того, от эпохи к эпохе менялось не только представление о творчестве, но и уровень интереса к его изучению. Вполне обусловлено проявление особого внимания к осмыслению природы творческой деятельности в переломные для общества периоды истории. Именно этим объясняется возросший интерес к исследованию различных аспектов творческой деятельности человека сегодня, когда творчество становится необходимым средством адаптации личности к быстро меняющимся условиям ее жизнедеятельности. «Расплатой за отсутствие творчества, – как писал К. Роджерс, – будет не только плохое приспособление индивида и групповая напряженность, но и полное уничтожение народов» [16, с. 81]. В этой связи встает вопрос о средствах, которые позволяли бы человеку адаптироваться к постоянно обновляющимся условиям его жизнедеятельности настолько быстро, насколько быстро эти условия меняются под воздействием технических и технологических преобразований. Слова К. Роджерса приобретают особую актуальность в связи с возрастающей степенью неопределенности в быстроменяющихся условиях современной жизни, что требует от системы образования поиска результативных стратегий формирования и развития креативного мышления подрастающего поколения.

Таким образом, лингвистический и дискурсивный анализ, изучение философского аспекта понятия свидетельствует о том, что креативность:

- неотделима от творчества и вне творчества не существует;
- проявляется только в деятельности, имеет активное начало;
- отражает качество творчества и выступает показателем его продуктивности.

Обобщение этих суждений позволяют сделать вывод и зафиксировать, что ***творчество по отношению к креативности выступает первичным, более широким понятием.***

Вместе с тем недостаточная разработанность проблемы креативного мышления в рамках философских теорий и концепций не позволяет нам в полной мере разграничить понятия «творческое мышление» и «креативное мышление». Это подчеркивает необходимость проведения анализа психологического аспекта данных понятий для дальнейшего исследования результатов средств формирования креативного мышления у обучающихся. В обстоятельствах быстро меняющихся условий жизни именно креативное мышление позволит подрастающему поколению оперативно адаптироваться к происходящим изменениям, разрабатывать и предлагать нестандартные способы решения учебных и жизненных ситуаций, оценивать привлекательность и перспективность различных идей, трансформировать существующие замыслы с учетом актуальных требований, осваивать новые виды деятельности и добиваться в них высоких результатов.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Андреева, И. С. Философские проблемы творчества: Кант и Шопенгауэр / И. С. Андреева. – Текст : непосредственный // Человек: образ и сущность. Гуманитарные аспекты. – 2001. – № 1 (12). – С. 21–47.
2. Антипов, С. С. Воображение как свойство человека / С. С. Антипов. – Текст : непосредственный // Философская школа. – 2018. – № 5. – С. 83–93.
3. Асмус, В. Ф. Платон / В. Ф. Асмус. – М. : УРСС, 2005. – 158 с. – Текст : непосредственный.
4. Бердяев, Н. А. Царство духа и царство кесаря / Н. А. Бердяев. – М. : Республика, 1995. – 382 с. – Текст : непосредственный.
5. Бессарабов, М. В. Интеллектуальные основы творчества в информационном обществе / М. В. Бессарабов. – Текст : непосредственный // Известия Волгоградского государственного технического университета. Серия: Проблемы социально-гуманитарного знания. – 2013. – № 16 (119). – Том 14. – С. 19–23.
6. Ильин, Е. П. Психология творчества, креативности, одаренности / Е. П. Ильин. – СПб. : Питер, 2009. – 434 с. – Текст : непосредственный.
7. Ирина, В. Р. В мире научной интуиции: Интуиция и разум / В. Р. Ирина. – М. : Наука, 1978. – 191 с. – Текст : непосредственный.
8. Кант, И. Критика способности суждения / И. Кант. – М. : Искусство, 1994. – 365 с. – Текст : непосредственный.
9. Коплстон, Ф. От Фихте до Ницше / Ф. Коплстон. – М. : Республика, 2004. – 541 с. – Текст : непосредственный.
10. Кукунина, Е. В. Продуктивное воображение в трансцендентальной философии И. Канта и теория культуры / Е. В. Кукунина. – Текст : непосредственный // Вестник Университета. – 2014. – № 7. – С. 194–196.
11. Куцазли, М. И. Взаимосвязь креативности и самореализации личности в научно-исследовательской деятельности : диссертация на соискание ученой степени кандидата психологических наук / Куцазли Мария Ивановна. – М., 2018. – 203 с. – Текст : непосредственный.
12. Мороз, В. В. Развитие креативности студентов : монография / В. В. Мороз. – Оренбург : Университет, 2011. – 187 с. – Текст : непосредственный.

13. Морозов, А. В. Креативная педагогика и психология : учебное пособие / А. В. Морозов, Д. В. Чернилевский. – М. : Академический проект, 2004. – 560 с. – Текст : непосредственный.

14. Нариньяни, А. С. Между эволюцией и сверхвысокими технологиями: новый человек ближайшего будущего / А. С. Нариньяни. – Текст : непосредственный // Вопросы философии. – 2008. – № 4. – С. 3–17.

15. Ошо. Творчество. Высвобождение внутренних сил / Ошо. – М. : АСТ, 2011. – 190 с. – Текст : непосредственный.

16. Роджерс, К. Взгляд на психотерапию. Становление человека / К. Роджерс. – М. : Прогресс : Универс, 1994. – 479 с. – Текст : непосредственный.

17. Флорида, Р. Креативный класс. Люди, которые создают будущее / Р. Флорида. – М. : Классика-XXI, 2011. – 419 с. – Текст : непосредственный.

18. Яголковский, С. Р. Психология креативности и инноваций : учебное пособие / С. Р. Яголковский. – М. : Издательский дом ГУ ВШЭ, 2007. – 157 с. – Текст : непосредственный.

19. Creativity in English dictionary. – Текст : электронный // Glosbe : [сайт]. – URL: <https://glosbe.com/en/en/creativity> (дата обращения: 12.11.2024).

20. Creativity. – Текст : электронный // Dictionary.com : [сайт]. – URL: <https://www.dictionary.com/browse/creativity> (дата обращения: 12.11.2024).

21. Creativity. – Текст : электронный // Merriam-webster : [сайт]. – URL: <https://www.merriam-webster.com/dictionary/creativity> (дата обращения: 12.11.2024).

22. Creativity. – Текст : электронный // Oxford English Dictionary : [сайт]. – URL: <https://www.oed.com/search/advanced/Meanings?q=creativity&sortOption=Frequency> (дата обращения: 12.11.2024).

23. Creativity. – Текст : электронный // Oxford Learner's Dictionaries : [сайт]. – URL: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/english/creativity?q=creativity> (дата обращения: 12.11.2024).

24. Creativity. – Текст : электронный // Reverso : [сайт]. – URL: <https://dictionary.reverso.net/english-definition/creativity> (дата обращения: 12.11.2024).

25. Creativity. – Текст : электронный // The Britannica Dictionary : [сайт]. – URL: <https://www.britannica.com/dictionary/creativity> (дата обращения: 12.11.2024).

26. Creativity. – Текст : электронный // Vocabulary.com. : [сайт]. – URL: <https://www.vocabulary.com/dictionary/creativity> (дата обращения: 12.11.2024).

27. Engell J. The Creative Imagination: Enlightenment to Romanticism. – Cambridge : Harvard University Press, 1981. – 416 p.

28. Meaning of creativity in English. – Текст : электронный // Cambridge dictionary : [сайт]. – URL: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/creativity> (дата обращения: 12.11.2024).

REFERENCES

1. Andreeva I. S. Philosophical problems of creativity: Kant and Schopenhauer. *Chelovek: obraz i sushchnost'. Gumanitarnye aspekty = Man: image and essence. Humanitarian aspects*, 2001, no. 1 (12), pp. 21–47. (In Russian).

2. Antipov S. S. Imagination as a human property. *Filosofskaya shkola = Philosophical school*, 2018, no. 5, pp. 83–93. (In Russian).

3. Asmus V. F. *Platon* [Platon]. М., URSS, 2005. 158 p. (In Russian).

4. Berdyaev N. A. *Carstvo duha i carstvo kesarya* [The kingdom of the Spirit and the kingdom of Caesar]. М., Respublika, 1995. 382 p. (In Russian).

5. Bessarabov M. V. Intellectual foundations of creativity in the information society. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta. Seriya: Problemy social'no-gumanitarnogo znaniya = Proceedings of the Volgograd State Technical University. Series: Problems of social and humanitarian knowledge*, 2013, no. 16 (119), vol. 14, pp. 19–23. (In Russian).
6. Il'in E. P. *Psihologiya tvorchestva, kreativnosti, odarennosti* [Psychology of creativity, creativity, giftedness]. SPb., Piter, 2009. 434 p. (In Russian).
7. Irina V. R. *V mire nauchnoj intuiicii: Intuiciya i razum* [In the world of scientific intuition: Intuition and reason]. M., Nauka, 1978. 191 p. (In Russian).
8. Kant I. *Kritika sposobnosti suzhdeniya* [Criticism of the faculty of judgment]. M., Iskusstvo, 1994. 365 p. (In Russian).
9. Koplston F. *Ot Fihte do Nicshe* [From Fichte to Nietzsche]. M., Republic, 2004. 541 p. (In Russian).
10. Kukurina E. V. Productive imagination in the transcendental philosophy of I. Kant and the theory of culture. *Vestnik Universiteta = Bulletin of the University*, 2014, no. 7, pp. 194–196. (In Russian).
11. Kushchazli M. I. *Vzaimosvyaz' kreativnosti i samorealizacii lichnosti v nauchno-issledovatel'skoj deyatel'nosti* [The relationship of creativity and self-realization of personality in scientific research]. M., 2018. 203 p. (In Russian).
12. Moroz V. V. *Razvitie kreativnosti studentov* [Development of students' creativity]. Orenburg, Universitet, 2011. 187 p. (In Russian).
13. Morozov A. V. *Kreativnaya pedagogika i psihologiya* [Creative pedagogy and psychology]. M., Akademicheskij proekt, 2004. 560 p. (In Russian).
14. Narin'yani A. S. Between evolution and ultra-high technologies: a new man of the near future. *Voprosy filosofii = Questions of philosophy*, 2008, no. 4, pp. 3–17. (In Russian).
15. Osho. *Tvorchestvo. Vysvobozhdenie vnutrennih sil* [Creation. The release of internal forces]. M., AST, 2011. 190 p. (In Russian).
16. Rodzhers K. *Vzglyad na psihoterapiyu. Stanovlenie cheloveka* [A look at psychotherapy. The formation of man]. M., Progress : Univers, 1994. 479 p. (In Russian).
17. Florida R. *Kreativnyj klass. Lyudi, kotorye sozdayut budushchee* [Creative class. People who create the future]. M., Klassika-XXI, 2011. 419 p. (In Russian).
18. Yagolkovskij S. R. *Psihologiya kreativnosti i innovacij* [Psychology of creativity and innovation]. M., Publishing House of the GU VSHE, 2007. 157 p. (In Russian).
19. Creativity in English dictionary. *Glosbe*. URL: <https://glosbe.com/en/en/creativity>.
20. Creativity. *Dictionary.com*. URL: <https://www.dictionary.com/browse/creativity>.
21. Creativity. *Merriam-webster*. URL: <https://www.merriam-webster.com/dictionary/creativity>.
22. Creativity. *Oxford English Dictionary*. URL: <https://www.oed.com/search/advanced/Meanings?q=creativity&sortOption=Frequency>.
23. Creativity. *Oxford Learner's Dictionaries*. URL: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/english/creativity?q=creativity>.
24. Creativity. *Reverso*. URL: <https://dictionary.reverso.net/english-definition/creativity>.
25. Creativity. *The Britannica Dictionary*. URL: <https://www.britannica.com/dictionary/creativity>.

26. Creativity. *Vocabulary.com*. URL: <https://www.vocabulary.com/dictionary/creativity>.

27. Engell J. *The Creative Imagination: Enlightenment to Romanticism*. Cambridge, Harvard University Press, 1981. 416 p.

28. Meaning of creativity in English. *Cambridge dictionary*. URL: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/creativity>.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Тамашина, Я. Н. Анализ понятия «креативность» как основа педагогического исследования формирования креативного мышления школьников / Я. Н. Тамашина. – Текст : непосредственный // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. – 2024. – № 4. – С. 85–96.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Tamashina Ya. N. The Analysis of the Concept of "Creativity" as the Basis of Pedagogical Research on the Formation of Creative Thinking of Students / Ya. N. Tamashina // The Bulletin of Armavir State Pedagogical University, 2024, no. 4, pp. 85–96. (In Russian).

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

HISTORICAL SCIENCES

УДК 94 (470.6) "18"

ВЕРОИСПОВЕДНЫЕ ОСОБЕННОСТИ КАЗАЧЬЕГО ХРИСТИАНСТВА И ИХ ВЛИЯНИЕ НА ОТНОШЕНИЯ С ИМПЕРСКИМИ ВЛАСТЯМИ

Ю.Д. Алёшин

RELIGIOUS FEATURES OF COSSACK CHRISTIANITY AND THEIR INFLUENCE ON RELATIONS WITH THE IMPERIAL AUTHORITIES

Yu.D. Aleshin

Аннотация. Статья посвящена казакам-старообрядцам, которые в силу ряда исторических обстоятельств сделались одними из главных участников в процессах инкорпорации северокавказских территорий в состав Российской империи. Вопреки подходу советской историографии, сосредоточивавшей свое внимание на негативных сторонах взаимодействия царских властей и официальной Православной церкви с приверженцами старого обряда, обе стороны в условиях фронта часто находили приемлемые для них способы конструктивного диалога, прибегая к компромиссам и здравому смыслу. Власти и церковь соглашались с особенностями казачьей религиозной жизни также потому, что долгое время не имели достаточной базы (храмов и подготовленных священников, финансирования), чтобы получить возможность реального влияния и противодействовать стихийно формировавшимся локальным особенностям казачьей христианской обрядовости, а также из-за заинтересованности в военно-служебной деятельности казаков на пограничных территориях. Однако специфические черты казачьего христианства не следует трактовать как религиозное фрондерство. Сословный быт, условия фронтального существования, отсутствие подготовленных священников не давали им возможности регулярного участия в священных таинствах, а местная религиозная практика стала восприниматься казаками в качестве отличительной черты их сословной принадлежности, с которой они сжились и которая стала составной частью их гордости. Только в пореформенный период ситуация на Северном Кавказе стала медленно меняться по мере вовлечения края в систему общеимперских реформ 60–70-х гг. XIX в. и получения официальной церковью новых возможностей организационного свойства, финансового обеспечения и качественного изменения идейно-пропагандистской деятельности.

Abstract. The article is devoted to the Old Believer Cossacks, who, due to a number of historical circumstances, became one of the main participants in the processes of incorporation of the North Caucasian territories into the Russian Empire. Contrary to the approach of Soviet historiography, which focused its attention on the negative aspects of the interaction of the tsarist authorities and the official Orthodox Church with the adherents of the old

rite, both sides in the frontier conditions often found acceptable methods of constructive dialogue, resorting to compromises and common sense. The authorities and the church agreed with the peculiarities of the Cossack religious life also because for a long time they did not have a sufficient base (churches and trained priests, financing) to gain the opportunity for real influence and counteract the spontaneously formed local peculiarities of the Cossack Christian rituals, as well as because of their interest in the military service activities of the Cossacks in the border territories. However, the specific features of Cossack Christianity should not be interpreted as religious rebellion. The class life, the conditions of frontier existence, the lack of trained priests did not give them the opportunity to regularly participate in sacred sacraments, and local religious practice began to be perceived by the Cossacks as a distinctive feature of their class affiliation, with which they got used to and which became an integral part of their pride. Only in the post-reform period did the situation in the North Caucasus begin to slowly change as the region was drawn into the system of general imperial reforms of the 60–70s of the 19th century and the official church received new opportunities of an organizational nature, financial support and a qualitative change in ideological and propaganda activities.

Ключевые слова: Северокавказский фронт, казаки-старообрядцы, самодержавная власть, государство, проповедничество, священничество.

Keywords: North Caucasian frontier, Old Believer Cossacks, autocratic power, state, preaching, priesthood.

Имперские власти в течение XVIII–XIX вв., направляя свои разнородные усилия на инкорпорацию Кавказа в состав Российского государства, не выпускали также из виду конфессиональную ситуацию, складывавшейся в регионе, стремились влиять на вероисповедное самоопределение подвластного им населения. Данный вопрос имел важное значение, так как существенно влиял на возможности закрепления этнокультурных ареалов за Россией и определял социально-культурный состав подвластных или союзнических ей сил, бывших орудием реализации имперской политики в крае.

Северокавказский фронт, например, в рассматриваемый период являлся одним из оплотов старообрядчества и казачества. Такая ситуация начала складываться еще в XVII в. и была связана с социальными потрясениями, которые пережило Московское царство в тот бурный период своей истории. В кавказоведении особое внимание уделялось церковному расколу, вызвавшему исход противников религиозной реформы на неподконтрольные властям земли [12, с. 104].

На это обстоятельство обращали пристальное внимание советские исследователи, но идеологизированный, классовый подход лишь способствовал одностороннему пониманию сути данного исторического явления. Трактовка феномена старообрядчества сводилась к его социально-политической функции и сосредоточивала внимание исключительно на мобилизации, тех же казаков на борьбу с крепостническими порядками и самодержавной властью. Такие проявления могли быть, но не исчерпывали всей гаммы социально-культурных процессов, их направленности и целей.

К тому же сосредоточенность советской историографии на негативных сторонах взаимодействия властей со старообрядцами нередко противоречила

реальным фактам, свидетельствовавшим о возможности вполне конструктивного диалога староверов и официальной власти. Далекое не все казаки, придерживавшиеся старого обряда, занимали непримиримую позицию по отношению к правящей династии и не прочь были искать помощи у государства, тем более что интересы сторон в кавказских условиях часто совпадали.

В ситуации военной нестабильности, присущей пограничью, казаки обеспечивали защиту государственных рубежей и выступали одним из ведущих звеньев государственного колониционного механизма, получая за свою службу различное материальное и денежное содержание. Конфессиональные трения в такой ситуации не приносили пользы делу, отнимали у казаков-старообрядцев много душевных сил и ослабляли их доверие имперским властям. Потому по большей части во взаимоотношениях официальной власти и казаков преобладал прагматизм [10, с. 381].

Примером такого подхода может служить позиция кавказского наместника князя М.С. Воронцова, который в 1845 г. встал на сторону терских казаков в их упорном несогласии с требованиями епископа Иеремии, запрещавшего старообрядческие богослужения и ремонт молитвенных домов [4, с. 67]. Будучи администратором-прагматиком, князь-наместник понимал цену доверия казаков к властям и не желал в условиях военного противостояния раздражать и притеснять людей, чьи боевые заслуги в пользу государства и престола были неоспоримы. Воспользовавшись своим правом, князь М.С. Воронцов просил императора Николая Павловича об исключении из существовавших правил в вероисповедных вопросах в отношении терских казаков. Император, доверяя прозорливости своего наместника, согласился с ним. Чтобы прекратить споры между казаками-старообрядцами и епархиальными властями православное духовенство казачьих линейных станиц было отделено от Кавказской епархии и подчинено обер-священнику Отдельного Кавказского корпуса [15, с. 146–147].

Со стороны официальных властей послабление казакам в религиозных вопросах было проявлением государственной заинтересованности в людях данного сословия и сохранения среди них служебного рвения в сложных условиях фронта. О расстановке приоритетов можно судить даже на примере почти курьезного эпизода, связанного с нежеланием гребенского казака Хвацкого расставаться с бородой ради встречи с российским монархом, объяснявшего свое упорство тем, что борода никогда не мешала ему исполнять свой долг перед царем. Когда казака собирались побрить против его воли, он заявил, что готов перерезать бритвой себе горло, но не отступить от своего права носить бороду [13, с. 245]. Столь трепетное отношение к бороде объяснялось также тем, что казаки в сражениях закусывали ее, и это приравнивалось к обряду причастия. В этом случае гибель в бою становилась для них «чашей сладкою вина красного» [13, с. 245].

Когда об упорстве Хвацкого доложили Николаю I, он приказал не волить казака и повелел привести к нему для разговора. При личной встрече царь не только надел на грудь храбреца Георгиевский крест, но и повелел

зачислить его в свой конвой. Император не увидел в том преднамеренной фрорнды [13, с. 245].

Упомянутый казак готов был жертвовать жизнью за государя и исправно исполнять воинский долг, но отказаться от части своего религиозного самосознания и пойти против религиозной традиции было выше его сил. Такого рода отношение к усам и бороде нашло выражение не только в повседневном существовании казаков, не только сделалось частью их внешнего образа, шедшего от Божественного творения [Быт. 1, 26–27], но и служило отражением и символом зрелости и мудрости человека как части образа Божия в человеке. В таком случае любое отступление от традиции было равносильно святотатству.

Стремясь заклеить имперский политический режим и одновременно развенчать Православную Церковь, советские историки отмечали, что «большинство раскольников превращались в фанатиков, выступавших против официальной церкви, а сама реакционная идеология старообрядчества приглушала классовое сознание трудящихся масс» [8, с. 70]. На наш взгляд, сводить роль веры исключительно к решению неких политических задач – значит упрощать многогранное явление. Таким образом происходит выхолащивание понимания ее роли в жизни людей, отрицается значение религии в духовно-нравственном воздействии на общество.

Между тем для казаков вера нередко служила главным маркером, определяющим сущность оппозиции «свой – чужой». Не имея возможности строго придерживаться формального канона, возводить необходимые культовые сооружения, казаки тем не менее сохраняли крепкий религиозный стержень, или, по словам А.В. Сопова, ощущение «внутренней связи» с Богом. По крайней мере на ранних этапах истории казачества их религиозность была «неритуализированной и нерегламентируемой». Она «могла существовать только в условиях устойчивой, традиционной веротерпимости, когда религиозная предвзятость могла вызвать распад единства казачьей общины» [14, с. 60]. Отсюда и достаточно вольные трактовки религиозных обязанностей, в которые могли вплетаться как христианские элементы, так и элементы исламской традиции, с которыми казаки встречались в повседневном своем существовании на северокавказском фронтире.

Церкви в станицах появляются достаточно поздно, в начале XVIII в. Причиной тому были военные и экономические трудности казачьей жизни. Поэтому верующие ограничивались молитвенными домами, где проходило богослужение, проводимое избранными из среды самих казаков людьми. Они могли не обладать необходимыми религиозными знаниями, но должны были пользоваться уважением со стороны станичников. Учитывая, что знания о религиозных обрядах такие уставщики получали от своих родителей и чаще всего действовали, опираясь на их рассказы и собственное, субъективное понимание сути проводимых ритуальных действий, они нередко вносили личную трактовку в религиозный канон. Это приводило к своеобразному

по форме и хаотичному исполнению религиозной службы, с которым официальная Церковь мириться не желала, но и предложить альтернативных священнослужителей долго не могла из-за колоссального кадрового дефицита и недостатка финансовых возможностей [5, с. 74].

Такая проблема сохранялась достаточно долго и не находила полноценно решения. В связи с этим протоиерей войска Черноморского Кирилл Россинский отмечал, что ему приходилось встречать в казачьих станицах священнослужителей «не только молодых, но и самых престарелых, не имеющих символа веры и даже молитвы» [7, л. 3]. Казаки свободно входили в религиозное звание, будучи избранными обществом, но столь же легко и оставляли эти обязанности. Чаще всего уставщиками становились мало-мальски грамотные станичники, которые были в состоянии прочесть Писание во время импровизированной службы [16, с. 769]. Далекое не все христианские праздники отмечались казаками, что также являлось особенностью пограничных реалий. Религиозные потребности казаков ограничивались преимущественно обрядами семейного цикла, в которые входили крещение, венчание, погребение и поминание усопших.

Можно говорить о ярко выраженной «локальности» местного христианства, что, по мнению Т.А. Бернштама, является «следствием не только объективных – внешних («вещественных») различий в этносоциокультурных и этноконфессиональных процессах, но и субъективных – внутренних мировоззренческих различий, обусловленных онтологически присущей человеку или сообществу локальной ментальностью...» [1, с. 331].

Казак был христианином уже по самому факту своего рождения [3, с. 126]. Отсюда и повышенное внимание к таинству крещения, одного из наиболее почитаемых местными жителями обрядов. При этом казаки крайне редко практиковали исповедь, покаяние и причастие. Не следует трактовать этот факт как религиозное фрондерство. Отсутствие священников и церквей не давали им возможность регулярно участвовать в этих таинствах, а в дальнейшем такая практика вошла в религиозную ментальность казаков, стала восприниматься как их отличие от других сословий. В качестве компенсации практиковались различные формы самопокаяния, посещение различных святынь, купание в Тереке на Крещение [3, с. 127].

Следует отметить, что официальный церковный канон сложился достаточно поздно, лишь к началу XVIII века [1, с. 64]. К тому времени казаки Терека уже достаточно обособились и привыкли к широкой автономии в своей повседневной жизни. То, что в центральных губерниях России директивно было объявлено ересью и подлежало искоренению, для казачества оставалось святынями, завещанными предками [1, с. 88]. Трепетное отношение к устоявшимся религиозным обрядам было частью их идентичности, что в условиях жесткой межэтнической конкуренции было связано с вопросом выживания. Да и знать о нюансах богословских диспутов казаки попросту

не могли. Как уже отмечалось выше, для них на первом месте было не формальное исполнение обрядов, а внутреннее приобщение к святыням христианского мировоззрения.

В отличие от светской власти, склонной, из практических видов, не обострять отношения с казаками-староверами, иерархи Русской Православной церкви были настроены более решительно и непримиримо. После того как в Кавказском крае усиливается военно-политическое присутствие Российской империи, за религиозной жизнью местных христиан начинают наблюдать «закащики», которые последовательно искореняют вольности в исполнении обрядов. Доходило до того, что казаки коллективно вынуждены были жаловаться епископам на произвол этих людей и ущемление ими старинных казачьих вольностей [11, с. 140–141].

Каждая из сторон стремилась добиться уступки по принципиальным для себя вопросам. Так, казаки-старообрядцы смогли отстоять право креститься двумя перстами, хотя и согласились пристраивать к молитвенным домам алтари. Существовавшие споры свидетельствовали, что обрядовая деятельность стала для местного населения важнейшей частью самосознания, поступиться которым казаки не желали. Несмотря на привлечение церковными властями административного ресурса, все ограничилось лишь внешним послушанием.

Современники отмечали, что для посещения казаками церковного богослужения нередко приходилось обращаться за содействием к атаманам, и уже они в приказном порядке обеспечивали явку своих подчиненных [9, с. 247]. Но и будучи на официальном богослужении, казаки продолжали креститься двумя перстами. Хотя представители официальной Церкви неоднократно жаловались военно-гражданским властям на ослушников, такие жалобы чаще всего оставались без последствий. Угрозы покарать поборников двуперстия только повышали градус противоречий, а казаки заявляли, что разбегутся, и тогда граница останется без защиты [11, с. 149].

Это не было пустословием недовольных людей, происходили неоднократные случаи переселения казаков с Терека на Кубань и Куму, где возможность официальных властей вмешиваться в их жизнь оставалась тогда незначительной. В то же время за такие поступки привлекали к суду не только рядовых казаков, но и атаманов. В наказание их отправляли в ссылку за пределы края, что не способствовало нормализации отношений поборников старой веры с царской администрацией и официальной церковью. При этом, например, гребенская субэтническая группа еще больше спланивалась и противопоставляла себя прочим русским поселенцам на Северном Кавказе [3, с. 135–136]. Обособление казаков в рассматриваемый период фактически завершилось, и конфессиональный фактор сыграл в этом не последнюю роль.

Лишь относительно взвешенная позиция светских властей позволила не доводить непримиримость сторон до трагического финала. Вполне резонно

указывалось, что силой победить раскол нельзя. Нужны были гибкие методы убеждения, а не давление, оказываемое при помощи присылаемых в станицы бумаг в виде консисторских указов. Более плодотворных результатов добивались непосредственной беседой грамотного священника с паствой.

Такой священник должен был обладать необходимыми познаниями в Священном Писании и одновременно иметь навыки общения с прихожанами. В противном случае искренность казаков, которых обязывали давать подписки, что они не участвуют в «ереси», вызывала оправданный скептицизм. Отмечалось, что «хотя оные подписки с них взяты, только от того расколу они отвратитца никак не могут...» [6, с. 336].

По мере расширения охвата православным духовенством числа окормляемой паствы в казачьих станицах открывалось все больше храмов. Их священники были приписаны к штату войска и получали от него содержание. Наиболее последовательных сторонников двоеперстия – гребенских казаков – объединили с Терско-Семейным войском. Считалось, что оно своим примером повлияет на них и со временем различия в обряде исчезнут сами собой. Но этот прогноз не подтвердился.

Настойчивые попытки навязать непривычный обряд подорвали веру гребенских станичников в присылаемых священников, поэтому казаки по-прежнему обращались за удовлетворением духовных треб к своим уставщикам. Приверженцы старой обрядовости отшатнулись от священников и снова обратились к самозванным пастырям [11, с. 144]. Благодаря наличию на Кавказе множества укромных мест туда устремились убедившиеся в симпатии со стороны немалой части местных жителей проповедники из числа адептов протопопа Аввакума, устраивая скиты и проповедуя среди казаков. Причем «число этих скитов едва ли не превосходило число казачьих городков», писал И.Д. Попко [11, с. 153]. Даже если это и преувеличение, т. к. установить истинное количество подобных религиозных схронов не представляется возможным, то сама тенденция сомнений не вызывает.

В отличие от официальной Церкви «расколоучители» не пытались подменять непосредственное общение с верующими бездушными бумагами, которые большая часть казаков не могла прочесть по причине неграмотности. Они использовали старинные иконы, «мистические тетради» и тому подобные атрибуты, которые должны были убедить прихожан в истинности их слов. Более того, такие проповедники, пребывая в аскезе, вызывали уважение небогатых станичников своим пренебрежением мирскими радостями и стяжанию, поскольку соответствовали их представлениям об истинной вере и благочестии.

Уставщики не требовали возведения затратных храмовых сооружений, а несли слово Божье на природе, когда «мир с его обманчивой суетой и вечным треволением был заслонен со всех сторон оградой столетних чинар и дубов, и одно безмятежное небо видимо над головами набожно настроенных

слушателей» [11, с. 154]. Все это напоминало подвижничество первых христиан и не могло не прийтись по нраву людям, искренне тянувшимся к вере.

Кзаки, отстаивая свою религиозную самобытность, при этом не пытались стать врагами российскому государству. Вероисповедные особенности в целом не меняли общую картину верного служения казачества престолу. Отсюда и желание военно-гражданских властей чрезмерно не заострять внимание на имеющихся разногласиях, тем более что официальная Церковь вынуждена была признать свое бессилие в попытках пресечения обрядового своеволия местных христиан.

Несмотря на усилия официальной Церкви по вовлечению старообрядцев в ряды собственной паствы, серьезных успехов достичь не удавалось. Напротив, местные прихожане нередко делали выбор в пользу старого канона и пополняли ряды «раскольников». Не последнюю роль в этом играла личность уставщиков, которых прихожане выбирали за импонирующие им качества (скромность, доброта, бескорыстие и т. п.). Надежда на естественное отмирание старообрядческих традиций в связи с нехваткой подготовленных кадров священнослужителей, не оправдалась. Кзаки из своей среды выбирали уставщиков, и те продолжали вести службы по привычным правилам. Но отсутствие необходимых знаний приводило к тому, что такие уставщики могли вольно трактовать догматы, дополняя их собственными представлениями о «правильной» вере. Отсюда и наличие многочисленных обрядов в повседневной духовной жизни, которые далеко отходили от канонических, и в большинстве случаев окрашивались субъективностью конкретных уставщиков, опиравшихся на традицию, транслировавшуюся исторической памятью казачьего жизненного уклада и способами их миропонимания.

Только в пореформенный период ситуация на Северном Кавказе стала медленно меняться. Там развернулось активное церковное строительство, поддерживаемое финансово государством, открывались церковно-приходские школы, а в приходы присылали достаточно подготовленных священников, способных противостоять старообрядческим начетчикам. Усилившееся проповедничество православных священников постепенно давало позитивные результаты. Новое поколение терских казаков в меняющихся обстоятельствах существования, связанных с окончанием военного противоборства с неприимыми к русским горцами, а также вовлечением Северного Кавказа в систему общеимперских реформ 60–70-х гг. XIX в. стали склоняться к компромиссу в религиозной обрядовости с официальной церковью. Кроме того, стал снижаться удельный вес и численность старообрядцев в общей массе населения края, как в силу естественной убыли старших поколений или деятельности православной пропаганды среди казачьей молодежи, так и из-за притока в край контингентов новых поселенцев, придерживавшихся православного канона.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бернштам, Т. А. Молодость в символизме переходных обрядов восточных славян: Учение и опыт Церкви в народном христианстве / Т. А. Бернштам. – СПб. : Петербургское Востоковедение, 2000. – 400 с. – Текст : непосредственный.
2. Библия. Книги священного писания Ветхого и Нового Завета. – М. : Российское библейское общество, 2002. – 292 с. – Текст : непосредственный.
3. Великая, Н. Н. Казаки Восточного Предкавказья в XVIII–XIX вв. / Н. Н. Великая. – Ростов н/Д. : [б. и.], 2001. – 278 с. – Текст : непосредственный.
4. Великая, Н. Н. Взаимоотношения светских и духовных властей со старообрядцами терского левобережья в XVIII–XIX вв. / Н. Н. Великая. – Текст : непосредственный // Вопросы северокавказской истории : сборник научных статей / под редакцией В. Б. Виноградова. – Армавир : Издательство АГПИ, 2001. – Выпуск 6. – Часть 1. – С. 61–70.
5. Гедеон, митрополит Ставропольский и Бакинский. История христианства на Северном Кавказе до и после присоединения его к России / Гедеон. – М.–Пятигорск : Общество любителей церковной истории, 1992. – 192 с. – Текст : непосредственный.
6. Г. М. Сведения о расколе и раскольниках в пределах Кавказской Епархии / Г. М. – Текст : непосредственный // Кавказские епархиальные ведомости. – 1875. – № 10. – С. 324–337.
7. Государственный архив Краснодарского края. – Ф. 689. – Оп. 1. – Д. 11. – Текст : непосредственный.
8. Гриценко, Н. П. Из истории старообрядчества на Тереке в XVIII–XIX вв. / Н. П. Гриценко. – Текст : непосредственный // Вопросы истории Чечено-Ингушетии (дореволюционный период). – 1977. – Том XI. – С. 69–81.
9. Косвен, М. О. Этнография и история Кавказа. Исследования и материалы / М. О. Косвен. – М. : Издательство восточной литературы, 1961. – 260 с. – Текст : непосредственный.
10. Очерки истории СССР. Период феодализма. Россия в первой четверти XVIII в. Преобразования Петра I / под редакцией Б. Б. Кафенгауза, Н. И. Павленко. – М. : Издательство АН СССР, 1954. – 815 с. – Текст : непосредственный.
11. Попко, И. Д. Терские казаки со стародавних времен. Гребенское войско / И. Д. Попко. – Нальчик : Эль-Фа, 2001. – 527 с. – Текст : непосредственный.
12. Потто, В. А. Два века терского казачества / В. А. Потто. – Ставрополь : Кавказская библиотека, 1991. – 383 с. – Текст : непосредственный.
13. Ржевуский, А. Терцы : сборник исторических, бытовых и географическо-статистических сведений о Терском казачьем войске / А. Ржевуский. – Владикавказ : [б. и.], 1888. – 288 с. – Текст : непосредственный.
14. Сопов, А. В. Религиозность казачества: мифы, факты, проблемы / А. В. Сопов. – Текст : непосредственный // Проблемы изучения и развития казачьей культуры : сборник статей / составители: М. Е. Галецкий, А. Н. Соколова. – Майкоп : Адыгейский государственный университет, 2000. – С. 58–61.
15. Ткачев, Г. А. Станица Червлёная. Исторический очерк / Г. А. Ткачев. – Текст : непосредственный // Сборник общества любителей казачьей старины. – Владикавказ : [б. и.], 1912. – № 7-12. – Выпуск 1. – 223 с.
16. Щербина, Ф. А. История кубанского казачьего войска : в 2 томах. Том 2 / Ф. А. Щербина. – Екатеринодар : Печатникъ, 1913. – 880 с. – Текст : непосредственный.

REFERENCES

1. Bernshtam T. A. *Molodost' v simbolizme perekhodnyh obryadov vostochnyh slavyan: Uchenie i opyt Cerkvi v narodnom hristianstve* [Youth in the Symbolism of the Transitional Rites of the Eastern Slavs: The Teaching and Experience of the Church in Folk Christianity]. SPb., Peterburgskoe Vostokovedenie, 2000. 400 p. (In Russian).
2. *Bibliya. Knigi svyashchennogo pisaniya Vethogo i Novogo Zaveta* [The Bible. Books of the Holy Scriptures of the Old and New Testaments]. M., Russian Bible Society, 2002. 292 p. (In Russian).
3. Velikaya N. N. *Kazaki Vostochnogo Predkavkaz'ya v XVIII–XIX vv.* [Cossacks of the Eastern Ciscaucasia in the 18th–19th centuries]. Rostov-on-Don, 2001. 278 p. (In Russian).
4. Velikaya N. N. Relationships between secular and spiritual authorities and the Old Believers of the Terek left bank in the 18th–19th centuries. *Voprosy severokavkazskoj istorii = Questions of North Caucasian history*, iss. 6, part 1, edited by V. B. Vinogradov. Armavir, Publishing house of the ASPI, 2001, pp. 61–70. (In Russian).
5. Gedeon, mitropolit Stavropol'skij i Bakinskij. *Istoriya hristianstva na Severnom Kavkaze do i posle prisoedineniya ego k Rossii* [The history of Christianity in the North Caucasus before and after its annexation to Russia]. M., Pyatigorsk, Society of Church History Lovers, 1992. 192 p. (In Russian).
6. G. M. Information about the schism and schismatics within the Caucasian Diocese. *Kavkazskie eparhial'nye vedomosti = Caucasian Diocesan Gazette*, 1875, no. 10, pp. 324–337. (In Russian).
7. *Gosudarstvennyj arhiv Krasnodarskogo kraja* [State Archives of Krasnodar Region]. Fund 689, inventory 1, case 11. (In Russian).
8. Gricenko N. P. From the history of the Old Believers on the Terek in the 18th–19th centuries. *Voprosy istorii Checheno-Ingushetii (dorevolucionnyj period) = Questions of the history of Checheno-Ingushetia (pre-revolutionary period)*, 1977, vol. XI, pp. 69–81. (In Russian).
9. Kosven M. O. *Etnografiya i istoriya Kavkaza. Issledovaniya i materialy* [Ethnography and history of the Caucasus. Research and materials]. M., Publishing house of oriental literature, 1961. 260 p. (In Russian).
10. *Ocherki istorii SSSR. Period feodalizma. Rossiya v pervoj chetverti XVIII v. Preobrazovaniya Petra I* [Essays on the history of the USSR. The period of feudalism. Russia in the first quarter of the 18th century. The transformations of Peter I], edited by B. B. Kafengauz, N. I. Pavlenko. M., Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1954. 815 p. (In Russian).
11. Popko I. D. *Terskie kazaki so starodavnih vremyon. Grebenskoe vojsko* [Terek Cossacks from ancient times. Grebenskoe army]. Nalchik, El-Fa, 2001. 527 p. (In Russian).
12. Potto V. A. *Dva veka terskogo kazachestva* [Two centuries of Terek Cossacks]. Stavropol, Kavkazskaya biblioteka, 1991. 383 p. (In Russian).
13. Rzhhevusskij A. *Tercy. Sbornik istoricheskikh, bytovyh i geograficheskostatisticheskikh svedenij o Terskom kazach'em vojske* [Terek Cossacks. Collection of historical, everyday life and geographical-statistical information about the Terek Cossack army]. Vladikavkaz, 1888. 288 p. (In Russian).
14. Sopov A. V. Religiosity of the Cossacks: myths, facts, problems. *Problemy izucheniya i razvitiya kazach'ej kul'tury = Problems of studying and developing Cossack culture*. Maykop, Adyghe State University, 2000, pp. 58–61. (In Russian).

15. Tkachev G. A. Stanitsa Chervlenaya. Historical essay. *Sbornik Obshchestva Lyubitelej Kazach'ej stariny = Collection of the Society of Lovers of Cossack Antiquity*, no. 7-12, iss. 1. Vladikavkaz, 1912. 223 p. (In Russian).

16. Shcherbina F. A. *Istoriya kubanskogo kazach'ego vojska* [History of the Kuban Cossack Army], vol. 2. Ekaterinodar, Pechatnik, 1913. 880 p. (In Russian).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Алёшин, Ю. Д. Вероисповедные особенности казачьего христианства и их влияние на отношения с имперскими властями / Ю. Д. Алёшин. – Текст : непосредственный // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. – 2024. – № 4. – С. 97–107.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Aleshin Yu. D. Religious Features of Cossack Christianity and Their Influence on Relations With the Imperial Authorities / Yu. D. Aleshin // The Bulletin of Armavir State Pedagogical University, 2024, no. 4, pp. 97–107. (In Russian).

УДК 908

**ОБ ОБЩИХ ПОДХОДАХ
ИСТОРИКОВ И ЛИТЕРАТУРОВЕДОВ
К ПОНИМАНИЮ СМЫСЛА ИСТОРИИ РОССИИ**

А.А. Безруков, Е.С. Безрукова

**ON GENERAL APPROACHES
OF HISTORIANS AND LITERARY SCIENTISTS
TO UNDERSTANDING THE MEANING OF RUSSIAN HISTORY**

A.A. Bezrukov, E.S. Bezrukova

Аннотация. Аксиологическая составляющая отечественной гуманитарной науки, литературоведения в частности, предполагает актуализацию тех методологических принципов, которые позволяют определить место и роль России в современном формирующемся многополярном мире как государства-цивилизации, носительницы установок традиционной духовности. Генетическая близость исторической и литературоведческой мысли позволяет рассматривать историю русского литературного процесса как часть истории России, а литературное творчество – как вербально-эстетическую (художественную) форму выражения миропонимания русского человека. Это позволяет выработать общие научные подходы к изучению «тайны» человеческой личности и смысла мировой истории.

Abstract. The axiological component of Russian humanitarian science, literary criticism in particular, presupposes the actualization of those methodological principles that allow determining the place and role of Russia in the modern emerging multipolar world as a state-civilization, a bearer of traditional spirituality. The genetic closeness of historical and literary thought allows considering the history of the Russian literary process as part of the history of Russia, and literary creativity – as a verbal-aesthetic (artistic) form of expression of the worldview of a Russian person. Due to this, it is possible to develop common scientific approaches to the study of the "secret" of the human personality and the meaning of world history.

Ключевые слова: отечественная история, русская литература, традиционные ценности, кирилло-мефодиевская традиция, культурно-исторический метод, духовно-историческое пространство, факторы исторического развития.

Keywords: Russian history, Russian literature, traditional values, Cyril and Methodius tradition, cultural and historical method, spiritual and historical space, factors of historical development.

Традиции культурно-исторического метода, основоположником которого во второй половине XIX века стал французский философ, теоретик и историк литературы И.А. Тэн, в высшей степени актуальны для современной отечественной гуманитарной науки. Такая востребованность, в первую очередь, касается тех представителей литературоведения, которые оценивают русский литературный процесс в его генезисе и развитии как органическую часть истории России и – шире – истории русского мира / русской цивилизации.

Не случайно в период расцвета академической науки и взлета советской высшей школы в 40–50-е годы минувшего века во многих вузах страны были образованы историко-филологические факультеты (в том числе и в Армавирском учительском институте, позднее Армавирском государственном педагогическом институте), сам факт появления которых свидетельствовал о понимании научным и педагогическим сообществом генетической близости исторического и филологического знания. (В настоящий момент в системе российского высшего образования при наличии мыслимых и немыслимых сочетаний различных специальностей нет ни одной программы бакалавриата «Филологическое и историческое образование».) Для нас образцом продуктивности «пересечения» научных интересов по линии история – филология является творческая деятельность двух академиков советской эпохи – историка Б.А. Рыбакова и литературоведа Д.С. Лихачева, которые, «вторгаясь» на «территорию» оппонента, дискутируя, способствовали развитию отечественной гуманитарной науки в целом.

Приведем еще один показательный пример из области, казалось бы, чисто литературного творчества, позволяющий подтвердить родство исторической и художественной мысли. Два гения русского художественного слова – киевский боярин Петр Бориславич (по гипотезе Б.А. Рыбакова [см. 1]) и А.С. Пушкин были одновременно создателями и исторических трудов, и литературных шедевров: Петр Бориславич – Киевская летопись XII века и «Слово о полку Игореве»; А.С. Пушкин – «История Петра Великого» и «Полтава», «История пугачевского бунта» и «Капитанская дочка». Столь внушительный временной отрезок (XII и XIX столетия), разделяющий, а по сути – объединяющий в веках двух русских литературных гениев, равно как и очевидное единство духовно-мировоззренческих установок, практически совпадающих в их вербальном оформлении, Илариона Киевского и Ф.М. Достоевского (XI и XIX столетия) – несомненное свидетельство существования единого русского духовно-эстетического исторического пространства, преодолевающего временные рамки и способного к дальнейшему бытованию.

Отдельно назовем еще двух русских литераторов, написавших обширные и знаковые для своего времени исторические труды: Н.М. Карамзин («История государства Российского», т. 1–12, 1803–1826) и Н.А. Полевой («История русского народа», т. 1–6, 1829–1833). «История» первого позволила А.С. Пушкину отвергнуть миф о «нашей исторической ничтожности», увидеть в русской истории «жизнь полную кипучего брожения», «великое зрелище», «пробуждение России, развитие ее могущества, ее движения к единству» [см. 2, с. 754]. «История» второго побудила нашего национального гения к поиску «другой мысли, другой формулы» [см. 2, с. 200] отечественной истории. (Думается, здесь уместно подчеркнуть, что «История государства Российского» Н.М. Карамзина, в определенном плане, та же, но только «модернизированная» духом русского Просвещения и «новым слогом», летопись, если акцентировать внимание на том, что Н.М. Карамзин выступает

в двух «ипостасях»: как историк и как литератор одновременно. Не случайно писатели, тот же А.С. Пушкин, брали сюжеты для своих литературных произведений на тему русской истории из Карамзина. При этом сам сюжет в карамзинском тексте уже был оформлен литературно).

По И.А. Тэну (напомним, основателю культурно-исторической школы литературоведения), три кита, три различных источника, определяющих судьбы и закономерности исторического движения мировой литературы, – раса, среда, момент. Центральный из них – раса, которая в современной научной интерпретации, в зависимости от мировоззренчески обусловленных терминологических предпочтений исследователя, есть национальный характер / национальный менталитет / национальный дух. Среда есть совокупность факторов внешних и внутренних обстоятельств (по И.А. Тэну, в первую очередь, географических / природных и социально-бытовых / исторических), формирующих дух нации. Момент, по И.А. Тэну, «исторический уровень культуры и традиция», есть, по сути, культурный продукт «встречи» расы и среды на конкретном этапе / в конкретной точке исторического развития народного духа, получивший этико-эстетическую огранку. Таким образом, принцип историзма, положенный И.А. Тэном и его последователями в основу научной методологии, позволяет рассматривать литературу как синтетически сконцентрированное художественное воплощение / запечатление духа народа на разных этапах его исторического бытия, а литературное произведение – как вербально-эстетическую форму выражения мироощущения, мирозерцания и миропонимания народа.

Между тем задолго до И.А. Тэна А.С. Пушкин (который, по определению Ф.М. Достоевского, «переделался в русского», став «на точку народного духа») в духе национальной культурно-исторической традиции в уникальной по степени обобщения формуле не только выделил триединую основу национального характера как такового, но и указал на художественную литературу как на способ его отражения и познания: «Климат, образ правления, вера дают каждому народу особенную физиономию, которая более или менее выражается в зеркале поэзии [курсив наш. – А.Б., Е.Б.]» («О народности в литературе», вт. пол. 1820-х гг.) [2, с. 173].

В 1830 году в статье «Второй том „Истории русского народа“ Полевого» А.С. Пушкин укажет на особый характер исторического пути России, который потребует «другой мысли, другой формулы» по отношению к истории «остальной Европы». Поскольку под «остальной Европой» А.С. Пушкин подразумевает христианский Запад, это означает, что другую формулу русской истории должно выводить из истории христианского Востока, подобно тому, как Ф. Гизо выводил историю Западной Европы из истории христианского Запада (Западной Римской империи). Тогда, соответственно, в раскладах русских историков ни опыт «расцветающих веков» (пушкинское определение эпохи Возрождения), ни опыт «европейского просвещения» по определению не могут и не должны занимать особое место, тем более стать

«мерилом зрелости» русской цивилизации. Показательно, что Д.С. Лихачев на рубеже 60–70-х гг. минувшего века, рассматривая феномен Предвозрождения на Руси конца XIV – начала XV веков констатировал: благоприятных условий для перехода к Возрождению не было создано в силу приверженности русской культуры исторической духовно-православной традиции: «<...> идейное содержание домонгольской культуры Руси было в целом однородно русской культуре XIV–XV вв.» [см. 2, с. 154].

В известном письме П.Я. Чаадаеву от 19 октября 1836 года А.С. Пушкин говорит уже не просто об особом характере русской истории, но о ее «особом предназначении». Именно «схизма (разделение церквей)», подчеркнет А.С. Пушкин, «отъединила нас от остальной Европы». И четко расставляет все точки над «і» в ответ на утверждения П.Я. Чаадаева о «презренности» Византии и «нечистом источнике», из которого русские «черпали христианство»: «Евангелие от этого разве менее изумительно? У греков мы взяли Евангелие и предания, но не дух ребяческой мелочности и словопрений» [см. 2, с. 754]. В ответе П.Я. Чаадаеву А.С. Пушкин, наряду с ироничным объяснением причин «отсталости» русского духовенства («Оно носит бороду, вот и все»), вполне серьезно и провидчески проводит разграничительную цивилизационную линию между русским духовенством, носителем православной духовной традиции, и духовенством западноевропейским: «<...> оно [русское духовенство. – А.Б., Е.Б.] <...> никогда не вызвало бы реформацию в тот момент, когда человечество больше всего нуждалось в единстве» [2, с. 754]. Как видим, здесь (и несколькими строками выше: «<...> нашим мученичеством энергичное развитие католической Европы было избавлено от всяких помех») А.С. Пушкин прямо указывает на особую историческую предназначенность России как носительницы духовного кода православия – жертвенностью и стремлением к единению народов прокладывать вектор развития, собственного и всечеловеческого. В этом, думается, и заключается высшая форма проявления всемирной отзывчивости, которую Ф.М. Достоевский считал определяющей чертой пушкинской личности и характера русского народа.

Итак, русская историческая и историко-художественная мысль изначально неразрывно связаны между собой. Это, конечно, можно объяснить спецификой функционирования письменного слова Древней Руси, когда наука (история) и художественное творчество (литература) в своем развитии не достигли еще должного уровня самостоятельности как отдельные области человеческого познания. Между тем, факты свидетельствуют о том, что в момент своего становления (конец X – начало XI вв.) русская литература опиралась, в частности, на богатейшую литературу Византии, которая, в свою очередь, к этому моменту уже прошла многовековой путь самостоятельного развития, базируясь на прочном фундаменте достижений античности. Следовательно, единство исторической и литературной мысли Древней Руси определяется не их, скажем так, эмбриональным состоянием, а уже достигнутым синтезом, привнесённым на благодатную русскую почву

кирилло-мефодиевской православной культурно-исторической традицией. Такое синтетическое единство философско(богословско)-исторической и культурно-эстетической мысли проявилось в летописи как начальном и оригинальном / собственно русском жанре исторической прозы Древней Руси, которая (наряду с гениальным «Словом о законе и Благодати» Илариона Киевского, заложившим христианско-патриотическую основу русской духовности и русской литературы), во-первых, включила историю Русской земли в мировой исторический процесс, во-вторых, сделала судьбы Русской земли предметом особого внимания, забот и чаяний летописца, а образ Русской земли в единстве его составляющих на века – центральным образом / главным героем русской литературы.

В «Повести временных лет» (нач. XII века) русская художественно-эстетическая и историческая мысль в осмыслении образа Русской земли (базисного для всех форм и проявлений национального бытия) гармонично объединили три начала – три пространства: географическое, этнографическое, историческое (на что указывал Д.С. Лихачев, анализируя текст «Слова о полку Игореве» [см. 3]). Позже создатель «Слова о погибели Русской земли» (1-я пол. XIII века), эталонного образца стиля исторического монументализма, к географическому и этнографическому пространствам добавляет как духовную скрепу пространство религиозное – «веру христианскую»: «О, светло светлая и прекрасно украшенная, земля Русская! <...> Всего еси исполнена земля Руская, о прававѣрная вѣра хрестиянская!» [4, с. 130]. При этом начала / пространства историческое и духовно-религиозное в восприятии и оценке древнерусских книжников фактически сливаются в единое и нераздельное духовно-историческое пространство, раскрывающее читателю не столько закономерности путей исторического развития, сколько их целеполагание и смысл.

В конце XIX века (1898 г.) видный представитель русской исторической школы В.О. Ключевский дал следующую оценку Н.М. Карамзину: взгляд создателя «Истории государства Российского» «строился не на исторической закономерности, а на нравственно-психологической эстетике» [5, с. 276]; цель Н.М. Карамзина – «морально-эстетическая: сделать из русской истории изящное назидание <...> в образах и лицах» [5, с. 277]. Поэтому, подчеркивал В.О. Ключевский, Н.М. Карамзин «не объяснил и не обобщил, а живописал, морализировал и любовался, хотел сделать из истории России <...> героическую эпопею русской доблести и славы» [5, с. 276]. В.О. Ключевский резюмирует: «В этом главная заслуга его труда перед русским обществом и главный недостаток его перед исторической русской наукой [курсив наш. – А.Б., Е.Б.]» [5, с. 276]. «Главный недостаток» Н.М. Карамзина, по В.О. Ключевскому, заключается в том, что «Карамзин не заглядывает за исторические кулисы, не следит за исторической связью причин и следствий, даже как будто неясно представляет себе, из действий каких исторических сил слагается исторический процесс и как они действуют» [5, с. 276].

На претензии В.О. Ключевского и других исследователей к Н.М. Карамзину сто лет спустя, на наш взгляд, пронизательно и убедительно ответил Ю.М. Лотман в статье «Колумб русской истории»: «Карамзин был проникнут мыслью, что история имеет смысл. Но смысл этот – замысел Провидения – скрыт от людей и не может быть предметом исторического описания. Историк описывает деяния человеческие, те поступки людей, за которые они несут моральную ответственность. Подлинный же смысл истории ноуменален. Его можно угадывать поэтически, но он лежит по ту сторону строгой истории. Это и есть подлинная причина „психологизма“ и „морализма“ Карамзина» [6]. Называя «одну из причин» (на наш взгляд – центральную!) «возвращения» Н.М. Карамзина-историка, Ю.М. Лотман констатирует: «<...> вопросы <...> нравственного смысла истории оказываются определяющими не только для прошлого, но и для будущего исторической науки» [6].

Здесь, думается, следует назвать одного из ярчайших представителей славного семейства Глинок – С.Н. Глинку, писателя, историка и мемуариста, автора «Записок о 1812 годе» (1836). Прежде всего приведем его свидетельство о замысле Н.М. Карамзина, оставшемся, к сожалению, нереализованным, но однозначно доказывающее, что Н.М. Карамзин, вопреки мнению скептиков, видел в истории смысл, стремился сопрягать прошлое с настоящим, чтобы провидеть пути будущего России: «Слышал я от Н.М. Карамзина, что он тринадцатую часть истории своей намерен был предложить летописцем от воцарения Дома Романовых до наших времен, а в четырнадцатой предполагал заняться соображением прошедшего с настоящим и вывести из него мысль о будущей судьбе России» [7, с. XIII].

Вслед за Н.М. Карамзиным как человек эпохи возвращения русской мысли к национальной традиции С.Н. Глинка был глубоко убежден в двух вещах. Первая: русская история имеет глубокий смысл, связанный с путями Провидения: «Исключите пути Провидения из событий 1812 года, и среди образования европейского, забвение прошедшего покажет неведение настоящего» [7, с. IV]. Вторая: в русской истории с определенным временным интервалом происходят события «с одинаковой мыслью», но «в различных объемах» (речь идет о событиях 1612 и 1812 гг.). Эти события имеют знаковый характер и напрямую связаны с духом народа и «другой мыслью, другой формулой» его национальной истории. С.Н. Глинку «мучила» загадка этих узловых моментов русской истории, совпадения их «мыслей» / смыслов, которые несут в себе ответы на запросы грядущих веков: «От чего же через два столетия проявляются, хотя и в различных объемах, но одинаковые события и с одинаковой мыслью? <...> история гласно свидетельствует, что у всех веков – своя перекличка, а у Провидения – свои памятные книги» [7, с. XIV]. История, считает С.Н. Глинка, имеет душу, «ведущую человечество на поприще его деятельности» [7, с. VII]. Нравственный характер истории, по С.Н. Глинке, собирает и направляет мысль историческую: «<...> я не выдумывал, я соображал события, сближая их с теми истинными, которые составляют и образуют нравственный мир человека» [7, с. VIII].

Такие изначальные установки русской исторической мысли, продолженные в первой трети XIX столетия (их главным двигателем стали события славного для русской истории 1812 года) и синтезированные пушкинским гением в емких формулировках, не могли не стать предметом осмысления отечественной историографии в условиях новых и вновь переломных моментов национального бытия и способствовали становлению на рубеже XX–XXI вв. научной школы А.Г. Кузьмина, ярким представителем которой на современном этапе является С.В. Перевезенцев как автор книги «Смысл русской истории» [см. 8].

Кратко обозначим моменты, показывающие родственную близость русской исторической и литературоведческой мысли в их принципах и подходах к осмыслению сути русского национального исторического бытия в его прошлом, настоящем и будущем.

Выделенные С.В. Перевезенцевым в контексте рассмотренной нами выше кирилло-мефодиевской культурно-исторической традиции трех факторов русского исторического развития – геополитического, этнополитического и религиозного – в конкретике их краткого анализа [см. 8, с. 5–11] дают основания для выделения третьего – религиозного – в качестве главного / определяющего. Это связано, во-первых, с пограничным нахождением исторической России (скажем даже, со стоянием на грани) между Западом и Востоком, что делает Россию не только и не столько мостом, сколько барьером, рубежом, причем, прежде всего, смысловым, цивилизационным, а это требует особой духовной крепости. Во-вторых, в процессе формирования русского народа приходилось чаще всего «перерабатывать чужеземное на свой лад», что требовало той же духовной крепости. Традиционно для русского мира такой крепостью была православная духовность.

Названные С.В. Перевезенцевым три принципа православного понимания истории [см. 8, с. 11–12] (роль Божественного Промысла, религиозное сознание как катализатор исторического развития и их органическое единение в поиске смысла человеческой истории) и выход на синтетический (базовый) принцип – нравственный характер как хода человеческой истории как таковой, так и хода исследовательской / творческой / научной мысли позволяют полностью реализоваться той «неотразимой силе» литературной / литературоведческой мысли, которая, по мнению Ф.И. Буслаева, состоит «в духовном общении с веками и поколениями посредством самого верного проводника идей, то есть посредством слова» [9, с. 419].

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Рыбаков, Б. А. Петр Бориславич: Поиски автора «Слово о полку Игореве» / Б. А. Рыбаков. – М. : Молодая гвардия, 1991. – 286 с. – Текст : непосредственный.
2. Пушкин, А. С. Полное собрание сочинений. В 2 томах. Том 2 / А. С. Пушкин. – М. : Классика, 1999. – 912 с. – Текст : непосредственный.
3. Лихачев, Д. С. «Слово о полку Игореве» : историко-литературный очерк / Д. С. Лихачев. – М. : Просвещение, 1982. – 176 с. – Текст : непосредственный.

4. Памятники литературы Древней Руси: XIII в. / составление и общая редакция Л. А. Дмитриева, Д. С. Лихачева. – М. : Художественная литература, 1981. – 616 с. – Текст : непосредственный.
5. Ключевский, В. О. Сочинения. В 9 томах. Том VII: Специальные курсы (продолжение) / В. О. Ключевский ; под редакцией В. Л. Янина. – М. : Мысль, 1989. – 508 с. – Текст : непосредственный.
6. Лотман, Ю. М. Колумб русской истории / Ю. М. Лотман. – URL: https://rvb.ru/18vek/karamzin/4igr/03articles/1_lotman.htm?ysclid=m3ngwoq019257689229 (дата обращения: 15.10.2024). – Текст : электронный.
7. Глинка, С. Н. Записки о 1812 годе Сергея Глинки, первого ратника московского ополчения / С. Н. Глинка. – СПб. : Типография Императорской Российской академии, 1836. – 393 с. – Текст : непосредственный.
8. Перевезенцев, С. В. Смысл русской истории / С. В. Перевезенцев. – М. : Вече, 2004. – 496 с. – Текст : непосредственный.
9. Буслаев, Ф. И. О литературе: Исследования : статьи / Ф. И. Буслаев. – М. : Художественная литература, 1990. – 512 с. – Текст : непосредственный.

REFERENCES

1. Rybakov B. A. *Petr Borislavich: Poiski avtora "Slovo o polku Igoreve"* [Peter Borislavich: The search for the author of "The Word about Igor's Regiment"]. М., Molodaya gvardiya, 1991. 286 p. (In Russian).
2. Pushkin A. S. *Polnoe sobranie sochinenij* [Complete Works], vol. 2. М., Klassika, 1999. 912 p. (In Russian).
3. Lihachev D. S. *"Slovo o polku Igoreve": istoriko-literaturnyj ocherk* ["The Word about Igor's Regiment": a historical and literary essay]. М., Prosveshchenie, 1982. 176 p. (In Russian).
4. *Pamyatniki literatury Drevnej Rusi: XIII v.* [Monuments of literature of Ancient Russia: XIII century]. М., Hudozhestvennaya literatura, 1981. 616 p. (In Russian).
5. Klyuchevskij V. O. *Sochineniya* [Works], vol. VII: Special courses (continued). М., Mysl', 1989. 508 p. (In Russian).
6. Lotman Yu. M. *Kolumb russkoj istorii* [The Columbus of Russian History]. URL: https://rvb.ru/18vek/karamzin/4igr/03articles/1_lotman.htm?ysclid=m3ngwoq019257689229. (In Russian).
7. Glinka S. N. *Zapiski o 1812 gode Sergeya Glinki, pervogo ratnika moskovskogo opolcheniya* [Notes on the year 1812 by Sergei Glinka, the first soldier of Moscow militia]. SPb., Printing House of the Imperial Russian Academy, 1836. 393 p. (In Russian).
8. Perevezencev S. V. *Smysl russkoj istorii* [The Meaning of Russian History]. М., Vechе, 2004. 496 p. (In Russian).
9. Buslaev F. I. *O literature: Issledovaniya* [About literature: Research]. М., Hudozhestvennaya literatura, 1990. 512 p. (In Russian).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Безруков, А. А. Об общих подходах историков и литературоведов к пониманию смысла истории России / А. А. Безруков, Е. С. Безрукова. – Текст : непосредственный // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. – 2024. – № 4. – С. 108–115.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Bezrukov A. A., Bezrukova E. S. On General Approaches of Historians and Literary Scientists to Understanding the Meaning of Russian History / A. A. Bezrukov, E. S. Bezrukova // The Bulletin of Armavir State Pedagogical University, 2024, no. 4, pp. 108–115. (In Russian).

УДК 281.93

**РУССКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ
В КОНЦЕ X – ПЕРВОЙ ТРЕТИ XVI ВВ.:
СПЕЦИФИКА ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ
С ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТЬЮ**

И.Н. Колесников, К.В. Каспарян, С.В. Павлюк

**THE RUSSIAN ORTHODOX CHURCH
AT THE END OF THE TENTH AND FIRST THIRD
OF THE SIXTEENTH CENTURIES: THE SPECIFICS
OF INTERACTION WITH STATE POWER**

I.N. Kolesnikov, K.V. Kasparyan, S.V. Pavlyuk

Аннотация. В условиях современности принятие Русью христианства в X в. подвергается критике со стороны прозападно настроенной части интеллигенции, утверждающей, что данный выбор был ошибочным и нанес ущерб ее политическому и экономическому развитию, а также национальной ментальности. Следовательно, исследование особенностей становления христианства на Руси представляется актуальным. В исследовании проанализированы факторы, обусловившие потребность великого князя Владимира Святославича (980–1015 гг.) в поиске новой религии для своей державы. В статье рассмотрены причины выбора в пользу восточного христианства и его последствия для развития русской культуры. В исследовании изучена роль РПЦ в борьбе с господством Золотой Орды и ее роль в создании единого Российского государства в XV – первой трети XVI вв.

Abstract. In modern conditions, Russia's adoption of Christianity in the tenth century is criticized by the pro-Western part of the intelligentsia, who claim that this choice was erroneous and damaged its political and economic development, as well as national mentality. Therefore, the study of the peculiarities of the formation of Christianity in Russia seems relevant. The study analyzes the factors that caused the need of Grand Duke Vladimir Svyatoslavich (980–1015) to search for a new religion for his state. The article examines the reasons for choosing Eastern Christianity and its consequences for the development of Russian culture. The study examines the role of the Russian Orthodox Church in the fight against the domination of the Golden Horde and its role in the creation of a unified Russian state in the XV – first third of the XVI centuries.

Ключевые слова: христианство восточного обряда, идеологическая роль Русской православной церкви, Феррарско-Флорентийская уния, автокефалия Русской православной церкви, концепция «Москва – Третий Рим».

Keywords: Eastern Rite Christianity, the ideological role of the Russian Orthodox Church, the Ferrara-Florentine Union, autocephaly of the Russian Orthodox Church, the concept of "Moscow – the Third Rome".

Одним из наиболее значимых и важных субъектов отечественной истории является Русская православная церковь, чью роль в развитии российской государственности трудно переоценить. Следует признать, что в условиях

пробуждения национального самосознания в российском обществе, тысячелетний опыт Церкви в патриотическом воспитании верующих, основанном на героических традициях прошлого, по объективным причинам, является востребованным, равно, как и ее участие в развитии государства.

Это объясняется тем фактом, что Крещение Руси сыграло огромное значение для развития науки и культуры в нашем государстве, укрепления системы государственного управления, благотворительности, выразившейся в заботе о больных людях, неимущих, сиротах. Кроме того, важно учитывать и то обстоятельство, что в годы тяжелых испытаний Церковь становилась духовным центром борьбы с многочисленными иноземными захватчиками – от печенегов и половцев до гитлеровской Германии, и дала родной стране тысячи священнослужителей-подвижников, защищавших родную страну на полях сражений.

В то же время в течение нескольких десятилетий, во время господства советской власти в нашей стране, наряду с выдающимися достижениями в различных областях общественной жизни – науке, искусстве, социальной сфере, наше общество являлось в большинстве своем бездуховным в силу антирелигиозной политики государства. Подобная ситуация не могла не повлиять в негативном ключе на состояние духовности нашего общества.

Демократизация общественной жизни, наступившая в СССР в середине 1980-х гг., также носила неоднозначный характер. Наряду с возрождением религиозного самосознания и восстановления полноценного положения религиозных институтов, политика так называемой горбачевской перестройки, равно, как и процессы, происходившие в Российской Федерации в 1990-е гг., привела к последствиям, имевшим чрезвычайно отрицательное значение.

Граждане нашей страны, подвергавшиеся жесткой идеологической обработке через прозападные средства массовой информации, стали воспринимать многовековую российскую историю, как господство тирании и длинную цепь поражений. Традиционные религии, господствовавшие на территории России на протяжении столетий (православное христианство, суннитский ислам), трактовались подобными СМИ, как догматические и отсталые, и противопоставлялись «прогрессивным» католичеством и протестантизму.

Кроме того, усилия Запада привели к появлению на территории Российского государства (равно, как и в других бывших советских республиках) многочисленных религиозных сект, которым удавалось обращать сотни тысяч граждан в силу их духовной безграмотности.

В начале XXI в. в общественном сознании россиян произошел позитивный перелом. Данная трансформация ознаменована ростом национального самосознания, возвращения к своим историческим истокам, возрождения патриотизма и национального самоуважения – на фоне жесткого противостояния с западной цивилизацией, которое проявляется не только в политической сфере, но, как и в девяностые годы прошлого века, и в духовно-идеологической.

С учетом данного факта представляется актуальным анализ процесса становления православия в качестве официальной религии на Руси и особенностей двусторонних отношений Русской православной церкви и отечественных органов государственного управления в конце X – первой трети XVI вв.

Племенные союзы восточных славян, сложившиеся на территории Восточно-Европейской равнины VI в., исповедовали язычество, поклоняясь многочисленному пантеону богов. При этом каждый племенной союз почитал более всего одного из них – Перуна, Мокошь, Рода, Ярило, Хорса и т. д., причем совпадений между племенными образованиями в данном вопросе не было.

Данный факт был одним из существенных факторов торможения объединительного процесса и создания единого восточнославянского государства. Кроме того, славянское язычество было, выражаясь образным языком, некоей «вещью в себе», и слабо контактировало с властными структурами. При этом и после объединения всех восточнославянских союзов в единое государство Киевскую (Древнюю) Русь, начало которому было положено великим князем Олегом Вещим в 882 г., язычество сохраняло свои позиции [1, с. 7].

Подобная ситуация подрывала авторитет Руси на международной арене, так как сопредельные народы (кроме викингов на Севере) исповедовали монотеистические религии – христианство, ислам, иудаизм. Они враждовали между собой, но считали друг друга равными, а язычников рассматривали как диких варваров [2, с. 11].

Также следует признать, что языческие жрецы (волхвы и кудесники) обладали значительными знаниями в искусстве и медицине, располагали письменностью, но не делились своими знаниями с народом.

Недостатки язычества осознавала княгиня Ольга (945–964 гг.), принявшая крещение в столице Византийской империи Константинополе (именовавшемся славянами Царьградом) в 955 г. Однако ее попытка ввести на Руси христианство была пресечена ее сыном великим князем Святославом Игоревичем, убежденным почитателем славянских богов (точнее одного из них – Перуна).

Подобная ситуация продолжалась вплоть до правления Владимира Первого (980–1015 гг.), сына Святослава Игоревича, который осуществил крещение Руси в 988 г. по восточно-христианскому византийскому обряду. Его выбор был обусловлен военно-политическим и экономическим могуществом Византии, ее соседством и тесными торгово-экономическими связями между Киевом и Константинополем.

Решение Владимира Святославича (Святого) также было обусловлено тем обстоятельством, что в Византии, несмотря на официальное равенство (симфонию), светская власть императора (автократора, т. е. самодержца), была выше, чем церковная власть патриарха. Это, по мнению великого князя

Киевского, выгодно отличало восточное православие от западного (позднее – католичества), где власть папы Римского была выше власти императорской [3, с. 16].

После падения Западной Римской империи Восточная Римская империя (или Держава ромеев, т. е. римлян – в переводе с греческого) осталась единственной законной правопреемницей великой римской цивилизации. Константинополь расценивался как Второй Рим – центр всего мирового сообщества.

Правители варварских королевств, созданных на обломках Западно-Римского государства, поначалу признавали императоров Византии своими сюзеренами. По крайней мере, это положение существовало в формальной форме, что подтверждается, в частности, в их письмах ромейскому монарху Анастасию I в начале VI в.

При этом, по существу, доминирующим этносом в Византии являлись греки. Греческий язык (его византийский, или среднегреческий вариант) являлся официальным языком; греческая культура стала основой развития духовной сферы Восточной Римской империи. Восточнославянские племенные союзы вели войны с Византией, равно, как и великие князья Киевские. В то же время первый международный договор Руси был заключен (при Олеге Вещем) с Империей ромеев в 907 г.

Принятие Русью христианства по восточному (греческому) образцу укрепило международное положение государства, способствовало упрочению авторитета великокняжеской власти благодаря поддержке Церкви, призывавшей верующих к послушанию государевой воле, укрепило русско-византийские межторговые связи.

Помимо этого принятие христианства способствовало распространению грамотности благодаря открывавшимся при церквях и монастырях приходских школам, где детей учили счету, письму и чтению, развитию изобразительного искусства посредством распространения иконописи, фресок и мозаик, совершенствованию архитектуры благодаря строительству храмов и монастырей [4, р. 39].

При этом Русская православная церковь до середины XV в. оставалась в подчинении у Константинопольского патриарха; византийские самодержцы воспринимались на Руси как владыки Второго Рима и правители всего христианского мира (на русском их титул звучал как царь – производная от имени фактического создателя Римской империи, выдающегося полководца, оратора и политика Гая Юлия Цезаря) [5, с. 5].

В первое время митрополиты Киевские – духовные руководители Русской Православной Церкви, присылались исключительно из Византийской империи по воле Патриарха Константинопольского, в те времена являвшегося неоспоримым лидером всего православного мирового сообщества.

В то же время великие князья Киевские не вполне были удовлетворены подобной зависимостью от Царьграда. Первым проявлением самостоятельности князей-Рюриковичей в религиозном вопросе стало назначение митрополитом

Киевским, по воле великого князя Ярослава Первого Мудрого, Илариона, русского по происхождению, автора первого известного в истории русскоязычного литературного произведения «Слова о законе и благодати», по понятной причине – богословской направленности [6, с. 28].

По существу, как указывал один из крупнейших отечественных специалистов по истории Русского Средневековья Р.Г. Скрынников, стремление обеспечить самостоятельность (автокефалию) Русской Православной Церкви и избавиться от ее подчиненного положения по отношению к Патриарху Константинопольскому послужило первой предпосылкой для возникновения патриаршества на Руси.

История сохранила, к примеру, свидетельства о попытках добиться этого со стороны одного из самых могущественных правителей Руси периода раздробленности – великого князя Владимиро-Суздальского Андрея Боголюбского, сына основателя Москвы Юрия Владимировича Долгорукого.

Монгольское нашествие, которое привело к поражению Руси и ее двухсотсорокалетней зависимости от созданной ханом Батыем Золотой Орды, ослабило византийское влияние на Русь [7, с. 400].

Более того, с этого времени в русских землях царями стали именовать золотоордынских ханов. Считалось, что их победа над Русью в некоторой степени была обусловлена наказанием за грехи (в первую очередь – за братоубийственные княжеские междоусобицы) [8, с. 67].

Следует согласиться с выдающимся русским дореволюционным историком Н.И. Костомаровым в том, что подобная смена мировоззрения не могла не поспособствовать изменению отношения русской правящей элиты по отношению к Византийской империи как таковой и к зависимости Русской Православной Церкви от патриарха в Константинополе [9, с. 67].

Московские князья, которые, начиная с Ивана (Иоанна) I Калиты (1327–1341 гг.) практически непрерывно правили Русью до конца XVI столетия, все больше тяготились зависимым положением – как от Золотой Орды, так и от Константинопольского патриархата [10, с. 187].

Сын Ивана Калиты, Семен (Симеон) Гордый перед смертью добился обретения сана митрополита Киевского епископа Владимирского Алексия (в миру – Елевферия Бяконта, выходца из московского боярского рода). При этом, назначая Алексия на митрополичью кафедру, патриарх Филофей подчеркнул, что иерарх негреческого происхождения удостоен подобной чести лишь благодаря своему благочестию и заслугами перед православной верой.

Следует отметить, что Алексей пользовался немалым авторитетом в Золотой Орде благодаря поддержке ханши (царицы) Тайдулы, обладавшей огромным влиянием. Ханша испытывала глубокую благодарность по отношению к митрополиту, сумевшему излечить ее от опасного недуга. Любопытен тот факт, что в мусульманской Орде православный митрополит считался едва не святым человеком, что является уникальным случаем во многовековой истории двусторонних христианско-исламских отношений [10, с. 190].

Второй предпосылкой учреждения патриаршества в Русском государстве послужила деятельность данного конкретного церковного иерарха.

В годы малолетства великого князя Московского и Владимирского Дмитрия Ивановича (будущего Донского) митрополит Алексей являлся фактическим правителем Руси и неоднократно демонстрировал феноменальные навыки в управлении государством.

Он умело лавировал между Золотой Ордой и стремительно набирающим силу Великим княжеством Литовским и Русским, чей правитель Ольгерд, сын Гедимины, стремился подчинить своей власти Северо-Восточную Русь и Русскую православную церковь.

Кроме того, Алексей занимался финансовыми вопросами (торговлей и проблемами налогообложения). Он так же весьма эффективно пресекал попытки удельных князей лишить юного Дмитрия Московского великокняжеского титула, и, помимо этого, быстро и практически бескровно урегулировал княжеские междоусобные противоречия – зачастую при помощи настоятеля Троицкого монастыря (Троицовой лавры) Сергия Радонежского (в миру – Варфоломея), впоследствии – одного из самых почитаемых Русской православной церковью святых.

Впервые в русской истории глава местной Церкви играл такую важную роль. Как указывает западный исследователь Д. Адамски, деятельность митрополита Алексея существенным образом повысила политический вес Православной Церкви в русском обществе – в первую очередь, в среде боярско-княжеской элиты. С этих пор властные полномочия в руках церковного иерарха уже не казались чем-то необычным.

При этом его подчиненное положение по отношению к патриарху Константинопольскому, чье государство постепенно утрачивало свою военную, политическую и экономическую мощь, начало восприниматься, как нонсенс.

Дмитрий Иванович Московский, политическим наставником которого являлся митрополит Алексей, вырастивший из великого князя выдающегося государственного деятеля, после смерти своего учителя, наступившей в 1378 г., воспротивился назначению на митрополичью кафедру в Киеве византийского иерарха Киприана [11, р. 195].

Несмотря на активное противодействие своих епископов, не желавших ссоры с Константинополем, великий князь Дмитрий настойчиво добивался от патриарха назначения преемником покойного Алексея своего духовника архимандрита Михаила (в миру – Митяя) [12, с. 24].

Постриженного в монахи Михаила, под давлением правителя, епископский собор провозгласил митрополитом Московским. Таким образом, великий князь Московский стремился обособиться от Киева, подвластного великим князьям Литовским и Русским, и создать собственную митрополичью кафедру [13, с. 322].

Смерть Михаила, отправившегося в Константинополь за благословением к патриарху, отсрочила реализацию плана Дмитрия Ивановича, но прекратила конфликт между великим князем и высшим православным духовенством Руси [14, с. 21].

Позиция русских иерархов может представиться светскому исследователю антипатриотичной, однако следует помнить о том обстоятельстве, что для Церкви важнейшим было повиновение патриарху – главе всего православия, а не светским властям с их политическими соображениями – даже если они действовали в интересах государства [15, с. 206].

Однако, как справедливо отмечает Р.Г. Скрынников, подобная позиция русских архиереев сохранялась ровно до того момента, как в Константинополе не встали на путь прямой измены православию – Феррарско-Флорентийской унии с католиками, с подчинением патриарха власти папы Римского [16, с. 92].

Подобная ситуация сложилась на рубеже 1430–1440-х гг., когда Византийская империя уже стояла на грани гибели: ей угрожало завоевание со стороны стремительно набирающих силу османских султанов. Именно надежда на помощь Запада в борьбе с захватчиками и побудила императора Иоанна VIII и патриарха Митрофана дать согласие на унию [17, р. 329].

Однако великий князь Московский Василий II отказался подчиниться этому решению и получил одобрение со стороны Русской Православной Церкви – как раз с целью защиты православной веры [18, с. 76].

Собор лишил митрополичьего сана Исидора, принявшего унию. В 1448 г. митрополитом был избран епископ Рязанский Иона. Таким образом, Русская Православная Церковь обрела автокефалию (в переводе с греческого – самовозглавление), т. е. фактическую независимость от Константинопольского патриархата (юридически Царьград отказался ее признать и утвердить) [19, р. 187].

По этой причине сложилась двойственная ситуация – Русская Церковь была независимой, но ее предстоятель не имел сана патриарха. По существу, стремление московских властей – как церковных, так и светских, добиться утверждения патриаршества, теперь было продиктовано соображениями целесообразности и престижа.

Последней предпосылкой стал брак великого князя Московского Ивана III с Софьей Палеолог, племянницей последнего византийского императора Константина XI. Это позволило правителю России считать себя правопреемником ромейских монархов. Двуглавый орел (византийский герб) стал гербом Московского государства; великокняжеский венец именовался шапкой Мономаха, что подчеркивало происхождение государя всея Руси от владык Второго Рима [20, с. 144].

При сыне Ивана III и Софьи Палеолог, великом князе Василии III, оформилась религиозно-политическая идея «Москва – Третий Рим», разработанная иноком Филофеем Псковским. По существу, она обозначала претензии

России на политическое лидерство в христианском мире как наследницы Рима и Константинополя [21, с. 89].

Подобная концепция неминуемо подталкивала Русскую Православную Церковь и верховную власть Российского государства к установлению патриаршества – светский глава православного (читай – всего) мира должен был иметь рядом с собой формально равного духовного лидера. Иными словами, необходимо было обеспечить наличие симфонии – как в Константинополе, чьей правопреемницей считала себя Москва [12, с. 282].

Таким образом, уже к концу первой трети XVI в. в России сложился целый комплекс предпосылок для учреждения собственного патриархата.

В первую очередь, это было связано с проявившимся еще при Ярославе Мудром намерением правителей Руси избавиться от возникшей после крещения Руси зависимости Русской православной церкви от патриарха Константинополя (а по сути – и Руси от Византии).

Наибольшее упорство в данном вопросе было проявлено Дмитрием Донским, однако его план потерпел неудачу: во многом из-за поддержки русскими иерархами идеи единства православного мира. Однако уже при его внуке Василии Темном, вследствие принятия Константинопольским патриархатом унии с католиками и подчинения Риму, данная идея была реализована, и Русская Церковь обрела автокефалию. Утверждение собственного патриаршества теперь представлялось следующим, логично обоснованным шагом.

Второй предпосылкой явилось укрепление авторитета предстоятелей Русской православной церкви – в том числе и в политической жизни. В данном случае заслуга принадлежала митрополиту Алексию – фактическому правителю Руси в период малолетства Дмитрия Донского, не только великому духовному лидеру, но и выдающемуся государственному деятелю.

Третьей предпосылкой послужило падение Византии и брак Ивана Третьего с византийской царевной Софьей Палеолог, что обусловило претензии московских государей на статус главы всего православного мира (Третий Рим) и, как следствие, желания располагать собственным патриархом – для создания светско-государственной симфонии по византийскому образцу.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Голубинский, Е. Е. История Русской Церкви / Е. Е. Голубинский. – М. : Общество любителей церковной истории, 2002. – 611 с. – Текст : непосредственный.
2. Карташев, А. В. История Русской Церкви / А. В. Карташев. – М. : Эксмо, 2010. – 544 с. – Текст : непосредственный.
3. Никольский, Н. М. История русской церкви / Н. М. Никольский. – М. : Издательство политической литературы, 1988. – 448 с. – Текст : непосредственный.

4. Ware T. *The Orthodox Church: An Introduction to Eastern Christianity* / T. Ware. – London : Penguin Books, 2015. – 368 p.
5. Кремлев, С. Н. Иван Грозный. Царь, отвергнутый царизмом / С. Н. Кремлев. – М. : Эксмо, 2018. – 320 с. – Текст : непосредственный.
6. Знаменский, П. В. *История Русской Церкви* / П. В. Знаменский. – М. : Крутицкое патриаршее подворье, 1996. – 474 с. – Текст : непосредственный.
7. Скрынников, Р. Г. *Третий Рим* / Р. Г. Скрынников. – СПб. : Дмитрий Буланин, 1994. – 192 с. – Текст : непосредственный.
8. Рапов, О. М. *Русская церковь в IX – первой трети XII в. Принятие христианства* / О. М. Рапов. – М. : Высшая школа, 1988. – 416 с. – Текст : непосредственный.
9. Костомаров, Н. И. *Русская история в жизнеописаниях ее главных деятелей* / Н. И. Костомаров. – М. : Эксмо, 2016. – 1024 с. – Текст : непосредственный.
10. Скрынников, Р. Г. *Крест и корона: Церковь и государство на Руси в IX–XVII вв.* / Р. Г. Скрынников. – СПб. : Искусство-СПБ, 2000. – 192 с. – Текст : непосредственный.
11. Adamski D. *Russian Nuclear Orthodoxy: Religion, Politics, and Strategy* / D. Adamski. – Palo-Alto : Stanford University Press, 2019. – 376 p.
12. Скрынников, Р. Г. *Государство и церковь на Руси в XIV–XVI вв.: Подвижники русской церкви* / Р. Г. Скрынников. – Новосибирск : Наука, Сибирское отделение, 1991. – 398 с. – Текст : непосредственный.
13. Соловьев, С. М. *История России с древнейших времен* / С. М. Соловьев. – М. : Эксмо, 2009. – 1024 с. – Текст : непосредственный.
14. Ключевский, В. О. *Сказание иностранцев о России* / В. О. Ключевский. – М. : Абрис/ОЛМА, 2018. – 256 с. – Текст : непосредственный.
15. Флоря, Б. Н. *Русское государство и его западные соседи* / Б. Н. Флоря. – М. : Эксмо, 2010. – 415 с. – Текст : непосредственный.
16. *Государство и церковь в российской империи: проблемы взаимоотношений в XIX – начале XX в.* / Ф. М. Кулиев, И. Н. Колесников, С. К. Осипов, К. В. Каспарян. – Текст : непосредственный // Вопросы истории. – 2022. – № 7-1. – С. 90–96.
17. Ellis J. *The Russian Orthodox Church: A Contemporary History* / J. Ellis. – Indiana : Indiana University Press, 2016. – 531 p.
18. *Русская православная церковь и государство в 1970-е – 1990-е гг.: эволюция взаимоотношений* / Э. Н. Богданова, Ю. Ю. Клычников, И. Н. Колесников, К. В. Каспарян. – Текст : непосредственный // Вопросы истории. – 2023. – № 1–2. – С. 70–81.
19. McGuckin J. A. *The Orthodox Church: An Introduction to its History, Doctrine, and Spiritual Culture* / J. A. McGuckin. – Hoboken : Wiley-Blackwell, 2018. – 474 p.
20. *Апологетика монотеизма* / Э. Н. Богданова, Ю. Ю. Гранкин, Р. М. Мухаметшин [и др.]. – Пятигорск : Пятигорский государственный университет, 2022. – 515 с. – Текст : непосредственный.
21. Осипов, С. К. *Учение о браке в христианстве и особенности учения о браке в православии* / С. К. Осипов, М. Ю. Сивцева. – Текст : непосредственный // Университетские чтения – 2022 : материалы региональной межвузовской научно-практической конференции. – Пятигорск : Пятигорский государственный университет, 2022. – С. 87–91.

REFERENCES

1. Golubinskiy E. E. *Istoriya Russkoy Tserkvi* [The History of the Russian Church]. M., Society of Lovers of Church History, 2002. 611 p. (In Russian).
2. Kartashev A. V. *Istoriya Russkoy Tserkvi* [The History of the Russian Church]. M., Eksmo, 2010. 544 p. (In Russian).
3. Nikol'skiy N. M. *Istoriya russkoy tserkvi* [The History of the Russian Church]. M., Publishing House of Political Literature, 1988. 448 p. (In Russian).
4. Ware T. *The Orthodox Church: An Introduction to Eastern Christianity*. London, Penguin Books, 2015. 368 p.
5. Kremlev S. N. *Ivan Groznyy. Tsar', otvergnutyy tsarizmom* [Ivan the Terrible. The Tsar rejected by tsarism]. M., Eksmo, 2018. 320 p. (In Russian).
6. Znamenskiy P. V. *Istoriya Russkoy Tserkvi* [The History of the Russian Church]. M., Krutitsky patriarchal compound, 1996. 474 p. (In Russian).
7. Skrynnikov R. G. *Tretiy Rim* [The Third Rome]. SPb., Dmitry Bulanin, 1994. 192 p. (In Russian).
8. Rapov O. M. *Russkaya tserkov' v IX – pervoy treti XII v. Prinyatie khristianstva* [The Russian Church in the IX – first third of the XII century. Adoption of Christianity]. M., Higher School, 1988. 416 p. (In Russian).
9. Kostomarov N. I. *Russkaya istoriya v zhizneopisaniyakh ee glavnykh deyateley* [Russian history in the biographies of its main figures]. M., Eksmo, 2016. 1024 p. (In Russian).
10. Skrynnikov R. G. *Krest i korona: Tserkov' i gosudarstvo na Rusi v IX–XVII vv.* [Cross and Crown: Church and State in Russia in the IX–XVII centuries]. SPb., Iskusstvo-SPB, 2000. 192 p. (In Russian).
11. Adamski D. *Russian Nuclear Orthodoxy: Religion, Politics, and Strategy*. Palo-Alto, Stanford University Press, 2019. 376 p.
12. Skrynnikov R. G. *Gosudarstvo i tserkov' na Rusi v XIV–XVI vv.: Podvizhniki russkoy tserkvi* [The State and the Church in Russia in the XIV–XVI centuries: The Ascetics of the Russian Church]. Novosibirsk, Nauka, Siberian Branch, 1991. 398 p. (In Russian).
13. Solov'ev S. M. *Istoriya Rossii s drevneyshikh vremen* [The history of Russia since ancient times]. M., Eksmo, 2009. 1024 p. (In Russian).
14. Klyuchevskiy V. O. *Skazanie inostrantsev o Rossii* [The legend of foreigners about Russia]. M., Abris/OLMA, 2018. 256 p. (In Russian).
15. Florya B. N. *Russkoe gosudarstvo i ego zapadnye sosedi* [The Russian State and its Western neighbors]. M., Eksmo, 2010. 415 p. (In Russian).
16. Kuliev F. M., Kolesnikov I. N., Osipov S. K., Kasparyan K. V. The state and the church in the Russian empire: problems of relations in the 19th – early 20th centuries. *Voprosy istorii = History issues*, 2022, no. 7-1, pp. 90–96. (In Russian).
17. Ellis J. *The Russian Orthodox Church: A Contemporary History*. Indiana, Indiana University Press, 2016. 531 p.
18. Bogdanova E. N., Klychnikov Ju. Ju., Kolesnikov I. N., Kasparyan K. V. The Russian Orthodox Church and the State in the 1970s – 1990s: Evolution of Relations. *Voprosy istorii = History issues*, 2023, no. 1–2, pp. 70–81. (In Russian).
19. McGuckin J. A. *The Orthodox Church: An Introduction to its History, Doctrine, and Spiritual Culture*. Hoboken, Wiley-Blackwell, 2018. 474 p.

20. Bogdanova E. N., Grankin Yu. Yu., Mukhametshin R. M., et al. *Apologetika monoteizma* [The Apologetics of Monotheism]. Pyatigorsk, Pyatigorsk State University, 2022. 515 p. (In Russian).

21. Osipov S. K., Sivtseva M. Yu. The doctrine of marriage in Christianity and the peculiarities of the doctrine of marriage in Orthodoxy. *Universitetskie chteniya – 2022 = University Readings – 2022*. Pyatigorsk, 2022, Pyatigorsk State University, pp. 87–91. (In Russian).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Колесников, И. Н. Русская православная церковь в конце X – первой трети XVI вв.: специфика взаимодействия с государственной властью / И. Н. Колесников, К. В. Каспарян, С. В. Павлюк. – Текст : непосредственный // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. – 2024. – № 4. – С. 116–126.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Kolesnikov I. N., Kasparyan K. V., Pavlyuk S. V. The Russian Orthodox Church at the End of the Tenth and First Third of the Sixteenth Centuries: the Specifics of Interaction With State Power / I. N. Kolesnikov, K. V. Kasparyan, S. V. Pavlyuk // The Bulletin of Armavir State Pedagogical University, 2024, no. 4, pp. 116–126. (In Russian).

УДК 94(47)

**«ГОТОВЬТЕСЬ К ШТУРМУ РОЖДЕСТВА!»:
АНТИРОЖДЕСТВЕНСКИЕ КАМПАНИИ
В АРМАВИРСКОМ ОКРУГЕ (1925–1929 гг.)**

С.Н. Малахов, А.С. Малахова

**"PREPARE FOR THE STORM OF CHRISTMAS!":
ANTI-CHRISTMAS CAMPAIGNS
IN THE ARMAVIR DISTRICT (1925–1929)**

S.N. Malakhov, A.S. Malakhova

Аннотация. В статье рассматривается атеистическая пропаганда Союза безбожников в период празднования Рождества Христова в Армавирском округе в 1925–1929 гг. Деятельность Союза безбожников анализируется на основе статей и информационных заметок, публиковавшихся в партийной окружной газете «Трудовой путь». Газета организовывала антирелигиозную пропаганду, фиксировала ее успехи, указывала на недостатки и пути их исправления. В статье характеризуется подготовка, содержание и итоги антирождественских кампаний 1925–1929 гг. Выявлены причины, ослаблявшие антирелигиозное движение в Армавирском округе, имевшее довольно скромные результаты. Попытки реформировать методы атеистической работы в 1928–1929 гг. также не принесли ощутимых результатов. Перенесение основной нагрузки атеистической пропаганды в сельской местности на избы-читальни натолкнулось на неподготовленность избачей к этой деятельности, в то время как комсомол и ячейки Союза безбожников фактически самоустраились от работы с массами. Антирождественские кампании и движение безбожников не пользовались поддержкой населения округа.

Abstract. The article examines the atheistic propaganda of the Union of the Atheists during the celebration of the Nativity of Christ in the Armavir District in 1925–1929. The activities of the Union of the Atheists are analyzed based on articles and information notes published in the district party newspaper "Trudovoy Put". The newspaper organized anti-religious propaganda, recorded its successes, pointed out shortcomings and ways to correct them. The article characterizes the preparation, content, and results of the anti-Christmas campaigns of 1925–1929. The reasons that weakened the anti-religious movement in the Armavir District, which had rather modest results, are revealed. Attempts to reform the methods of atheistic work in 1928–1929 also did not bring tangible results. The transfer of the main burden of atheistic propaganda in rural areas to village reading-room encountered the unpreparedness of the village librarians for this activity, while the Komsomol and the cells of the Union of Godless actually withdrew from work with the masses. Anti-Christmas campaigns and the movement of godless people did not enjoy the support of the population of the district.

Ключевые слова: Армавирский округ, Союз безбожников, атеистическая пропаганда, Рождество, антирождественская кампания.

Keywords: Armavir District, Union of Godless People, atheistic propaganda, Christmas, anti-Christmas campaign.

С момента образования Советского государства был взят жесткий курс на построение бесклассового атеистического общества. В 1922 г. по инициативе советского партийного и государственного деятеля П.А. Красикова (1870–1939), члена Антирелигиозной комиссии при ЦК РКП(б) – ВКП(б), редактора журнала «Революция и церковь» было организовано общество «Атеист». 27 августа 1924 года при редакции газеты «Безбожник», издававшейся с 1922 года, активисты в составе 48 человек создают «Общество друзей газеты „Безбожник“», которое по решению Антирелигиозной комиссии было развернуто до масштабов всесоюзной общественной организации, а с марта 1925 года начинает выходить журнал «Безбожник» [1, с. 444–445]. Идейное вдохновение организаторы Союза безбожников СССР черпали в марксизме, решениях большевистской партии и деятельности Всемирного союза свободомыслящих, европейской антирелигиозной организации, активно боровшейся с религией, клерикализмом, за отделение государства от школы и школы от церкви еще с 1886 года.

После образования Армавирского округа в 1924 году в составе Северо-Кавказского края, в Армавире, при Агитпропе созывается актив антирелигиозников, в составе 11 человек, которые занимались антицерковной пропагандой. Массовая работа проводилась посредством организации ячеек союза «Безбожник» и вовлечением в них молодежи. С антирелигиозным активом проводилась методическая и инструктивная работа на специально подготовленные темы. К 29 декабря 1925 г. в городе было создано 5 ячеек союза «Безбожник», охвативших 169 человек, среди них было 36 членов и кандидатов партии, членов РКСМ – 56 человек, беспартийных – 77 человек. Среди «антирелигиозников» была 31 женщина. 10 января 1926 года состоялось общее собрание членов ячеек безбожников и выбран городской совет союза «Безбожник» (ГССБ). В 1926 году Агитпроп считал, что антирелигиозная пропаганда постепенно «входит в русло правильной организационной системы». По всем ячейкам был установлен «один день безбожья», в этот день «прорабатывались соответствующие беседы» со слушателями [2].

В советском календаре к «красным дням» на основе ст. 112 КЗоТ устанавливались 8 дополнительных праздников, связанных с православным церковным календарем, в эти дни производство работ воспрещалось. Один из главных церковных праздников – Рождество Христово – приходился на 25–26 декабря. Перечень дней отдыха по Армавирскому округу обычно публиковался в окружной партийной газете «Трудовой путь» в конце февраля – начале марта [3]. Церковные праздники использовались Союзом безбожников для активизации антирелигиозной пропаганды, главные кампании приходились на Рождество и Пасху.

Цель статьи – изучить организацию проведения антирождественских кампаний Союзом безбожников на территории Армавирского округа в период с 1925 по 1929 год, до преобразования СБ в Союз воинствующих безбожников (СВБ); выявить направления работы, результаты и причины неудач

в деятельности Союза безбожников на основе анализа информации, опубликованной в окружной партийной газете «Трудовой путь».

Округ был третьим по численности населения в Северо-Кавказском крае, и на 17 декабря 1926 года в нем насчитывалось 926 323 чел., по сельским местностям проживало 773 069 чел.; городских центров было четыре: Армавир, Кропоткин, Баталпашинск, и поселение городского типа ст. Лабинская, городского населения в демографической структуре округа было всего 153 254 чел. [4]. Самому «старому» городу, Армавиру, было 12 лет. Поэтому можно говорить, что по мышлению, привычкам, традициям подавляющая часть населения округа была сельской, молодой (410 000 чел. были в возрасте от 11 до 31 года) и неграмотной – 33,4 % молодых людей до 31 года не умели читать и писать [5]. Общий уровень грамотности населения округа был также невысок: 54,7 % среди мужчин и 31,3 % среди женщин [6, с. 185]. Эти факторы в дальнейшем сыграли главную роль в отторжении антирелигиозной пропаганды. Кроме того, Союз безбожников не имел подготовленных пропагандистов, которые могли связать читаемые лекции с местными условиями, не имел технического оснащения и доступной для понимания малограмотного населения антирелигиозной литературы.

Тем не менее 24–25 декабря 1926 года городской актив Союза безбожников (СБ) провел «широкую кампанию» среди трудящихся по научному разъяснению происхождения «праздника рождества». Слово «Рождество» в официальных документах писали с маленькой буквы, или в кавычках. В праздник Рождества Христова антирелигиозные лекции, беседы, вечера вопросов и ответов, обсуждения, демонстрация фильмов прошли в клубах железнодорожников, Красной армии, коммунальщиков, терконников, работников железнодорожной станции Армавир-2, Домах просвещения крестьянина, работников просвещения, на маслозаводах № 4 и 7, в пожарной команде и районном музее. В основном молодежная аудитория с интересом слушала доклады, задавала вопросы о религии, мифе о Христе, власти и богатстве, пророках, буддизме, языческих корнях христианской религии, «живой» и «мертвой» церквях, «комсомольском рождестве», роли духовенства и пр. Особенно активно лекции воспринимались в крестьянской и красноармейской среде. Заведующая районным музеем М.С. Фиалковская, автор заметки «Как прошло безбожное рождество», отметила, что по сравнению с двумя прошлыми годами 1924 и 1925, отмечается «значительный рост антирелигиозного сознания» и жажда научного знания [7]. На крещение, 18 января 1927 года, в клубе «Профинтерн» городским советом безбожников была организована лекция «Происхождение праздника крещения». Лектор П. Кротов выявил древнее языческое происхождение этого праздника «бога солнца», его астрономическое толкование и современную сущность. Слушателями было высказано пожелание узнать о религиях других древних народов.

Среди слушателей преобладали красноармейцы. После лекции силами синевлазников «Профинтерна» были даны антирелигиозные номера, сценки и устроено хоровое пение [8].

Суровая и снежная зима 1926/27 г. не благоприятствовала антирелигиозной кампании на селе, поэтому информация о данной мероприятии была в газете лаконичной. По-новому справляли Рождество в хут. Северо-Кубанском. Комсомольцы и ученики школы поставили спектакль под «старое рождество»: «Маленькие ленинцы забыли про колядки и весело распевали революционные песни», выступали с декламациями. Но это наблюдалось не везде. В с. Успенском 7 января («старое рождество») 1927 года прошло традиционно: нетрезвые «христославившие» себе на «расход» подростки, умышленно спотыкались, с шапками на затылке и с поднятым «kozyрем», с папиросами в зубах высокомерно и вызывающе ходили по улицам, упражняясь в ругательствах [9]. Высокая религиозность населения – «кочки старого быта», как ее называли пропагандисты, – чувствовалась не только в окружном центре, но в еще большей мере в окраинных станицах, где лишь к 1925 году закончилась борьба с «белобандитами» и началась «рассадка советской культуры». Лекторов-атеистов было мало, финансовых средств на антирелигиозное просвещение отдаленных станиц округа вообще не было. На уровне антирелигиозных настроений отрицательно сказывалась отдаленность от окружного центра. Например, из ст. Преградной до районного центра приходилось добираться 2–3 дня (75 верст), а до Армавира – 5–6 дней (152 версты) [10]. Ослабление позиций Православной Церкви, породило расцвет баптизма и других сект. «Непомерный рост религиозной эпидемии», как писали в газете, заставил партийно-комсомольский актив ст. Отважной 18 января 1927 г. заслушать по этому делу вопрос на объединенном собрании и инициировать группу по созданию кружка безбожников для противостояния баптизму. Из ст. Отважной обратились в окружном ВКП(б) с просьбой организовать курсы по подготовке пропагандистов-антирелигиозников [11]. Инициатива по борьбе с сектантством проявлялась на местах, а не только шла из окружного центра. Сектантские организации привлекали молодежь, создавая союзы наподобие комсомола: баптисты – «бапсомол», меннониты – «менсомол» и другие. На хуторах Отрадненского района до 90 % молодежи находилось в баптистских организациях. Наиболее активная работа велась среди девушек, в основном через их матерей. Комсомол, призванный вести решительную борьбу с негативными бытовыми явлениями: пьянством, хулиганством, нецензурной бранью, «наплевательским отношением к женщине», легкомысленными связями, со всем тем, что толкало женщин в среду баптистов, не всегда показывал примеры высоконравственного поведения [12], да и сельские комсомольские организации вели антирелигиозную работу неэффективно.

Не лучше ситуация складывалась и в городе. Ячейки Союза безбожников часто появлялись на предприятиях, когда среди рабочих уже открыто действовали сектанты, и не могли с ними соревноваться по влиянию на массы.

Так, только когда баптисты появились на заводе «Армалит», передовые рабочие заговорили о необходимости организации ячейки СБ, но разговоры вскоре остановились на «организационной полосе». Открыто баптисты действовали в г. Кропоткине, где помощник машиниста М. Меркулов явился в горсовет с ходатайством от 200 баптистов о постройке молитвенного дома. На рабочих окраинах Армавира религиозные секты орудовали «не хуже, чем в деревне», здесь вовсе не велась культурно-просветительская и антирелигиозная работа. В городском районе Армавира от ул. Урицкого до пос. Инвалидов в жизни населения доминировали Троицкая церковь и молитвенный дом адвентистов седьмого дня. В ноябре 1928 года партийная газета «Трудовой путь» призвала заранее готовиться к Рождеству: клубы, театры и кино в дни религиозного праздника следовало отвести только для рабочего зрителя, а ячейкам безбожников предлагалось подготовить беседы на соответствующие антирелигиозные темы, «привлекая к этой работе группы по борьбе с алкоголизмом», поскольку «завкомы и месткомы должны отвлечь рабочего от домашнего пьяного праздника» [13]. Антиалкогольная пропаганда велась в тесной связи с атеистической работой.

Однако слабая результативность деятельности Союза безбожников осознавалась как в Центре, так и на местах. В середине 1927 года ЦК ВЛКСМ и Центральный совет Союза безбожников (ЦССБ) издали совместный циркуляр, в котором призывали усилить антирелигиозную пропаганду. Церковные и сектантские организации обвинялись в том, что пытаются влиять на выборы в советы, в органы кооперации, на работу советской школы, на кампании по раскрепощению женщины, в целом «стараясь мешать социалистическому строительству». Власть признавалась, что Союзы безбожников «сами еще не могут справиться с работой», а советские, профессиональные, кооперативные, партийные и общественные организации «принимают в ней мало участия». Как всегда, партийцев призывали обсудить сложившуюся ситуацию и «принять меры» [14].

В окружной партийной газете была даже выделены рубрики «Комсомолец-безбожник», «На безбожном фронте» в которых, помимо информации с мест и публикации инструкций, указывались прямые недостатки в работе безбожников, от которых следовало избавляться. В 1927 году ЦССБ обратил внимание на то, что, несмотря на постановления ЦК комсомола, партии, Наркомпроса и ПУРа «оживить антирелигиозную работу», многие комсомольские ячейки «топчутся на месте», а в это время активную работу проводят «попы и сектанты». В публикации на эту тему («Вниманию комсомольцев») приводились многие примеры из центральных губерний и уездов. Не обошлось и без привлечения местного материала, иллюстрирующего, «наступление» служителей культа. Газета сообщала: «На Кубани, в селе Бузулуки электрифицирован местный храм и готовится электрифицирование другого». ЦССБ призывал покончить с «расхлябанностью» и предлагал комсомольским организациям уделить больше внимания антирелигиозной работе [15].

Аналогичная ситуация сложилась и в Армавирском округе. В газете «Трудовой путь» откровенно писали: «Ведь сейчас (комсомол. – *Авт.*) успокоился на том, что он в массе своей безбожен – и он почти отказался от работы по борьбе с религией» [16].

На совещании Армавирского совета Союза безбожников в конце 1927 года, следуя требованиям ЦССБ, призвали усилить антирелигиозную пропаганду, в том числе было решено: «Принять меры к созданию актива, а в некоторых случаях возобновить деятельность имеющихся в городе ячеек безбожников». Эта заметка члена горсовета безбожников П. Кротова фактически указывала, на несистемный и эпизодический характер работы ячеек, приуроченной только к «штурму» церковных праздников [17].

С целью преодоления этого недостатка ГССБ, разворачивая антирождественскую кампанию в декабре 1927 года, опубликовал план проведения мероприятий. Было решено провести громкие читки антирелигиозных статей, которые к Рождеству следовало опубликовать в «Трудовом пути». Громкие читки рекомендовали проводить с разбором содержания статей в избах и хатках-читальнях и на дому среди молодежи, женщин и стариков. Комсомольцы и члены ячеек Союза безбожников организовывали читки, фиксировали проделанную работу, создавали новые ячейки, избирали руководителя и секретаря. О результатах проделанной работы активистам следовало извещать горсовет СБ, непременно отмечая, «интересуются ли хлеборобы чтением статей и какая из них понятна и хорошо усвоена» [17].

В пропагандистской деятельности среди горожан в рамках антирождественской кампании предлагалось помимо лекций и спектаклей активно использовать книги. Но их было недостаточно. К концу 1929 года центральная библиотека им. Свердлова имела только 192 книги антирелигиозного содержания, а художественной по этому вопросу совершенно не было. Городская библиотека не могла связаться с пятью антирелигиозными кружками на производствах, с которыми был заключен соцдоговор на обслуживание. В библиотеке им. Крупской было 865 антирелигиозных книг, а художественных на эту же тему только – 300. С октября по декабрь было выдано по абонементу и книгоношами 1 334 книги. Библиотечные «передвижки» обязаны были в рамках антирождественской кампании связаться с культкомиссиями и ячейками ВЛКСМ, чтобы привлечь библиотечный актив к коллективному изготовлению плакатов, лозунгов, вырезок и проведению антирелигиозных бесед [18]. Неэффективным оказалось и использование радио в атеистической пропаганде. В 1928 году ЦССБ разработал курс лекций по религиозным вопросам и передавал их по радиостанции им. Коминтерна из Москвы. Ячейкам безбожников рекомендовалось следить за объявлениями о передаче в газете, организовывать слушателей, а затем составлять отзывы об этих лекциях: интересны ли темы, понятно ли рассказаны, удобно ли время передачи; какие желательны доклады еще [19]. Однако в большинстве станиц и хуторов округа еще не было радиоточек. Не лучше была ситуация и с кинопропагандой. В 1927 году

Политпросвет округа имел 7 стационарных киноцентров и 4 передвижных, что было недостаточно. В 1928 году предполагалось их число увеличить соответственно на 4 и 3, но кинофицировать деревню не представлялось возможным из-за отсутствия помещений, электростанций, средств на приобретение киноаппаратуры [20].

Антирождественскую кампанию 1927 года в г. Армавире предполагалось начать во всех клубах лекцией на тему «Классово-эксплуаторское значение Рождества». Доклады читали штатные пропагандисты: П. Кротов (клуб Профинтерн), Кардаш (клуб им. Красина), И. Перцев (клуб Metallистов), Ф. Цымлов (клуб Рабпрос), Белова (клуб Железнодорожников), Амбарцумян (клуб Нацмен), Потапов (клуб Стройсоюза), Фарбер (клуб Пищевиков), Засыпкин (Дом крестьянина), в клубе 64 полка лектора назначал помощник командира дивизии. Правления клубов обязаны были обеспечить художественную часть для зрителей: организовать постановки, живые газеты, выступление хоровых кружков с бытовыми песнями, кино с соответствующим репертуаром, выпуск стенных антирелигиозных газет, выставки антирелигиозной литературы, оформить «уголки безбожников» с новыми плакатами и журналами. Заведующей городским музеем М.С. Фиалковской поручалось организовать выставку антирелигиозных экспонатов, и проводить с посетителями беседы на эту тему. 24 и 25 декабря по радиостанции передавались антирелигиозные доклады штатных пропагандистов Аникина и Кротова [21].

Кампанию 1927 года планировали провести по-новому: во-первых, встретить лекциями и беседами, разъясняющими крестьянам вредную деятельность служителей культа всех религий, «врагов нового культурного быта в деревне» и сектантов; во-вторых, отвлечь население от посещения церкви и обычного «пьяного разгула». Одновременно следовало провести приемную кампанию в члены СБ, антирелигиозные кружки и распространять антирелигиозную литературу. Комсомол призывали «подсечь» работу священников и сектантов, «оживить и укрепить работу ячеек Союза безбожников». В отличие от предыдущей встречи Рождества Союз безбожников советовал отказаться от «комсомольских карнавалов» и так называемого «штурма неба», как это делалось раньше. То есть отказаться от откровенных грубых нападок на верующих и священнослужителей во время богослужений, «кошачьих концертов» около церквей. Напротив, следовало избрать неконфликтные формы атеистической пропаганды. В избах-читальнях, красных уголках, в антирелигиозных кружках предлагалось читать лекции и доклады на темы: «Попы и оборона СССР», «Революционные праздники и праздники религиозные», «Что говорят религия и наука о богородице», «Солнце-бог и солнце-работник», «Праздник Рождества на службе у кулака», «Кто поможет сельскому хозяйству – наука или религия?», «Откуда пошли ряженые, гадания и коляды» и т. д. В беседах с крестьянами надо было разъяснять «вредное значение религии». Молодежь предлагалось отвлечь от церковной службы

каруселями, катанием на коньках, спортивными состязаниями, охотничьими вылазками и другими «интересными и полезными развлечениями» [22]. Это могли быть лекции со световыми картинками, антирелигиозные инсценировки, лыжные пробеги и пр. Одновременно следовало пропагандистам не забывать и о международном положении, показав, что «попы служат капиталу и благословляют его приготовления к войне», что «церковники за границей с нашими заодно» [23]. Подготовка к Рождеству должна была вестись под лозунгом «Борьба с религией есть борьба за социализм».

Накануне Рождества 1927 года в газете «Трудовой путь» возобновляется рубрика «Уголок безбожника», носившая информационный и инструктивный характер. В ней публиковались, в частности, руководящие указания, с целью активизировать антирелигиозную кампанию. Так, с 1 декабря 1927 по 1 апреля 1928 года ЦССБ объявил о конкурсе на лучшую ячейку Союза безбожников с целью «показать образцы хорошей работы». В комиссию ЦССБ по отбору материалов, поступавших от конкурсантов, входили представители партии, комсомола, Главполитпросвета, газеты «Правда», «Известий», «Крестьянской газеты» и т. д. В качестве наград ячейкам предполагалось присудить премии: библиотечки, плакаты, бесплатные экскурсии в Москву и Ленинград. О работе ячеек предполагалось печатать в газетах [24]. Такими методами создавалось впечатление у читателей об активности и массовости работы Союза безбожников СССР.

25 декабря 1927 года вся седьмая страница окружной газеты была заполнена антирелигиозными материалами. Под лозунгом «Рождество – религиозная выдумка, направленная к затемнению трудящихся и обогащению тунеядцев» появились статьи С. Аникина («Происхождение праздника Рождества»), П. Кротова («Для чего придуман праздник Рождества»), И. Перцева («Христос – свет солнца»), Мамонтова «Очередные задачи союза безбожников». Любопытно, что было принято, вероятно, непростое с орфографической точки зрения решение для безбожников – писать слово «Рождество» все же с большой буквы. Антицерковники признавали свои недоработки: 1) ячейки безбожников занимались в основном организационными вопросами, жили замкнуто от кампании до кампании; 2) общей системы в работе ячеек не было; 3) прирост организаций новыми членами был «слишком незначителен». Предлагалось переломить работу ячеек СБ и с предприятий перевести ее в избы-читальни и клубы, где проводить систематическую антирелигиозную работу. От агитационно-пропагандистской работы в этом направлении не должны были устраняться партийные органы, что, вероятно, было довольно распространено. В станицах предлагалось центром антирелигиозной работы сделать избы-читальню, а главным пропагандистом – избача, пополнить книжный фонд читальни и уголков безбожника различной популярной литературой и наглядными пособиями, привлечь к «безбожной работе» все культурные силы станицы – учителей, агрономов, врачей и др. [25].

Несмотря на усилия Союза безбожников, охват антирелигиозной пропагандой населения округа был не повсеместным. В станицах, селах и хуторах не было ни специалистов-лекторов, ни ячеек безбожников, поэтому о проведении массовых мероприятий говорить не приходилось. В конце 1927 года в округе еще были районы, в которых не оформились организационно райсоветы СБ. В связи с этим предлагалось срочно из представителей партийно-комсомольского актива (не менее 3 лиц) развернуть их деятельность. Ячейки безбожников следовало насаждать в каждом населенном пункте, используя наступление Рождества (такая же ситуация складывалась и на Пасху). Одним из методов пропаганды была дискуссия. Несмотря на неоднозначную оценку религиозных дебатов между лекторами и священниками, в центральной прессе, на местах ответственные работники все же склонялись в пользу дискуссий, поскольку, например, их итоги в станице Курганной и Вознесенском районе, показали, что население с «исключительным вниманием» относится к религиозным диспутам [25].

Еще более нерешенной проблемой была организация антирелигиозной работы среди национальных меньшинств. Окружной «базой» для работы с национальными меньшинствами в Армавире был клуб «Нацмен», но там работала только одна армянская секция, здание быстро разрушалось без ремонта, другим секция разместиться было негде. Среди 6 национальных секций насчитывалось десятка два различных вероисповеданий: от тихоновцев до «уразистов». По признанию ответственных лиц, «антирелигиозной работы почти не ведется, потому что не имеется национальных антирелигиозников», было только 2 платных инструктора, которые не могли «обслужить целиком нацменовское население» [26]. Поэтому работа с «нацменовской» беднотой и батрачеством только начиналась.

Опыт проведения антирождественских кампаний постоянно учитывался для «корректировки» сценариев по проведению антипасхальных кампаний. Готовились инструктивные материалы, активизировались лекционная работа, расширение сети ячеек и прием новых членов. 14 сентября 1928 года горсовет Союза воинствующих безбожников (организация уже так называлась, до официального ее переименования в июне 1929 года) собрал совещание антирелигиозного актива по вопросу проведения месячника в зимний период. В середине декабря были приняты некоторые лозунги к грядущему Рождеству: «Против рождества – за непрерывку», «Попы и сектанты – помощники контрреволюции», «Церковники и сектанты – проводники кулацкой политики на селе», «Рождественская проповедь классового мира облегчает вредительскую, подрывную работу» и др.

Центральная власть долго вынашивала идею о полном исключении из календаря дней религиозных праздников и превращении их в рабочие. В прессе приводились и экономические обоснования для этого шага. Лекторы-безбожники агитировали рабочих и служащих о перенесении выходных

с Рождества и Пасхи на другие дни, объявив эти дни рабочими. Подобные призывы звучали все чаще с началом индустриализации. Инициативу, идущую якобы «от народа», с одобрения партийных и советских органов, проявили в декабре 1928 года рабочие Армавирского железнодорожного узла [27]. Газета призывала готовиться «к штурму рождества», поскольку он «неизбежно несет с собой пьянство, хулиганство и прогулы». Но формы и методы антирелигиозного бойкота часто были неясны, не всегда вызывали единогласную поддержку со стороны общества и власти. Через газету, от лица «передовых рабочих», делались призывы запретить торговлю спиртным и «праздничное пьянство», советской кооперации предлагалось не рекламировать рождественские обряды, от общества требовали изобличать «религиозно настроенных советских чиновников», а все мелкие улучшения в быту следовало перенести на революционные праздники [28]. Безбожники призывали провести рождественские дни и святки «культурно», но наталкивалась на молчаливый саботаж горсовета, кооперации и торговых предприятий, культотделы городских профсоюзов вели себя пассивно, они не извещали о своих мероприятиях, торговля спиртным не была запрещена. Накануне Рождества 1929 года только школы продлили занятия на 24–26 декабря, перенеся три религиозных праздничных дня на январские каникулы. Горсовет безбожников требовал через газету запретить торговлю спиртными напитками на период Рождества и святок, а культотделам профсоюзов и клубов предлагал разработать культурные программы на праздники и внести в них «элементы антирелигиозной пропаганды» [29]. Но городские и окружные власти реагировали на эти предложения по финансовым соображениям крайне вяло.

Чтобы продемонстрировать хоть какой-то результат от очередной «безбожной кампании», в большие церковные праздники постоянно поднимался вопрос о закрытии храмов и передаче их под клубы или школы. Пропагандист Перцев свою статью «Как же произошло „рождество“?» уверенно завершает словами: «Храмы и молитвенные дома будем превращать в школы и дома культуры» [30]. 22 декабря 1929 года собрание пионерской базы макаронной фабрики в составе 170 пионеров ходатайствует перед вышестоящими организациями «о закрытии сионских соборов (sic! – *Авт.*) в г. Армавире и призывает рабочих Армузла (Армавирского железнодорожного узла. – *Авт.*) и других предприятий поддержать их предложение» [31]. В этих условиях 22 декабря 1929 года была закрыта татарская мечеть, а родители детей 1-й татарской школы в Армавире выразили поддержку курсу ВКП(б) в национальном вопросе, одобрили «культурный поход в борьбе с неграмотностью и религиозным дурманом», и вслед за русским населением призвали армянское население последовать их примеру и «отдать свои церкви под клубы, школы, детские площадки» [32]. 24 декабря в газете «Трудовой путь» был помещен рисунок с изображением мечети и подписью:

«Татарская мечеть, превращенная в школу». 25 декабря газета извещала, что кустари города ходатайствуют перед окрисполкомом о закрытии Николаевской церкви с передачей ее под клуб кустарей. Кустари-одиночки, объединенные Армкустромом, призывали промыслово-кооперативные артели города поддерживать их ходатайство о закрытии церкви [33].

Несмотря на борьбу с Рождеством, безбожники так и смогли решить, чем заменить рождественскую елку для детей. Пропагандист М.С. Фиалковская в заметках «Чем заменить?» и «Школа и „Рождество“» не может дать принципиального ответа на поставленный вопрос, и пишет: «К сожалению, эта привычка, устраивать детям елку, еще сильна не только между мещанскими обывательскими элементами, но и многими рабочими, с той разницей, что елка с украшениями у них поменьше и подешевле» (в отличие от богатых. – *Авт.*). Она призывает общественные и дошкольные организации, профсоюзы, клубы и женотдел подумать: «...чем и как заменить малышам елку, эту отрыжку старого быта» [34]. При праздновании «Рождества» в станицах Фиалковская призывает учителей отвлечь детей «от прадедовских обычаев и поповских басен» постановками, выступлениями в избе-читальне, на улице. К антирождественским выступлениям в станицах следовало привлекать комсомольцев и крестьянскую молодежь, проводить популярные беседы о религии, показывать фильмы, но в чтении и инсценировках «не бить на грубый шарж», поскольку такой прием не привлекает, а отталкивает население. Важная роль в пропаганде остается за учителем-общественником: школьные музеи, книжки по естествознанию, вечера, ученические спектакли – все должно быть использовано, чтобы, как пишет Фиалковская, «религиозный и самогонный дурман был изгнан разумными развлечениями и научными беседами» [35].

«Долой «рождественскую» елку!» – этот призыв раздавался ежегодно накануне Нового года со страниц газеты «Трудовой путь». Протесты основывались на том, что рождественские и крещенские праздники уничтожаются молодые растения – «елки». «Передовых читателей» возмущало, что, несмотря на 12-летнюю борьбу с этим «поповским дурманом» мещанский класс, а нередко и школы, продолжают придерживаться этой отжившей традиции. Некий «трудолюбивый», подписавший газетную заметку, призывает власти издать обязательное постановление о прекращении торговли на базарах елками, а также в Троицын день березками и другими деревцами [36]. Борьба против елок на Рождество, как символа религиозного праздника, сопровождалась кампаниями по лесонасаждению под лозунгом «Берегите лес!»

В антирождественской агитации атеисты пытались использовать экономические и социальные аргументы, разжигая, по сути, классовую неприязнь со стороны верующих к «служителям культа». В январе 1928 года через газету «Трудовой путь» пропагандист П. Кротов пытается объяснить населению, почему церковные праздники выгодны для церковников. В статье «Почему духовенство держится за праздники» он выделяет две причины:

1) празднично-торжественная обстановка создает лучшие условия для массовой обработки сознания верующих; 2) от праздников духовенство получает солидные доходы. На этом основании он предлагает провести систематическую работу с празднованием религиозных праздников путем 1) «выявления их истории и причин возникновения; 2) доказательства массам роли праздников, как главнейших средств общественного религиозного воспитания масс в духе покорности и непротивления воле божией в ущерб устремлениям человека устроить свою жизнь на основе данных науки; 3) вскрытия классово-эксплуататорской роли праздников и 4) создание нового быта и новых своих праздников труда и знания» [37]. Однако такой научный подход, оказался сложным для восприятия малограмотными массами и не давал желаемого результата, что собственно и показали результаты антирождественской кампании 1927/1928 гг.

Интерес к атеистическим лекциям катастрофически падал. Несмотря на то, что актив ГССБ «удачно», по мнению советских организаторов, был проведен по клубам и школам, выявились и серьезные негативные тенденции. В клубе «Профинтерн» некоторые «сознательные» члены уже второй год не желали принимать участие в антирождественских кампаниях. В 1927 году совработники вообще не явились на доклад лектора, а в 1928 году было только 7 человек. Не лучше дело обстояло в клубах коммунальщиков и пищевкусовцев, при маслозаводе № 4. Просвещенцы (Раброс) слушали антирождественский доклад в количестве 19 человек, У коммунальщиков лектора встретил замок, пищевкусовцы по примеру совработников и вовсе не собрались. Только клуб железнодорожников был переполнен. Удовлетворительно антирождественская кампания прошла на беконной фабрике, в Доме крестьянина и казака, в клубе металлистов, в Стройсоюзе, красноармейских частях. «Хорошо», с точки зрения организаторов, антирождественские кампании были организованы в школах города № 1, 3, 6. Здесь после докладов были поставлены художественные постановки. Однако, подводя итоги проведенной кампании, горсовет СБ был вынужден принять меры к пересмотру «методов антирелигиозной пропаганды» [38]. Даже армавирские пролетарии, которые, казалось бы, должны были быть «застрельщиками» в борьбе с религией, на заводе «Армалит», в период, совпавший со «старым рождеством», не пришли на собрание по перевыборам завкома, а в январе, как обычно, на заводе возросли прогулы по неуважительным причинам почти в два раза: с 88 в октябре до 139 в январе. При этом завод считался «передовым» и в кадровом, и экономическом отношениях: рабочий коллектив был на хорошем счету у партийного руководства, получал высокие зарплаты, выпускал вагонные весы и безмены для крестьянских хозяйств и имел постоянно растущий объем заказов [39].

Если в окружном городе антирелигиозные кампании еще проводились от праздника к празднику, то в соседнем Кропоткинском районе до 1927 года антирелигиозная работа с населением вообще не велась! Только в июне 1927 года был создан районный совет СБ, а к началу 1928 года организовано

4 ячейки безбожников, объединявших 124 чел. Антирождественская кампания проводилась в основном в Кропоткине, было проведено 4 вечера, которые посетило 1 290 чел. В январе 1928 года планировалось организовать вечер «чудес», чтобы продемонстрировать зрителям «обновление икон» «сошествие святого духа» и пр. Своей очередной задачей райсовет ставил «оживление антирелигиозной работы» и расширение местного СБ до 40 ячеек [40]. Чтобы активизировать антирелигиозную работу в Кропоткинском районе в октябре 1928 года 30 учителей-безбожников выехали в район для проведения атеистической недели. Первая «вылазка» состоялась 14 октября в ст. Кавказскую с населением в 12 000 душ. Здесь антирелигиозная работа почти отсутствовала, хотя были комячейка, комсомол и профсоюзы. Хлеборобы отмечали праздник Покрова, и никак не отреагировали на 5-часовой набат, по которому предполагалось собрать аудиторию слушателей. Тем не менее два «товарища», приехавшие из Кропоткина с лекциями, в станице Кавказской «обслужили» 1 060 чел. [41].

Периодически армавирский ГССБ устраивал общедоступные лекции на антирелигиозные темы, которые явно не пользовались успехом. В период проведения месячника в январе–феврале 1928 года в театре им. Луначарского была организована лекция «Есть ли бог?», после которой планировались «чудеса», их научное объяснение и концертное отделение. Организаторы не были уверены в том, что заполнят зал и через газету обратились к профсоюзам и в учебные заведения «мобилизовать кадры своих активистов», чтобы «расшевелить массы» и привлечь их в качестве слушателей. Высказывалось и пожелание ответственным руководителям, чтобы зал был заполнен до отказа, тем более что цена билета была 15 копеек. Приглашались и атеисты, и верующие («Желательно выступление верующих и сектантов, что оживит прения»). Этой массовой акцией СБ пытался не только «пробудить» слушателей, но и поправить свое материальное положение. М. Фиалковская писала в связи с этим: «В последнее время, когда замечается некоторое усиление попыток религиозного воздействия церковников с их спекулятивным подходом к «душе» и кошельку верующего, а также оживление сектантских течений с их лицемерными лозунгами – постановка таких лекций является вполне своевременной» [42].

Рождество 1929 года безбожники в Армавире встречали культурной программой в городских клубах без прежнего антирелигиозного ажиотажа, с почти традиционным содержанием и свободным посещением. Начиналось представление с лекции на антирелигиозную тему, затем в различных клубах следовали постановки «Святой из-под палки», «Соцсоревнование в быту», «Суд над гражданином Тихоновки», «За грамоту», «Овод» (на армянском языке), показывались фильмы «Джалма», «Овод», выступления синей блузы, хора, физкультурных и драматических кружков. Однако рабочие коллективы города день 25 декабря постановили считать рабочим, а всю зарплату передать в фонд сплошной коллективизации страны или индустриализации [43].

К концу 1920-х годов, по мере «наступления социализма по всему фронту», ВКП(б) требует от Союза безбожников более наступательных форм работы. Добровольная организация была переименована с июня 1929 года в Союз воинствующих безбожников (СВБ). Однако работа местных ячеек СВБ к 1929 году фактически замерла на месте из-за отсутствия квалифицированных пропагандистов, инертности и неграмотности верующих, финансовых трудностей у организации, высокого уровня религиозности рабоче-крестьянской среды. По этим причинам антирождественские кампании в Армавирском округе не сопровождались открытыми конфликтами с Церковью, грубо нарушающими права верующих, особенно в сельской местности. Окружная партийная газета публиковала антирелигиозные пропагандистские материалы, информацию об «успехах» «безбожного движения», инструктивные материалы и критику бытового поведения «служителей культа». Партийная критика раздавалась и в адрес Союза безбожников, члены которого вели слабую работу среди молодежи, и практически самоизолировались от широких масс. Традиционная крестьянская экономика способствовала консервации религиозного мышления и церковной праздничной культуры у сельского населения округа. Поэтому антирождественские кампании стали в основном эпизодической частью формирующейся советской городской культуры, связанной с официальным календарем разрешенных праздников. В Армавире на Рождество атеистические культпоходы проводились в профессиональных клубах и некоторых школах, где были помещения для относительно массовых собраний и показа спектаклей; но даже в городе, при наличии потенциально широкой аудитории, не всегда удавалось привлечь зрителя на антирелигиозное мероприятие.

С рубежа 1928–1929 годов политика по отношению ко всем конфессиональным организациям в СССР резко меняется, центральная власть взяла жесткий курс на ограничение влияния Православной Церкви даже на небольшой участок повседневной жизни населения, связанный с празднованием Рождества и наступлением нового года. 24 января 1929 года вышло Постановление ЦК ВКП(б) «О мерах усиления антирелигиозной работы». С разрешения центральной власти «Союз воинствующих безбожников» и местные советские органы начинают активное преследование Церкви и вытеснение ее из всех сфер социальной и культурной жизни. Борьба с религией приравнивается к «борьбе за социализм», сопровождается новыми погромами, разрушениями и закрытиями православных церквей и обителей [44, с. 18–19; 45, с. 164–216; 46, с. 118–119]. Увенчалась успехом и многолетняя кампания борцов с религией по запрету «церковных выходных». Согласно постановлению СНК СССР от 24 сентября 1929 года, в связи с введением непрерывной производственной недели церковные праздники («6 особых дней отдыха») становились обычными рабочими днями. Церковный праздник Рождества Христова был отменен в советском календаре и фактически ушел в подполье.

Как показывает анализ атеистического дискурса газеты «Трудовой путь», антирелигиозное воспитание население Армавирского округа в 1925–1929 годах

осуществлялось местными ячейками Союза безбожников, но имело довольно скромные результаты. Во многом «успех» антирождественских мероприятий, приходившихся на самые холодные месяцы зимы, сильно зависел от наличия теплых помещений и отопления, чего постоянно не хватало в городе, а тем более в станицах и хуторах. Попытки перенести основную нагрузку пропаганды на избы-читальни в сельской местности натолкнулись на неподготовленность избачей к этой деятельности, в то время как комсомол и ячейки Союза безбожников фактически самоустранились от работы с массами. Реформирование методов атеистической работы в 1929 году, перенесение основной тяжести пропагандистской работы на село в целом не дали существенных результатов, поэтому в период коллективизации государство в борьбе с религией перешло к методам открытых политических репрессий против православного духовенства, закрытию церквей, изъятию у общин верующих церковного имущества в государственную собственность.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Безбожник. – Текст : непосредственный // Православная энциклопедия : в 75 томах. Том 4. – М. : ЦНЦ «Православная энциклопедия», 2002. – С. 444–445.
2. Жидков. Антирелигиозная пропаганда в городе / Жидков. – Текст : непосредственный // Трудовой путь. – 1926. – 5 января.
3. Трудовой путь. – 1927. – 2 марта. – Текст : непосредственный.
4. Предварительные итоги переписи. – Текст : непосредственный // Трудовой путь. – 1927. – 19 января.
5. Цымлов, Ф. Огонь по неграмотности / Ф. Цымлов. – Текст : непосредственный // Трудовой путь. – 1928. – 17 июля.
6. Ракачёв, В. Н. Народонаселение Кубани в XX веке. Историко-демографическое исследование : в 4 томах. Том 1: 1900–1920-е гг. / В. Н. Ракачёв, Я. В. Ракачёва ; ответственный редактор В. Н. Ратушняк. – Текст : непосредственный. – Краснодар : Кубанский государственный университет, 2005. – 200 с.
7. Ф. М. Как прошло безбожное рождество / Ф. М. – Текст : непосредственный // Трудовой путь. – 1927. – 5 января.
8. Ф. М. Как прошло безбожное крещение / Ф. М. – Текст : непосредственный // Трудовой путь. – 1927. – 21 января.
9. Зиньковский, В. Ключки старого быта. В святое рождество / В. Зиньковский. – Текст : непосредственный // Трудовой путь. – 1927. – 1 февраля.
10. Местный. В горах / Местный. – Текст : непосредственный // Трудовой путь. – 1927. – 1 февраля.
11. Нефедьев. Нужны курсы антирелигиозников / Нефедьев. – Текст : непосредственный // Трудовой путь. – 1927. – 1 февраля.
12. За молодежь! – Текст : непосредственный // Трудовой путь. – 1927. – 11 октября.
13. Сектанты пытаются делать ставку на рабочих. – Текст : непосредственный // Трудовой путь. – 1928. – 30 ноября.
14. Укрепляйте антирелигиозную работу. – Текст : непосредственный // Трудовой путь. – 1927. – 11 октября.

15. Вниманию комсомольцев. – Текст : непосредственный // Трудовой путь. – 1927. – 15 декабря.
16. В совете союза безбожников. – Текст : непосредственный // Трудовой путь. – 1927. – 21 декабря.
17. Ячейкам безбожников, комсомольским ячейкам и безбожникам-хлеборобам округа. – Текст : непосредственный // Трудовой путь. – 1927. – 22 декабря.
18. Дудкин, К. Библиотеки, на линию / К. Дудкин. – Текст : непосредственный // Трудовой путь. – 1929. – 24 декабря.
19. Трудовой путь. – 1928. – 8 февраля. – Текст : непосредственный.
20. Трудовой путь. – 1927. – 26 февраля. – Текст : непосредственный.
21. План проведения антирождественской кампании по городу Армавиру. – Текст : непосредственный // Трудовой путь. – 1927. – 22 декабря.
22. За работу! – Текст : непосредственный // Трудовой путь. – 1927. – 15 декабря.
23. Приближается праздник Рождества: безбожники на линию! – Текст : непосредственный // Трудовой путь. – 1927. – 16 декабря.
24. Конкурс на лучшую ячейку Союза безбожников. – Текст : непосредственный // Трудовой путь. – 1927. – 14 декабря.
25. М. Очередные задачи союза безбожников / М. – Текст : непосредственный // Трудовой путь. – 1927. – 25 декабря.
26. Кр[отов]. Оживление работы среди нацмен округа / Кр[отов]. – Текст : непосредственный // Трудовой путь. – 1927. – 5 января.
27. Против поповских праздников и пьянства. – Текст : непосредственный // Трудовой путь. – 1928. – 11 декабря.
28. Готовьтесь к штурму рождества. – Текст : непосредственный // Трудовой путь. – 1928. – 13 декабря.
29. Отойти от пьяного рождества. – Текст : непосредственный // Трудовой путь. – 1928. – 23 декабря.
30. Перцев. Как же произошло «рождество» / Перцев. – Текст : непосредственный // Трудовой путь. – 1929. – 25 декабря.
31. Говорят дети. – Текст : непосредственный // Трудовой путь. – 1929. – 22 декабря.
32. Трудовой путь. – 1929. – 22 декабря. – Текст : непосредственный.
33. Трудовой путь. – 1929. – 25 декабря. – Текст : непосредственный.
34. Фиалковская, М. Чем заменить? / М. Фиалковская. – Текст : непосредственный // Трудовой путь. – 1927. – 22 декабря.
35. Фиалковская, М. Школа и «Рождество» / М. Фиалковская. – Текст : непосредственный // Трудовой путь. – 1927. – 22 декабря.
36. Транспортник. Долой «рождественскую» елку / Транспортник. – Текст : непосредственный // Трудовой путь. – 1929. – 24 декабря.
37. Кротов. Почему духовенство держится за праздники / Кротов. – Текст : непосредственный // Трудовой путь. – 1928. – 3 января.
38. Кротов. Итоги антирождественской кампании / Кротов. – Текст : непосредственный // Трудовой путь. – 1928. – 5 января.
39. П. О. «Рождественский гусь» / П. О. – Текст : непосредственный // Трудовой путь. – 1928. – 3 февраля.
40. Безбожник. Ряды безбожников растут. – Текст : непосредственный // Трудовой путь. – 1928. – 11 января.

41. Поход безбожников начался. – Текст : непосредственный // Трудовой путь. – 1928. – 26 октября.
42. Фиалковская, М. Есть ли бог? / М. Фиалковская. – Текст : непосредственный // Трудовой путь. – 1928. – 12 февраля.
43. Трудовой путь. – 1929. – 25 декабря. – Текст : непосредственный.
44. Зыбковец, В. Ф. Безбожники и социалистическая перестройка деревни / В. Ф. Зыбковец. – М. : Безбожник, 1930. – 31 с. – Текст : непосредственный.
45. Савельев, С. Н. Бог и комиссары (к истории комиссии по отделению церкви от государства при ЦК ВКП(б) – антирелигиозной комиссии) / С. Н. Савельев. – Текст : непосредственный // Религия и демократия: На пути к свободе совести. – М. : Прогресс, Культура, 1993. – С. 164–216.
46. Шкаровский, М. В. Русская Православная Церковь в XX веке / М. В. Шкаровский. – М. : Вече, Лепта, 2010. – 480 с. – Текст : непосредственный.

REFERENCES

1. Atheist. *Pravoslavnaja jenciklopedija = Orthodox Encyclopedia*, vol. 4. M., Orthodox Encyclopedia, 2002. 752 p. (In Russian).
2. Zhidkov. Anti-religious propaganda in the city. *Trudovoj put' = The Labor Path*, 1926, January 5. (In Russian).
3. *Trudovoj put'* [The Labor Path], 1927, March 2. (In Russian).
4. Preliminary results of the census. *Trudovoj put' = The Labor Path*, 1927, January 19. (In Russian).
5. Cymlov F. Fire on Illiteracy. *Trudovoj put' = The Labor Path*, 1928, July 17. (In Russian).
6. Rakachjov V. N., Rakachjova Ja. V. *Narodonaselenie Kubani v XX veke. Istoriko-demograficheskoe issledovanie* [Population of Kuban in the 20th century. Historical and demographic study], vol. 1: 1900–1920s. Krasnodar, Kuban State University, 2005. 200 p. (In Russian).
7. F. M. How the Godless Christmas Passed. *Trudovoj put' = The Labor Path*, 1927, January 5. (In Russian).
8. F. M. How the Godless Baptism Passed. *Trudovoj put' = The Labor Path*, 1927, January 21. (In Russian).
9. Zin'kovskij V. Scraps of the old way of life. On Holy Christmas. *Trudovoj put' = The Labor Path*, 1927, February 1. (In Russian).
10. Mestnyj. In the mountains. *Trudovoj put' = The Labor Path*, 1927, February 1. (In Russian).
11. Nefed'ev. Anti-religious courses are needed. *Trudovoj put' = The Labor Path*, 1927, February 1. (In Russian).
12. For the youth! *Trudovoj put' = The Labor Path*, 1927, October 11. (In Russian).
13. Sectarians try to rely on workers. *Trudovoj put' = The Labor Path*, 1928, November 30. (In Russian).
14. Improve anti-religious work. *Trudovoj put' = The Labor Path*, 1927, October 11. (In Russian).
15. Attention Komsomol members. *Trudovoj put' = The Labor Path*, 1927, December 15. (In Russian).
16. In the council of the Atheists Union. *Trudovoj put' = The Labor Path*, 1927, December 21. (In Russian).

17. To groups of atheists, Komsomol organizations and atheist farmers of the district. *Trudovoj put'* = *The Labor Path*, 1927, December 22. (In Russian).
18. Dudkin K. Libraries, on line. *Trudovoj put'* = *The Labor Path*, 1927, December 24. (In Russian).
19. *Trudovoj put'* [The Labor Path], 1928, February 8. (In Russian).
20. *Trudovoj put'* [The Labor Path], 1927, February 26. (In Russian).
21. Plan for the anti-Christmas campaign in the city of Armavir. *Trudovoj put'* = *The Labor Path*, 1927, December 22. (In Russian).
22. Get to work! *Trudovoj put'* = *The Labor Path*, 1927, December 15. (In Russian).
23. Christmas is coming: godless people on the line! *Trudovoj put'* = *The Labor Path*, 1927, December 16. (In Russian).
24. Competition for the best organization of the Union of Atheists. *Trudovoj put'* = *The Labor Path*, 1927, December 14. (In Russian).
25. M. The tasks of the union of atheists. *Trudovoj put'* = *The Labor Path*, 1927, December 25. (In Russian).
26. Kr[otov]. Revitalization of work among the district's ethnic minorities. *Trudovoj put'* = *The Labor Path*, 1927, January 5. (In Russian).
27. Against priestly holidays and drunkenness. *Trudovoj put'* = *The Labor Path*, 1928, December 11. (In Russian).
28. Get ready to storm Christmas. *Trudovoj put'* = *The Labor Path*, 1928, December 13. (In Russian).
29. Get over the drunken Christmas. *Trudovoj put'* = *The Labor Path*, 1928, December 23. (In Russian).
30. Percev. How did "Christmas" happen? *Trudovoj put'* = *The Labor Path*, 1929, December 25. (In Russian).
31. Children speak. *Trudovoj put'* = *The Labor Path*, 1929, December 22. (In Russian).
32. *Trudovoj put'* [The Labor Path], 1929, December 22. (In Russian).
33. *Trudovoj put'* [The Labor Path], 1929, December 25. (In Russian).
34. Fialkovskaja M. What to replace it with? *Trudovoj put'* = *The Labor Path*, 1927, December 22. (In Russian).
35. Fialkovskaja M. School and "Christmas". *Trudovoj put'* = *The Labor Path*, 1927, December 22. (In Russian).
36. Transportnik. Down with the "Christmas" tree. *Trudovoj put'* = *The Labor Path*, 1929, December 24. (In Russian).
37. Krotov. Why the Clergy holds on to Holidays. *Trudovoj put'* = *The Labor Path*, 1928, January 3. (In Russian).
38. Krotov. Results of the anti-Christmas campaign. *Trudovoj put'* = *The Labor Path*, 1928, January 5. (In Russian).
39. P. O. "The Christmas Goose". *Trudovoj put'* = *The Labor Path*, 1928, February 3. (In Russian).
40. Bezbozhnik. The ranks of the atheists are growing. *Trudovoj put'* = *The Labor Path*, 1928, January 11. (In Russian).
41. The march of the atheists has begun. *Trudovoj put'* = *The Labor Path*, 1928, October 26. (In Russian).
42. Fialkovskaja M. Is there a god? *Trudovoj put'* = *The Labor Path*, 1928, February 12. (In Russian).
43. *Trudovoj put'* [The Labor Path], 1929, December 25. (In Russian).

44. Zybkovec V. F. *Bezbozhniki i socialističeskaja perestrojka derevni* [Atheists and the socialist reconstruction of the village]. M., Bezbozhnik, 1930, pp. 18–19. (In Russian).

45. Savel'ev S. N. God and the Commissars (on the history of the commission for the separation of church and state under the Central Committee of the All-Union Communist Party (Bolsheviks) – the anti-religious commission. *Religija i demokratija: Na puti k svobode sovesti = Religion and Democracy: On the Path to Freedom of Conscience*. M., Progress, Culture, 1993, pp. 164–216. (In Russian).

46. Shkarovskij M. V. *Russkaja Pravoslavnaja Cerkov' v XX veke* [Russian Orthodox Church in the 20th century]. M., Veche, Lepta, 2010. 480 p. (In Russian).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Малахов, С. Н. «Готовьтесь к штурму Рождества!»: антирождественские кампании в Армавирском округе (1925–1929 гг.) / С. Н. Малахов, А. С. Малахова. – Текст : непосредственный // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. – 2024. – № 4. – С. 127–145.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Malakhov S. N., Malakhova A. S. "Prepare for the Storm of Christmas!": Anti-Christmas Campaigns in the Armavir District (1925–1929) / S. N. Malakhov, A. S. Malakhova // The Bulletin of Armavir State Pedagogical University, 2024, no. 4, pp. 127–145. (In Russian).

УДК 93.94

**НЕОБХОДИМОСТЬ ФЕДЕРАЛИЗАЦИИ
ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКОГО СООБЩЕСТВА
КАК ЭТНОПОЛИТИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ
РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ**

В.А. Матвеев

**THE NEED FOR FEDERALIZATION
OF THE EAST SLAVIC COMMUNITY
AS AN ETHNOPOLITICAL REALITY
OF THE RUSSIAN EMPIRE**

V.A. Matveev

Аннотация. В статье анализируются различия в процессах государственного сплочения в зарубежных и отечественных реалиях второй половины XIX – начала XX в. Европейский вариант интеграционных трансформаций сопровождался, как правило, унификацией несхожестей и появлением относительно монолитных сообществ. Российская политика и создававшиеся ей условия способствовали сохранению самобытности всех входивших в состав империи народов. У восточных же славян не подавлялась субэтническая дифференцированность. Их сближение предполагало федерализацию связей и создание областных автономий. Это соответствовало, по мнению автора, исторически сформировавшемуся общерусскому коду и сочетавшимся с ним локальным его преломлениям. В систематизацию включены также сведения о том, как появились оторванные от действительности представления о восточных очертаниях границы Украины, что во многом предопределило современные трагические события. Исследование осуществлено с использованием этнонациологического подхода, предусматривающего разделение этнических и национальных этапов в развитии.

Abstract. The article analyzes the differences in the processes of state cohesion in foreign and domestic contexts of the second half of the XIX – early XX century. The European version of integration transformations was accompanied by the unification of divergent elements and the emergence of relatively monolithic communities. Russian policy and the conditions it established contributed to the preservation of the identity of all the peoples who were part of the empire. Subethnic differentiation was not suppressed among the Eastern Slavs either. Their rapprochement implied the federalization of ties and the creation of regional autonomies. This corresponded, in the author's opinion, to the historically formed all-Russian code and its local manifestations. Along with this, the systematization includes information on how unrealistic concepts of Ukraine's eastern borders emerged, which in many ways predetermined modern tragic events. The study was carried out using the ethno-national approach, which distinguishes between ethnic and national stages in development.

Ключевые слова: автономные субъекты, восточнославянское сообщество, интеграционный процесс, реформаторские инициативы, российское согражданство, сепаратистская обособленность, субэтнические различия, федерализованная нация.

Keywords: autonomous subjects, the East Slavic community, the integration process, reform initiatives, Russian citizenship, separatist isolation, subethnic differences, federalized nation.

Российская государственность на протяжении веков складывалась в полиэтничное сообщество, становясь отечеством для многих входивших в ее состав народов. При ее обустройстве устанавливались не только централизованные (унитарные) связи. Сочетались они в том или ином виде с допускавшимся внутренним самоуправлением. Отдельные черты сходства прослеживаются в организации соединенности пространств Римской, Византийской и некоторых других зарубежных империй. Но решающим фактором поддержания их единства служило силовое подчинение. При расширении же российских государственных пределов соблюдалось нередко условие «договорного объединения» [1, с. 55], отражавшего тенденцию добровольной солидаризации.

И при иных вариантах вхождения в их состав самобытность не подвергалась разрушающему воздействию. Наряду с обеспечением безопасности предоставлялась самостоятельность «в законных пределах» [1, с. 54]. Устанавливающиеся государственные ограничения оказывались внешними и при соблюдении российских нормативных регламентаций вмешательств во внутренние традиционные распорядки не происходило. Единство поддерживалось, несмотря на дифференцированность, и в восточнославянском сообществе. В практическом употреблении малороссийские губернии обозначались как «Украина» и «Юго-Западный край». Совместно с великороссами малороссы и белорусы признавались частями одного народа.

Внутренним субэтническим различиям придавались в некоторых случаях особые административно-территориальные оформления. Устанавливались они и для других подданных. При проведении политики на западном направлении государственная власть так же, как и на восточных окраинах, «избегала резкой ломки, считалась с правовыми навыками населения и с благоприобретенными правами». Централизованное управление осуществлялось совмещено с действием российских законов и унаследованного при объединении от прошлого Магдебургского права в Прибалтийских административно-территориальных подразделениях, Кодекса Наполеона в Царстве Польском и обычного права у крестьян по всей империи [2, с. 14]. Местные традиционные уклады лишь с внешними ограничениями оставались для народов Сибири, Средней Азии и Кавказа [2, с. 14]. Несмотря на разнообразие, достигавшийся баланс позволял удерживать устойчивость «внутреннего единства» страны [2, с. 15].

Самоуправление в различных формах, как и по всей империи, функционировало также в субъектах с малороссийским населением. Для городов Полтавской и Черниговской губерний был оставлен привычный Литовский статут [2, с. 14–15]. Сложившаяся модель государственного обустройства Российской империи, безусловно, не была идеальной. Существовала и потребность реформирования сформировавшейся в ее пределах субъектности. Осознание этого наступало еще во второй половине XIX в. Тогда же появилась идея создания федерации русских славян, с сохранением укоренившейся в века разъединения самобытности не утративших вместе с тем родности

их ответвлений. Актуальность такой автономизации для последующих преобразований обосновывал, в частности, представитель исторической школы Киевского императорского университета М.П. Драгоманов (1841–1895).

Являясь уроженцем г. Гадяч Полтавской губернии [3, с. 22], он знал существовавшие настроения в среде малороссийского населения Левобережья Днепра на сохранение единства не только восточнославянской, но и евразийской общности. Проявившееся и там во второй половине XIX в. «украинство», М.П. Драгомановым с опорой на собственные наблюдения воспринималось лишь «как непосредственная... обстановка» [3, с. 22]. Одна из его характерных черт привносилась при длительных контактах с поляками, которые и в период российского подданства «упорно» держались «за свой язык, за свой быт» [3, с. 8]. Так же как и русским помещикам, землевладельцам из их среды предоставлялась возможность создавать начальные школы для крепостных крестьян. Преподавание в них велось с польским уклоном.

Подвластному населению разными способами сообщалась склонность держаться за бытовые и языковые различия. Наряду с этим прививались малороссам представления и о том, что они не часть восточнославянского сообщества, а являются разновидностью поляков. Соответствующее воздействие на их самосознание производилось весьма последовательно. Галицийский писатель и ученый И. Франко (1856–1916) цель, к которой «стремились поляки», усматривал в том, чтобы «южную Русь... полностью слить с Польшей, сделать из этих двух стран единое целое» [4, с. 270]. Для общерусской консолидации создавались препятствия. Желаемого результата, судя по всему, полякам отчасти достигать удавалось. Малороссийской субэтничности постепенно придавалось иное измерение. До поры до времени оно проявлялось слабо. Неравномерным было и распространение. Отличавшаяся от Левобережной восточнославянская специфика существовала, например, на Правобережье Днепра.

Наличие же ее М.П. Драгоманов признавал только у населения австрийской Галиции, находившегося под более сильным польским влиянием. Именно там с 60-х гг. XIX в. наметились увлечения получавшим распространение в Европе национализмом [5, с. 570–571] и осмысливались возможности наложения связанных с ним критериев на особую восточнославянскую субэтничность. В сочетании с данным намерением вставал вопрос и о границах. Достоверный ответ на него получить с опорой на этнополитическую реальность в местностях расселения восточных славян по обе стороны границы Австрийской и Российской империй и в тот период было невозможно. Усилия по конструированию украинской нации по аналогии с европейскими оформившимися в государства общностями в отдельных не пользовавшихся поддержкой у населения кружках, несмотря на это, предпринимались. Сложность же определения границ обособления от остального восточнославянского сообщества вызывалась следующим.

Если западные пределы оказывались так или иначе соотносимыми с бывшими рубежами Руси киевской эпохи, то на восточных, северных и южных направлениях разделенность восточнославянского населения с противопоставлениями «другой народ» не прослеживалась. Не воспринималась

она из-за сохранявшейся приверженности православию и общерусскому единству даже тогда, когда его части оказывались в составе разных государств. Восстанавливалось неоднократно и солидарное взаимодействие сродных ответвлений при возникновении угроз. Разделение восточнославянского сообщества могло быть произведено, как неоднократно проясняло практическое преломление соответствующих инициатив, лишь искусственно, с использованием ложных мотиваций. Отрицалось прежде всего то, что при восстановлении этнического единства объединялась по распространенному в народной среде пониманию Русь с Русью. Каких-либо иных оценок на этот счет на данном уровне не было.

Националистически ориентированные активисты с данной реальностью сталкивались повсеместно и для насаждения сепаратистской альтернативы применяли исторические фальсификации. Однако сохранявшаяся у восточнославянского населения в бывших западных уделах русская идентичность пропагандистским разделяющим воздействиям до поры до времени не поддавалась. Закрепление же обособленности по субэтническим признакам, на что указывал европейский опыт, было все же при определенных обстоятельствах осуществимо. Для этого наряду с мистификациями подбираемых ретроспекций возникала потребность задействовать и пространственный фактор. Впервые границы Украины, тем не менее без какой-либо сепаратистской преднамеренности, были обозначены М.П. Драгомановым в предисловии к сборнику «Громада» («Община»), вышедшему в Женеве в 1880 г. [5, с. 566, 739].

При отсутствии данных на этот счет ответ последовал из не имевших соответствия действительности распространявшихся целенаправленно слухов, что народ «украинский» проживает не только в субъектах по обе стороны границы Австрийской и Российской империй, но и на всем пространстве от «Кубани до синего Сана» [6, с. 79]. К концу XIX в. при поддержке европейских правящих элит, враждебно относившихся к перспективе сохранения и полного восстановления единства восточных славян, насаждалась этнополитическая конструкция «Украина от Карпат и до Кавказских гор». В Вене же надеялись все сопредельные пространства на Востоке с воплощением данного проекта поставить под свой протекторат. Самоидентификация же восточнославянского населения Австро-Венгерской империи в тот промежуток времени по-прежнему оставалась унаследованной от прошлого. Несмотря на противоречивость этнополитического состояния, в его среде еще не утрачено было отождествление с «русским народом» и вера в то, что вышел он «из рук добрых, созидающих духов» [7, с. 530].

И. Франко выделил также основную идею, которой «спокон века» он «живет». Отличительной ее чертой служит, в его отображении, «любовь к ближнему и... правде». Присущ ей также, отметил И. Франко, «протест против всякого гнета и притеснения» [8, с. 246]. Подтверждение этому он усматривал в том числе в гимнах, легендах, сказках, псалмах и других видах народного творчества [8, с. 246]. В оказавшихся в составе Австро-Венгерской империи

бывших западных уделах Руси сохранялась еще надежда, что, «если органически, от одного корня разовьются и расцветут все части великого восточнославянского племени... то составитя из них целостность и единство более прекрасное, богатое и гармоничное» [8, с. 259].

Не прослеживалось тогда и какой-либо враждебности в отношении более многочисленного ответвления сродной этнической общности на Востоке. Передавая данную настроенность у не отделявших тогда еще себя от нее австро-венгерских подданных, И. Франко констатировал: «Мы любим великорусский народ и желаем ему всяческого добра» [8, с. 257]. Тем не менее закрепившиеся отличия в остававшемся в зарубежье ответвлении, как прояснилось впоследствии, могли использоваться и для перегруппировки самосознания с использованием европейских националистических теорий и практик их внедрения.

Предрасположенность же к восприятию такого опыта в западных и восточных ареалах Руси была различной. Проект евразийской универсалистской интеграции открывал перспективы полиэтнического солидарного взаимодействия на равноправной и справедливой основе. Условия в Российской империи способствовали формированию согражданства. К разряду национальных государств и метрополий с колониальной периферией она не относилась. При отсутствии целенаправленного воздействия с направленностью на сохранение оставшейся от прошлого русской идентичности у восточнославянского населения в отечественных и зарубежных субъектах ее вариативность с наличием разных векторов тяготения оказалась там подверженной видоизменению. Это как раз и создавало благоприятные возможности для пропаганды, насаждавшей восприятие субэтнической несхожести восточнославянского населения в западных ареалах по обе стороны границы как национальной с противопоставлением по критерию «другой народ». Однако соответствующие замыслы активистов реализовывались еще очень долго.

Складывавшаяся в Новороссии восточнославянская субэтничность между тем с малороссийской разновидностью по многим признакам, в том числе и по самосознанию, не совпадала. Полными не являлись и языковые сходства [9, с. 81]. Распространенное же наречие содержало немалое количество русских слов. Появилось оно вследствие диалектизации при смешении сродных колониционных потоков. Возникла и особая самоидентификация «мы хохлы – мы русские». Воспринимали же ее и переселенцы из центральных губерний.

Устанавливавшееся преобладание отождествления с русским народом позволяет сделать вывод, что в период освоения южных пространств участвовавшее в этом население из северных сопредельных территорий с украинцами себя не отождествляло. На юге устанавливалась из-за происходившей интеграции иная реальность. Но тогда, во второй половине XIX в., по решениям международных этнологических конгрессов идентификация производилась по языку, а не по самосознанию. Это соответствовало уровню развития научных знаний. А при разграничениях в Российской империи из-за обширности государственного пространства и рельефов местности учитывалась для удобства управления удаленность от административных центров.

Так, 19 мая 1887 г. ряд обособленных от Екатеринославской губернии агломераций Азов, Нахичевань, Ростов-на-Дону и Таганрог совместно с прилегающими уездами были выделены из ее состава и включены в область Войска Донского, так как находились в непосредственной к ней близости. После проведенной реформы они по-прежнему совместно с Кубанью и Ставрополем воспринимались в качестве «новороссийских». При всеобщей переписи 1897 г. в империи восточнославянское население фиксировалось по великорусскому, малорусскому и белорусскому наречиям и объединялось при размещении выявленных статистических сведений в таблицах общей рубрикой «русские» [10, с. 60–61]. Учитывалось же оно как единая общность.

При колонизации южных ареалов выходцы из сопредельных расположенных севернее губерний являлись и тогда носителями субэтнического восточнославянского, но отнюдь не украинского самосознания. Формирование в имперский период российского согражданства у восточных славян сопровождалось дальнейшим укреплением этнонационального единства. В новороссийском варианте этот процесс вследствие смещения населения оказался наиболее глубоким. Региональная специфика края вбирала и инородные (не восточнославянские) элементы, которые также подвергались интеграционному воздействию. Воспринимали же они приверженность основанному на всеобщности общерусскому государственному началу. Составители биографических очерков М.П. Драгоманова называли его «федералистом, сторонником свободного союза областей и народов... ярким противником всякого централизма» [11, с. 212].

Между тем предлагавшийся им вариант «областничества и автономизма» сочетался со стремлением к «сильной России» [3, с. 72]. Первоначально М.П. Драгоманова, как можно судить по его наследию, «вполне удовлетворяло... земское самоуправление и предоставление права... в низшей школе обучаться на родном языке» [3, с. 116]. Со временем ему стала присуща из-за воспринятых влияний не чуждость «национализму», но, несмотря на это, он по-прежнему предстал, по отзывам изучавших его наследие, как «проповедник федерализма» [3, с. 119]. Разделение Юго-Западного края при осуществлении преобразования М.П. Драгомановым предусматривалось на левобережную, правобережную и новороссийскую части [3, с. 150].

Отличавшаяся идентичность восточнославянского населения последней оставалась незамеченной. Новороссию вследствие этого М.П. Драгоманов ошибочно причислил к Украине. Первым, кто обозначил ее восточную и южную границы, он оказался, как уже отмечалось, лишь в публицистике. М.П. Драгомановым заимствовалась, судя по всему, версия, появившаяся во второй половине XIX в. в отдельных кружках с националистическим уклоном. Указание же его как историка воспринималось в качестве подтверждения. Так без опроса самого населения с полаганием лишь на употребляемый смешанный говор Новороссии была включена произвольно в состав Украины. До этого бытовало мнение, что Украина «себя не знает» и определить ее

границы на восточном, северном и южном направлениях невозможно. Тем не менее М.П. Драгоманов предусматривал все же для Новороссии отдельный административно-территориальный статус.

Проживавшим в южных ареалах самим восточнославянским населением отождествление с украинцами преимущественно отвергалось. Принадлежность же Новороссии Украине М.П. Драгомановым была указана под влиянием бытовавшего мифа. Опросы самого населения не проводились. Даже в начале 90-х гг. XIX в. И. Франко в переписке отмечал, что М.П. Драгоманов определил какую-то восточную границу Украины, но не знал, где именно он ее провел, хотя о западных рубежах, закрепление которых состоялось еще в киевскую эпоху Руси, у него была полная осведомленность. Писатель обращался с просьбой прислать уточняющие сведения о проведенном разделении с остальным сообществом восточных славян.

Неясность возникала по поводу границы с местностями расселения великороссов. Занимаемая же донским казачеством территория националистически настроенными активистами также включалась в состав Украины с ложными утверждениями, что оно якобы произошло от запорожцев. У населения Новороссии соотнесение с ней, когда ему об этом становилось известно, вызывало удивление. Не менее затруднительно было определение по воображаемому национальному признаку северной границы Украины. Языковые сходства не давали для этого каких-либо оснований. К тому же у белорусов общерусское самосознание преобладало над субэтническим. Автономизм же и федерализм М.П. Драгомановым противопоставлялся набирающему популярность в среде революционной оппозиции требованию самоопределения народов. Ученый вместе с тем был решительно настроен «против отделения Украины» от России и «не переставал бичевать „сепаратизм“» [3, с. 188].

М.П. Драгоманов придерживался даже точки зрения, что Т.Г. Шевченко, которого приверженцы украинства использовали как конструирующий разделение символ, на самом деле является русским поэтом. Творчество же его, в понимании ученого, отражало лишь местный этнографизм. Границы по заимствованному из европейских практик национальному критерию М.П. Драгоманов, судя по всему, рассматривал как обозначения территориальных пределов автономных областей. Существование великороссов, малороссов и белорусов он видел исключительно как нераздельное [3, с. 131]. Переустройство должно способствовать тому, считал М.П. Драгоманов, чтобы «в России представительство государственное было тесно связано с представительством местным и областным». Опорой же участия «народа и его представителей в решении общегосударственных вопросов» послужит, в соответствии с его ожиданиями, «широкое развитие местного самоуправления» [12, с. XVI].

Программа М.П. Драгоманова основывалась на предполагаемом установлении федеративных отношений между общинами [12, с. XXVIII]. Местное и областное самоуправление не нарушит, согласно видению М.П. Драгоманова, взаимодействие по вертикали, которое будет осуществляться «центральный

народным представительством» [12, с. XX]. Политическая система, таким образом, устроится, как он надеялся, «на принципах автономии земских единиц», то есть «сельских и городских общин, волостей, уездов, губерний и областей» [12, с. XVII]. Восточное славянство свою будущность обеспечит «не путем сепаратизма, а только вместе с другими нациями и областями России путем федерализма» [12, с. XXXI]. Создание в ходе реформ субъектных автономий удовлетворит, надеялся М.П. Драгоманов, «все главные... нужды» относящихся к российским подданным народов [12, с. XXXIII–XXXIV].

Способствовало бы оно, следует заметить, и сохранению субэтнических различий в сообществе восточных славян, что выступало важнейшим аспектом исторически сложившейся русской идеи. В предоставлении областной автономии для сохранения самобытности нуждалось и казачество, так как субэтнические особенности его по местностям расселения оставались неприкосновенными и при обеспечивавшихся в прошлом государством условиях не разрушались. Взгляды М.П. Драгоманова на федерализацию сообщества русских славян по локальной дифференцированности с утверждением соответствующей ей субъектности не во всем оказывались соотносимыми с действительностью. Прослеживались в них и оттенки сходства с учением анархизма, в котором провозглашалась потребность установления строя самоуправляющихся общин без обычной для государства централизованной подчиненности.

Из публицистики М.П. Драгоманова при проектировании реформ, следует отметить при подведении обобщающего итога, можно было отобразить лишь отдельные предначертания. Учитывать следовало при этом совокупность всех специфических обстоятельств. Федерализированная восточнославянская нация с сохранением субэтнических различий и соотносящихся с ними языковых практик была вполне возможна. У населения идея соответствующего преобразования получила бы преобладающую поддержку. Последующие события подтверждали, что в зонах смешения колониционных потоков и восточнославянских субэтноностей преобладающим становилось общерусское интеграционное начало. Такова была общая направленность этнополитической трансформации, специфика которой предполагала создание федерализированной нации.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ильин, И. А. О грядущей России / И. А. Ильин. – Свято-Троицкий монастырь : Телекс, 1991. – 367 с. – Текст : непосредственный.
2. Ольденбург, С. С. Царствование императора Николая II / С. С. Ольденбург. – М. : Терра, 1992. – 640 с. – Текст : непосредственный.
3. Заславский, Д. И. М. П. Драгоманов. К истории украинского национализма / Д. И. Заславский. – М. : Издательство всесоюзного общества политкаторжан и ссыльно-поселенцев, 1934. – 240 с. – Текст : непосредственный.
4. Франко, И. Две унии (Картинки из истории Руси конца XVI столетия) / И. Франко. – Текст : непосредственный // Франко И. Сочинения. В 10 томах. Том 10: Статьи, письма. – М. : Государственное издательство художественной литературы, 1959. – С 270–277.

5. Франко, И. Сочинения. В 10 томах. Том 10: Статьи, письма / И. Франко ; [перевод с украинского]. – М. : Государственное издательство художественной литературы, 1959. – 792 с. – Текст : непосредственный.

6. Франко, И. Украина / И. Франко. – Текст : непосредственный // Франко И. Собрание сочинений. В 3 томах. Том 1: Стихотворения и поэмы. – М. : Художественная литература, 1990. – 511 с.

7. Франко, И. Сочинения. В 10 томах. Том IV: Рассказы и повести. Драмы / И. Франко ; [перевод с украинского]. – М. : Государственное издательство художественной литературы, 1950. – С. 485–640. – Текст : непосредственный.

8. Франко, И. Искренность тона и искренность убеждений / И. Франко. – Текст : непосредственный // Франко И. Сочинения. В 10 томах. Том 10: Статьи, письма. – М. : Государственное издательство художественной литературы, 1959. – С 244–259.

9. Даль, В. И. О наречиях русского языка / В. И. Даль. – Текст : непосредственный // Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 томах. Том 1: А–З. – М. : Русский язык, 1989. – С. 50–93.

10. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. / под редакцией Н. А. Тройницкого. – Выпуск 65: LXV. Кубанская область. – СПб. : [б. и.], 1905. – 264 с. – Текст : непосредственный.

11. Дейч, Л. М. П. Драгоманов в изгнании / Л. Дейч. – Текст : непосредственный // Вестник Европы. – 1913. – Книга 10. – С. 201–226.

12. Кистяковский, Б. А. М. П. Драгоманов. Его политические взгляды, литературная деятельность и жизнь / Б. А. Кистяковский. – Текст : непосредственный // Драгоманов М. П. Политические сочинения. Том I / под редакцией профессора И. М. Гревса и Б. А. Кистяковского. – М. : Типография Товарищества И.Д. Сытина, 1907. – С. IX–LXXII.

REFERENCES

1. Il'in I. A. *O gryadushchei Rossii* [About the coming Russia]. Holy Trinity Monastery, Telex, 1991. 367 p. (In Russian).

2. Ol'denburg S. S. *Tsarstvovanie imperatora Nikolaya II* [The reign of Emperor Nicholas II]. M., Terra, 1992. 640 p. (In Russian).

3. Zaslavskii D. I. M. P. *Dragomanov. K istorii ukrainskogo natsionalizma* [M. P. Dragomanov. On the history of Ukrainian nationalism]. M., Publishing House of the All-Union Society of Political prisoners and exiled settlers, 1934. 240 p. (In Russian).

4. Franko I. Two unions (Pictures from the history of Russia at the end of the XVI century). *Sochineniya = Writings*, vol. 10: Articles, letters. M., State Publishing House of Fiction, 1959, pp. 270–277. (In Russian).

5. Franko I. *Sochineniya* [Writings], vol. 10: Articles, letters. M., State Publishing House of Fiction, 1959. 792 p. (In Russian).

6. Franko I. Ukraine. *Sochineniya = Writings*, vol. 1: Poems. M., Hudozhestvennaya literatura, 1990. 511 p. (In Russian).

7. Franko I. *Sochineniya* [Writings], vol. IV: Short stories and novellas. Dramas. M., State Publishing House of Fiction, 1950, pp. 485–640. (In Russian).

8. Franko I. Sincerity of tone and sincerity of beliefs. *Sochineniya = Writings*, vol. 10: Articles, letters. M., State Publishing House of Fiction, 1959, pp. 244–259. (In Russian).

9. Dal' V. I. About dialects of the Russian language. *Tolkovyj slovar' zhivogo velikoruskogo yazyka = Explanatory dictionary of the living Great Russian language*, vol. 1: A–Z. M., Russian Language, 1989, pp. 50–93. (In Russian).

10. *Pervaya vseobshchaya perepis' naseleniya Rossiiskoi imperii 1897 g.* [The first general population census of the Russian Empire in 1897], iss. 65: LXV. Kuban Region, edited by N. A. Troynitsky. SPb., 1905. 264 p. (In Russian).

11. Deich L. M. P. Dragomanov in exile. *Vestnik Evropy = Bulletin of Europe*, book 10, 1913, pp. 201–226. (In Russian).

12. Kistyakovskii B. A. M. P. Dragomanov. His political views, literary activity and life. *Dragomanov M. P. Politicheskie sochineniya = Dragomanov M. P. Political writings*, vol. I. M., Printing House of the I.D. Sytin Partnership, 1907, pp. IX–LXXII. (In Russian).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Матвеев, В. А. Необходимость федерализации восточнославянского сообщества как этнополитическая реальность Российской империи / В. А. Матвеев. – Текст : непосредственный // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. – 2024. – № 4. – С. 146–155.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Matveev V. A. The Need for Federalization of the East Slavic Community as an Ethnopolitical Reality of the Russian Empire / V. A. Matveev // The Bulletin of Armavir State Pedagogical University, 2024, no. 3, pp. 146–155. (In Russian).

УДК 9 (С16)

**ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ДОПОЛНИТЕЛЬНЫХ ИСТОЧНИКОВ
ПРОДУКТОВ ПИТАНИЯ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ
В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ**

А.А. Панарин, Е.В. Панарина

**THE USE OF ADDITIONAL FOOD SOURCES
IN THE NORTH CAUCASUS
DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR**

A.A. Panarin, E.V. Panarina

Аннотация. В статье рассматриваются различные виды дополнительных источников продуктов питания, используемых населением Северного Кавказа в годы Великой Отечественной войны. Раскрывается значение подсобных хозяйств в снабжении продовольствием общественных столовых. Анализируется процесс развития огородничества и его роль в расширении рациона питания населения. Подчеркивается значение приусадебных участков колхозников в продовольственном обеспечении сельских жителей и деятельности колхозных рынков как одного из источников продуктов питания городского населения. Освещается участие населения в сборе дикорастущих зелени, плодов, грибов и ягод, а также использование нелегальных каналов поступления продовольствия в виде спекуляции. Делается вывод о важной роли дополнительных источников продуктов питания при решении продовольственной проблемы на Северном Кавказе в годы войны.

Abstract. The article discusses various types of additional food sources used by the population of the North Caucasus during the Great Patriotic War. The importance of subsidiary farms in the supply of food to public canteens is revealed. The process of development of horticulture and its role in expanding the diet of the population is analyzed. The importance of farmsteads of collective farmers in the food supply of rural residents and the activities of collective farm markets as one of the sources of food for the urban population is emphasized. The article highlights the participation of the population in the collection of wild greens, fruits, mushrooms and berries, as well as the use of illegal food supply channels in the form of speculation. The conclusion is made about the important role of additional food sources in solving the food problem in the North Caucasus during the war years.

Ключевые слова: продовольственная проблема, дополнительные источники продуктов питания, подсобные хозяйства, огородничество, колхозные рынки, Северный Кавказ, Великая Отечественная война.

Keywords: food problem, additional sources of food, subsidiary farms, gardening, collective farm markets, the North Caucasus, the Great Patriotic War.

Нападение на СССР фашистской Германией и ее союзников привело к существенным изменениям в повседневной жизни населения. Огромный урон, нанесенный врагом народному хозяйству, оккупация в первые месяцы

войны значительной и развитой в экономической отношении части европейской территории страны, максимальное использование имеющихся ресурсов для нужд фронта, оказали влияние на ухудшение материально-бытовых условий жизни советских граждан.

Наиболее острой социальной проблемой в годы Великой Отечественной войны являлась продовольственная проблема. Исходя из сложившейся тяжелой ситуации, советское государство ввело централизованную систему распределения продовольствия, в соответствии с которой городские жители и некоторая часть сельских жителей, не являвшихся членами колхозов, могли получать хлеб и другие продукты питания по карточкам. Вместе с тем это не позволяло в полной мере удовлетворять потребности организма в продуктах питания, что приводило к снижению производственных возможностей и обострению демографического кризиса.

Одним из путей решения данной проблемы являлось использование дополнительных источников продуктов питания. Среди них можно выделить источники, развитие которых происходило под влиянием государственной продовольственной политики, а также относящихся к практикам самообеспечения населения.

С началом войны партийно-государственные органы придавали большое значение созданию на предприятиях и в учреждениях подсобных хозяйств, деятельность которых должна была осуществляться силами самих работников в свободное от основной работы время. Важность этой задачи была признана руководством страны незадолго до нападения фашистской Германии. 7 сентября 1940 г. СНК СССР и ЦК ВКП(б) издали постановление, в котором в целях улучшения продовольственного снабжения рабочих и служащих обязали директоров предприятий и местные советские организации создавать подсобные хозяйства огородно-овощного и животноводческого направления. Сельхозбанк должен был выдавать предприятиям сроком на два года кредит для организации подсобного хозяйства в сумме до 300 тыс. руб., а исполкомы были обязаны выделять предприятиям из государственного фонда земельные участки для организации подсобного хозяйства [13, с. 802–803].

Вместе с тем реализация этого постановления проходила неудовлетворительно ввиду недостаточности материальных средств, организационных проблем, а также нежелания большинства хозяйственных руководителей уделять внимание данному вопросу как второстепенному, по сравнению с выполнением производственных планов. Эта тенденция продолжилась в начальный период войны, что усугублялось сложным переходом экономики страны на военный лад.

В результате на большинстве предприятий и учреждений страны, в том числе Северного Кавказа, подсобные хозяйства отсутствовали, а там, где они были созданы, результаты работы были далеки от плановых показателей. Например, в г. Краснодаре к началу 1942 г. подсобные хозяйства не смогли за счет своей продукции расширить в действующих столовых рацион питания

рабочих и служащих. Основными причинами являлись нехватка средств, неэффективное использование посевных площадей в ущерб овощной продукции и низкая урожайность, ввиду плохого ухода за посевами. Подсобные хозяйства не могли в достаточном количестве поставлять в столовые мясо-молочную продукцию, так как животноводство у них было развито слабо. В 27 подсобных хозяйствах города было лишь 118 голов крупного рогатого скота и 593 свиньи [16, л. 49–50]. Подобная ситуация была свойственна другим городам и районам Северного Кавказа.

С целью ее улучшения 7 апреля 1942 г. СНК СССР и ЦК ВКП(б) приняли постановление «О выделении земель для подсобных хозяйств и под огороды рабочих и служащих», которое обязывало региональные органы выявить все пустующие государственные земли и передать их заводам, фабрикам и учреждениям для использования подсобными хозяйствами и под огороды. При отсутствии данных земель для подсобных хозяйств могли быть выделены неиспользуемые колхозами земли [12, с. 65].

Настойчивые требования руководства страны привели к увеличению числа подсобных хозяйств и определенным улучшениям в их производственной деятельности. Администрация предприятий и учреждений стала уделять больше внимания вопросам укрепления материальной базы подсобных хозяйств и привлечению работников для ухода за растениями и домашними животными. Отдельные подсобные хозяйства Северного Кавказа демонстрировали положительные результаты своей работы. Так, в Ростовской области подсобное хозяйство Сулинского завода занимало посевную площадь в 273 га, содержало 26 свиноматок, 18 коров и 7 телят. Производимая продукция использовалась для улучшения питания рабочих завода [10].

Дальнейшее развитие подсобных хозяйств на большей части территории Северного Кавказа было прервано вражеской оккупацией, которая продолжалась для большинства его районов с августа 1942 г. по февраль 1943 г. Несмотря на тяжелые последствия оккупации, Краснодарский крайком ВКП(б) уже в феврале 1943 г. потребовал от директоров предприятий принять меры к скорейшему восстановлению подсобных хозяйств и проведению посевной кампании [15, л. 111]. Такие же решения были приняты в других районах Северного Кавказа.

Повсеместно был поставлен вопрос о необходимости самостоятельного обеспечения продуктами питания работников предприятий и учреждений. Так, в мае 1943 г. руководство Ростовского областного управления легкой промышленности обратилось к администрации швейной фабрики № 4 с требованием прекратить участие в работе подсобного хозяйства стекольного завода и организовать собственное подсобное хозяйство [6, л. 56]. Выполнение этих требований, наряду с общей заинтересованностью трудовых коллективов, привело к быстрому росту подсобных хозяйств. Например, в Ростовской области количество подсобных хозяйств увеличилось с 1 160 в 1943 г. до 3 227 в 1944 г., т. е. почти в три раза [20, л. 27].

Одновременно в подсобных хозяйствах происходило наращивание производства сельхозпродукции. Благодаря этому, столовые предприятий и учреждений получали большое количество продовольственных продуктов, что способствовало расширению рациона питания рабочих и служащих. Например, в Краснодарском крае хороший урожай 1944 г. позволил подсобным хозяйством получить 4 005 т картофеля [4, л. 22].

В то же время в области животноводства подсобные хозяйства не смогли преодолеть сложившееся в условиях войны тяжелое положение. В целом по стране количество картофеля, поступившего из подсобных хозяйств в торговлю и общественное питание, возросло в 1945 г. по сравнению с 1942 г. с 360 до 1 348 тыс. т (т. е. в 3,7 раза), овощей с 400 до 2 163 тыс. т (т. е. в 5,4 раза), мяса с 32 до 53 тыс. т (т. е. только в 1,7 раза) [14, с. 103].

Еще одним распространенным дополнительным источником продовольствия в условиях военного времени было огородничество. Партийно-государственные органы, а также профсоюзные комитеты активно пропагандировали идею огородничества, убеждая рабочих и служащих участвовать в этом важном деле. Весной 1942 г. по решению Президиума ВЦСПС на каждом предприятии и в учреждении были образованы огородные комиссии, которые распределяли между работниками наделы земли, используемые под огороды, и помогали им в приобретении семян, обработке почвы и других вопросах [18, с. 104–105].

Иницилируемые сверху меры по развитию огородничества находили поддержку у большинства населения, заинтересованного в получении дополнительного источника питания. В основном на огородах выращивали картофель и овощи, что позволяло расширить рацион питания многих советских семей.

На Северном Кавказе огородничество приобрело особенно широкий размах после окончания оккупации, что потребовало от местных органов принятия мер по выделению под огороды свободной земли. В результате количество огородников стало быстро расти. Так, на территории Краснодарского края уже в конце 1943 г. численность огородников составляла 219 тыс. человек, а общая площадь используемой под огороды земли – 23 тыс. га. В г. Ростове-на-Дону в 1944 г. было подано 60 тыс. заявок на получение огородов, из которых местные органы смогли удовлетворить лишь 17 тыс., ввиду ограниченности свободной земли [14, с. 106]. В это же время в Дагестане огородничеством занимались 31 293 человека. Особенно большая работа по развитию индивидуального огородничества была развернута в Хасавюртовской районе, Махачкале, поселке Избербаш [21, с. 31].

В масштабах всей страны в победном 1945 г. огородничеством было охвачено около 18,6 млн человек. В среднем они получали с огородов 515 кг картофеля и овощей [2, с. 104]. Это позволяло не только употреблять овощи в сыром виде, но и осуществлять заготовки на зиму, способствуя улучшению питания участвующих в огородничестве граждан.

Для колхозников, составляющих большую часть населения Северного Кавказа, основную роль в продовольственном обеспечении играли используемые ими приусадебные участки размером от 0,25 до 0,5 га. Объяснялось это тем, что колхозники не подлежали государственному централизованному снабжению, а возможности общественных фондов колхозов в годы войны были сокращены до минимума. Выдача сельхозпродукции колхозникам на трудодень уже в первые месяцы войны сократилась в два раза.

В связи с этим для колхозников в условиях войны продукция приусадебных участков стала фактически основным источником продовольственного обеспечения. При этом часть производимой на приусадебных участках продукции подлежала обязательным государственным поставкам. Сюда включались зерно, картофель, мясо, молоко, шерсть, яйца и другие продукты. Кроме того, колхозники активно участвовали в движении по оказанию помощи фронту, используя для этого продукцию приусадебных участков. Только от сельских жителей Краснодарского края к декабрю 1941 г. в фонд обороны поступило 478 т зерна, 607 т мяса, 26 220 л молока и 46 тыс. штук яиц [17, с. 131].

Тем не менее оставшаяся у колхозников продукция использовалась в качестве основного источника питания, а также поступала на колхозные рынки для продажи гражданам, не связанных с сельским хозяйством. Сами колхозники за счет этого могли получать денежные средства, которых они фактически были лишены. Данные средства использовались колхозниками для покупки одежды, обуви и решении других бытовых вопросов.

Вместе с тем для горожан колхозная торговля стала еще одним дополнительным источником продуктов питания. В начале войны хороший урожай лета 1941 г. позволил колхозникам завозить на рынки большое количество сельхозпродукции, производимой на приусадебных участках. Например, на колхозные рынки г. Ростова-на-Дону было завезено намного больше мяса, яиц, молока и животного масла, чем в 1940 г. [9].

В последующие месяцы войны ситуация стала ухудшаться. Реализация 47 видов продуктов на колхозных рынках в апреле 1942 г. сократилась на две трети. Особенно снизилась реализация рыбы, растительного масла, яиц, мяса, крупы. Партийно-государственные органы основную причину этой ситуации усматривали в неудовлетворительной работе местного руководства. Например, бюро Адыгейского обкома ВКП(б) в феврале 1942 г. обращало внимание местных руководителей на слабое использование внутренних ресурсов продовольственного обеспечения, в том числе отсутствие мер помощи колхозникам в вывозе продукции на колхозные рынки [14, с. 90]. В то время основной причиной сокращения продажи продукции на колхозных рынках стало соответствующее сокращение ее производства на приусадебных участках.

Такая ситуация сохранялась и в первые месяцы после окончания оккупации Северного Кавказа. Лишь летом 1943 г. выращенная на приусадебных участках часть урожая стала поступать на колхозные рынки, что способствовало увеличению продаж и снижению цен. Прежде всего это касалось

овошей, зелени и фруктов. Например, в Краснодарском крае огурцы с 1 мая по 15 мая стоили 2 руб. 30 коп. за штуку, а с 16 мая по 30 июня уже 76 коп., цена 1 кг редиса за это время снизилась с 2 руб. 95 коп. до 66 коп., 1 кг лука-перо с 3 руб. 15 коп. до 68 коп. [3, л. 86].

Вместе с тем цены на мясо-молочные и многие другие продукты оставались высокими и не соответствовали покупательным возможностям большинства граждан. При среднемесячной зарплате не превышающей 500 руб., в апреле 1943 г. в Сталинском районе Краснодарского края 1 кг леденцов стоил 580 руб., 1 кг сахара – 650 руб., 1 кг меда – 500 руб. [5, л. 15]. Партийно-государственные органы уделяли внимание вопросам снижения цен на колхозных рынках, устанавливая их предельный уровень, что давало некоторый положительный эффект.

Например, в автономных республиках Северного Кавказа были созданы специальные комиссии, которые проводили организационные и экономические мероприятия по усилению регулирования колхозного рынка [7, с. 143]. В конце войны цены на колхозных рынках стали снижаться, ввиду увеличения производимой на приусадебных участках продукции. Вместе с тем объемы реализации мяса, яиц и молока на колхозных рынках были по-прежнему существенно меньше, чем до войны, составляя соответственно 49, 51 и 72 % по отношению к 1940 г. [8, с. 162].

Острый дефицит продовольствия в годы войны оказал влияние на расширение масштабов спекуляции продуктами питания. Эта незаконная сфера также в определенной степени являлась дополнительным источником продовольственного обеспечения населения. В спекуляции участвовали как обычные граждане, так и руководители торговых предприятий. Примером мелкой спекуляции может быть задержанная в январе 1942 г. милицией г. Краснодара гражданка, которая занималась перепродажей мандаринов. При обыске у нее в доме было найдено семь ящиков мандаринов, ящик лимонов, два ящика хозяйственного мыла и ящик сливочного масла [14, с. 93].

Примером крупной спекуляции является преступная деятельность директора центрального рынка г. Ростова-на-Дону, который в декабре 1942 г., злоупотребляя своим служебным положением, перепродавал мясо по двойным ценам. За два месяца он вместе с сообщниками скупил для перепродажи 100 туш баранины, 8 туш говядины, 250 гусей и кур [14, с. 92].

Со стороны органов милиции осуществлялись жесткие меры по борьбе со спекуляцией, в том числе на колхозных рынках вводились милицейские посты. В Гиагинском районе Адыгейской автономной области в целях пресечения массовых скупок и перекупок сельхозпродуктов на рынках была запрещена оптовая скупка сельхозпродуктов с 6 до 8 утра, а также продажа и покупка сельхозпродуктов на улицах и площадях. Для разрешения торговли было необходимо получить и оплатить в сельсоветах соответствующую квитанцию. Виновные в нарушении этого порядка подвергались штрафу до 100 руб. и исправительным работам до одного месяца в административном

порядке [11, л. 37]. Виновные в крупной спекуляции подлежали уголовному наказанию. Несмотря на принятие столь жестких мер, спекуляция продолжалась, и часть жителей Северного Кавказа использовали этот источник приобретения продуктов питания.

В условиях тяжелого продовольственного положения население принимало активное участие в сборе дикорастущих трав, ягод, плодов и грибов. Партийно-государственные органы стремились придать этому движению организованный характер, вовлекая население в деятельность различных заготовительных и торговых предприятий. Например, в Адыгее, Сочинском и Геленджикском районах «Торгплодоовощтрест» провел в августе 1941 г. массовые заготовки дикорастущих фруктов и ягод, собрав 5 тыс. ц этой продукции [1].

В дальнейшем масштабы этой работы постоянно расширялись, что объяснялось стремлением руководства страны и отдельных регионов к максимальному использованию природных ресурсов в целях увеличения продовольственного обеспечения и витаминизации населения. В 1942 г. по СССР было заготовлено 30 тыс. т дикорастущих плодов и ягод, в 1943 г. – 41 тыс. т, не считая собранных десятков тысяч тонн дикорастущей зелени [19, с. 141].

Участвующие в заготовках граждане получали до 20 % собранной продукции, а остальная часть оплачивалась по заготовительным ценам. Помимо этого, население самостоятельно стремилось использовать местные природные ресурсы, собирая дикорастущие травы, ягоды и плоды, а также занимаясь рыбной ловлей. Все это позволяло улучшить домашний рацион питания.

Таким образом, дополнительные источники продуктов питания сыграли важную роль при решении продовольственной проблемы в годы Великой Отечественной войны. Широкое использование продукции подсобных хозяйств предприятий и учреждений, приусадебных участков колхозников и огородов, других разновидностей источников питания, способствовало улучшению продовольственного обеспечения населения Северного Кавказа, что являлось необходимым условием эффективной деятельности советского тыла.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Большевик. – 1941. – 23 августа. – Текст : непосредственный.
2. Великая Отечественная война. 1941–1945 : военно-исторические очерки. В 4 книгах. Книга 4: Народ и война / главный редактор В. А. Пронько. – М. : Наука, 1999. – 366 с. – Текст : непосредственный.
3. Государственный архив Краснодарского края. – Ф. Р-687. – Оп. 1. – Д. 36. – Текст : непосредственный.
4. Государственный архив Краснодарского края. – Ф. Р-1457. – Оп. 1. – Д. 178. – Текст : непосредственный.
5. Государственный архив Краснодарского края. – Ф. Р-1669. – Оп. 1. – Д. 10. – Текст : непосредственный.
6. Государственный архив Ростовской области. – Ф. Р-4122. – Оп. 1. – Д. 3. – Текст : непосредственный.

7. Ибрапов, А. А. Северный Кавказ в огне Великой Отечественной. Годы выживания и борьбы / А. А. Ибрапов. – М. : АНО ЦЭМИ, Архонт, 2022. – 393 с. – Текст : непосредственный.
8. Любимов, А. В. Торговля и снабжение в годы Великой Отечественной войны / А. В. Любимов. – М. : Наука, 1969. – 231 с. – Текст : непосредственный.
9. Молот. – 1941. – 7 сентября. – Текст : непосредственный.
10. Молот. – 1941. – 23 сентября. – Текст : непосредственный.
11. Национальный архив Республики Адыгея. – Ф. Р-1092. – Оп. 1. – Д. 1. – Текст : непосредственный.
12. О выделении земель для подсобных хозяйств и под огороды рабочих и служащих: постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 7 апреля 1942 г. – Текст : непосредственный // Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам : сборник документов. В 5 томах. Том 3: 1941–1952 гг. – М. : Политиздат, 1968. – 751 с.
13. Об организации подсобных хозяйств огородно-овощного и животноводческого направления на предприятиях в городах и сельской местности: постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 7 сентября 1940 г. // Собрание постановлений и распоряжений правительства Союза Советских Социалистических республик. – 1940. – № 23. – С. 802–803. – Текст : непосредственный.
14. Панарина, Е. В. Социальная политика советского государства и военная повседневность населения Северного Кавказа в 1941–1945 гг. / Е. В. Панарина. – Армавир : РИО АГПУ, 2017. – 380 с. – Текст : непосредственный.
15. Российский государственный архив социально-политической истории. – Ф. 17. – Оп. 43. – Д. 972. – Текст : непосредственный.
16. Российский государственный архив социально-политической истории. – Ф. 17. – Оп. 43. – Д. 983. – Текст : непосредственный.
17. Синицын, А. М. Всенародная помощь фронту / А. М. Синицын. – 2-е изд. – М. : Военное издательство, 1985. – 319 с. – Текст : непосредственный.
18. Советские профсоюзы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. : сборник воспоминаний. – М. : Профиздат, 1975. – 239 с. – Текст : непосредственный.
19. Тряхов, И. С. Децентрализованные заготовки в годы Великой Отечественной войны и их значение в жизни населения Владимирской и Ивановской областей / И. С. Тряхов. – Текст : непосредственный // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2023. – Выпуск 3. – С. 138–152.
20. Центр документации новейшей истории Ростовской области. – Ф. 9. – Оп. 1. – Д. 536. – Текст : непосредственный.
21. Эфендиева, Д. А. Роль огородничества и рыбных промыслов в продовольственном обеспечении населения Дагестана в годы Великой Отечественной войны / Д. А. Эфендиева. – Текст : непосредственный // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Общественные и гуманитарные науки. – 2019. – Том 13. – № 2. – С. 28–33.

REFERENCES

1. *Bol'shevik* [Bolshevik], 1941, August 23. (In Russian).
2. *Velikaya Otechestvennaya vojna. 1941–1945: voenno-istoricheskie ocherki. Kniga 4: Narod i vojna* [The Great Patriotic War. 1941–1945: military-historical essays. Book 4: The People and the War]. M., Nauka, 1999. 366 p. (In Russian).

3. *Gosudarstvennyj arhiv Krasnodarskogo kraja* [State Archives of Krasnodar Krai], F. R-687, Op. 1, D. 36. (In Russian).
4. *Gosudarstvennyj arhiv Krasnodarskogo kraja* [State Archives of Krasnodar Krai], F. R-1457, Op. 1, D. 178. (In Russian).
5. *Gosudarstvennyj arhiv Krasnodarskogo kraja* [State Archives of Krasnodar Krai], F. R-1669, Op. 1, D. 10. (In Russian).
6. *Gosudarstvennyj arhiv Rostovskoj oblasti* [Rostov Region State Archives], F. R-4122, Op. 1, D. 3. (In Russian).
7. Israpov A. A. *Severnyj Kavkaz v ogne Velikoj Otechestvennoj. Gody vyzhivaniya i bor'by* [The North Caucasus in the fire of the Great Patriotic War. Years of survival and struggle]. M., ANO CEMI, Arhont, 2022. 393 p. (In Russian).
8. Lyubimov A. V. *Torgovlya i snabzhenie v gody Velikoj Otechestvennoj vojny* [Trade and supply during the Great Patriotic War]. M., Nauka, 1969. 231 p. (In Russian).
9. *Molot* [Molot], 1941, September 7. (In Russian).
10. *Molot* [Molot], 1941, September 23. (In Russian).
11. *Nacional'nyj arhiv Respubliki Adygeya* [National Archives of the Republic of Adygea], F. R-1092, Op. 1, D. 1. (In Russian).
12. On the allocation of land for subsidiary farms and for vegetable gardens of workers and employees: resolution of the Council of People's Commissars of the USSR and the Central Committee of the CPSU (b) of April 7, 1942. *Resheniya partii i pravitel'stva po hozyajstvennym voprosam = Decisions of the Party and Government on Economic Issues*, vol. 3: 1941–1952. M., Politizdat, 1968. 751 p. (In Russian).
13. On the organization of subsidiary farms of vegetable and vegetable and livestock production at enterprises in cities and rural areas: resolution of the Council of People's Commissars of the USSR and the Central Committee of the CPSU (b) of September 7, 1940. *Sobranie postanovlenij i rasporyazhenij pravitel'stva Soyuza Sovetskikh Socialisticheskikh respublik = Collection of Resolutions and Orders of the Government of the Union of Soviet Socialist Republics*, 1940, no. 23, pp. 802–803. (In Russian).
14. Panarina E. V. *Social'naya politika sovetskogo gosudarstva i voennaya povsednevnost' naseleniya Severnogo Kavkaza v 1941–1945 gg.* [Social policy of the Soviet state and military daily life of the population of the North Caucasus in 1941–1945]. Armavir, RIO AGPU, 2017. 380 p. (In Russian).
15. *Rossijskij gosudarstvennyj arhiv social'no-politicheskoj istorii* [Russian State Archive of Social and Political History], F. 17, Op. 43, D. 972. (In Russian).
16. *Rossijskij gosudarstvennyj arhiv social'no-politicheskoj istorii* [Russian State Archive of Social and Political History], F. 17, Op. 43, D. 983. (In Russian).
17. Sinicyn A. M. *Vsenarodnaya pomoshch' frontu* [National assistance to the front]. M., Military Publishing House, 1985. 319 p. (In Russian).
18. *Sovetskie profsoyuzy v Velikoj Otechestvennoj vojne 1941–1945 gg.: sbornik vospominanij* [Soviet trade unions in the Great Patriotic War of 1941–1945: a collection of memoirs]. M., Profizdat, 1975. 239 p. (In Russian).
19. Tryahov I. S. Decentralized billets during the Great Patriotic War and their importance in the life of the population of the Vladimir and Ivanovo regions. *Vestnik Ivanovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki = Bulletin of Ivanovo State University. Series: Humanities*, 2023, iss. 3, pp. 138–152. (In Russian).

20. *Centr dokumentacii novejshej istorii Rostovskoj oblasti* [Center for Documentation of the Recent History of the Rostov Region], F. 9, Op. 1, D. 536. (In Russian).

21. Efendieva D. A. The role of horticulture and fisheries in the food supply of the population of Dagestan during the Great Patriotic War. *Izvestiya Dagestanskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Obshchestvennye i gumanitarnye nauki = Bulletin of the Dagestan State Pedagogical University. Social and Humanitarian Sciences*, 2019, vol. 13, no. 2, pp. 28–33. (In Russian).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Панарин, А. А. Использование дополнительных источников продуктов питания на Северном Кавказе в годы Великой Отечественной войны / А. А. Панарин, Е. В. Панарина. – Текст : непосредственный // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. – 2024. – № 4. – С. 156–165.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Panarin A. A., Panarina E. V. The Use of Additional Food Sources in the North Caucasus During the Great Patriotic War / A. A. Panarin, E. V. Panarina // The Bulletin of Armavir State Pedagogical University, 2024, no. 3, pp. 156–165. (In Russian).

УДК 93/94

**СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ СОВЕТСКОЙ СИСТЕМЫ
СОЦИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ
И ЕЕ РАЗВИТИЕ В КРАСНОДАРСКОМ КРАЕ
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1950-х – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1960-х ГГ.**

Н.М. Пахлян

**IMPROVEMENT OF THE SOVIET SOCIAL SECURITY SYSTEM
AND ITS DEVELOPMENT IN THE KRASNODAR TERRITORY
IN THE SECOND HALF OF THE 1950s – THE FIRST HALF OF THE 1960s**

N.M. Pakhlian

Аннотация. В статье рассматриваются процессы, происходящие в советской системе социального обеспечения во второй половине 1950-х – первой половине 1960-х гг. Определяются основные факторы, влияющие на развитие социального обеспечения в данный период, связанные с увеличением выделяемых средств и курсом руководства КПСС на коммунистическое строительство. Анализируются характер управления и структура системы социального обеспечения в стране и в Краснодарском крае. Приводятся сведения о деятельности органов и учреждений социального обеспечения на территории Краснодарского края. Делаются выводы о монопольном положении советского государства в сфере социального обеспечения и достигнутом всеобщем характере оказания социальной помощи нуждавшимся в ней категориям населения.

Abstract. The article examines the processes taking place in the Soviet social security system in the second half of the 1950s – the first half of the 1960s. The main factors influencing the development of social security in this period are determined, related to the increase in allocated funds and the course of the CPSU leadership towards communist construction. The nature of management and the structure of the social security system in the country and in the Krasnodar Territory are analyzed. Information is provided on the activities of social security agencies and institutions in the Krasnodar Territory. Conclusions are drawn about the monopoly position of the Soviet state in the field of social security and the achieved universal nature of providing social assistance to categories of the population in need.

Ключевые слова: советская система социального обеспечения, КПСС, советское государство, органы и учреждения социального обеспечения, Краснодарский край.

Keywords: the Soviet social security system, the CPSU, the Soviet state, social security agencies and institutions, Krasnodar Territory.

Зародившись сразу после установления советской власти, советская система социального обеспечения прошла сложный путь эволюции. Во второй половине 1930-х гг. стал происходить переход от классовых принципов социальной политики советского государства к принципам всеобщего государственного обеспечения населения страны. Однако на деле реализации этих принципов не произошло, ввиду объективных трудностей, связанных с Великой Отечественной войной и ее последствиями, стремлением партийного

руководства к укреплению в первую очередь экономического и оборонного потенциала страны. С середины 1950-х гг. в СССР стали складываться новые исторические условия, в которых развивалась система социального обеспечения населения. Определяющую роль в этом процессе играли два взаимосвязанных между собой фактора.

Во-первых, по мере восстановления экономики у советского государства появилась возможность направлять в социальную сферу гораздо большие, чем прежде, средства. Как отмечалось в резолюции состоявшегося в феврале 1956 г. XX съезда КПСС, «рост промышленного и сельскохозяйственного производства создал реальные возможности для неуклонного повышения материального благосостояния и культурного уровня советского народа» [10, с. 19]. Это непосредственно коснулось и вопросов социального обеспечения, решение которых стало происходить путем увеличения государственного финансирования.

Основным источником финансирования системы социального обеспечения в СССР являлись общественные фонды потребления, формируемые за счет части национального дохода. Темпы роста общественных фондов потребления после окончания войны постоянно возрастали, что способствовало реализации различных социальных программ, включавших развитие бесплатного медицинского обслуживания советских граждан и народного образования. Кроме того, происходило увеличение средств, выделяемых на оказание помощи нуждающимся категориям населения. Если в 1940 г. общественные фонды потребления составляли 4,6 млрд руб., то в 1960 г. – 24,5 млрд руб. [11, с. 70]. Около 40 % средств из общественных фондов потребления направлялось в сферу социального обеспечения населения.

Вторым фактором, оказавшим влияние на развитие системы социального обеспечения во второй половине 1950-х гг. и в последующие годы являлся курс руководства КПСС на коммунистическое строительство. Этот амбициозный проект предусматривал формирование общества, в котором вследствие развития производительных сил должны были быть в полной мере удовлетворены все жизненные потребности его членов. Кроме того, гуманистические принципы коммунистического общества предполагали оказание всемерной заботы о всех, кто в ней нуждался.

С целью соответствия этим критериям руководство КПСС в процессе строительства коммунизма стремилось повысить уровень благосостояния советских граждан и расширить возможности социального обеспечения населения. 14 июля 1956 г. Верховным Советом СССР был принят Закон о государственных пенсиях, который фактически открыл новый этап в развитии советской системы социального обеспечения. По этому закону был значительно расширен круг лиц, имеющих право на получение государственной пенсии, что стало реальным шагом к всеобщему пенсионному обеспечению в стране [6].

Провозглашение коммунистических принципов жизни советского общества, в том числе в сфере социального обеспечения, произошло на состоявшемся в 1961 г. XXII съезде КПСС. В принятой на съезде Третьей Программе КПСС,

названной программой построения коммунистического общества, отмечалась необходимость «обеспечить непрерывный прогресс общества, предоставить каждому члену общества материальные и культурные блага по его растущим потребностям, индивидуальным запросам и вкусам...» [9, с. 126].

С учетом реализации одной из задач коммунистического строительства, предусматривающей неуклонное сближения города и деревни, на съезде было решено принять меры к повышению уровня жизни колхозников и предоставлению последним схожих с рабочим классом возможностей удовлетворения своих потребностей и получения социальной помощи. В частности, было заявлено, что «оплата труда колхозников станет такой, как и в общенародных предприятиях, они будут пользоваться всеми видами социального обеспечения (пенсии, отпуска и т. д.) за счет колхозных и государственных средств» [9, с. 143].

Процесс сближения уровней социального обеспечения колхозников с рабочими и служащими нашел воплощение в принятом в 1964 г. Законе «О пенсиях и пособиях членам колхозов», по которому колхозники получали гарантированное право на пенсионное обеспечение. Этот Закон завершил процесс перехода в стране к всеобщему государственному пенсионному обеспечению и сыграл важную роль в совершенствовании системы социального обеспечения [7].

Как справедливо отмечают Е.Р. Ярская-Смирнова, П.В. Романов и Н.Б. Лебина, «законодательство 1956 и 1964 годов модернизировало систему социального обеспечения и сделало ее одной из самых доступных в мире. Были увеличены размеры пособий, они теперь в меньшей степени сопрягались со статусом занятости; кроме того, были введены гарантии для низкооплачиваемых работников» [13, с. 18].

Одновременно происходило расширение функций органов социального обеспечения. 30 января 1961 г. Совет Министров РСФСР утвердил новое положение о Министерстве социального обеспечения РСФСР, в соответствии с которым в его полномочия вошли руководство назначением и выплатой пенсий и пособий, организация врачебно-трудовой экспертизы, осуществление мер по трудовому устройству и профессиональному обучению инвалидов, материально-бытовое обслуживание пенсионеров, а также многодетных и одиноких матерей, организация протезно-ортопедической помощи населению, материально-бытовое обслуживание граждан, находящихся в домах для престарелых и инвалидов, общее руководство деятельностью Всероссийского общества слепых, Всероссийского общества глухих, общественной взаимопомощи колхозов, касс взаимопомощи пенсионеров. В постановлении были подробно изложены меры Министерства социального обеспечения для реализации данных полномочий [8].

Структура системы социального обеспечения имела ясно выраженный централизованный характер, с устоявшимися принципами подчиненности нижестоящих органов вышестоящим. На территории интересующего нас региона руководство деятельностью органов и учреждений социального обеспечения

осуществлял отдел социального обеспечения при исполкоме Краснодарского краевого Совета депутатов трудящихся (крайсобес). Заведующим крайсобе́са с 1957 по 1961 г. являлся Кривенко Леонид Михайлович [12].

В 1956 г. в отделе работало 43 человека. На местном уровне действовало 63 отдела социального обеспечения при городских и районных Советах депутатов трудящихся (горсобе́сы и райсобе́сы). В зависимости от количества обслуживаемого контингента численность их работников была различной. Так, в Туапсинском, Спокойненском, Щербиновском и Ярославском райсобе́се было по 7 работников, в то же время в Тихорецком и Лабинском райсобе́се по 20, а в Кагановичском райсобе́се г. Краснодара – 29 работников [4, л. 1–3].

К действующим учреждениям социального обеспечения на территории Краснодарского края относились профшкола-интернат в г. Армавире, дома инвалидов в городах Армавире, Новороссийске, Майкопе, Темрюке, станицах Чамлык, Ново-Малороссийская, Красно-Лабинская, Архангельская и Константиновская, Ейский детский дом-интернат и Медведовский дом-интернат. Штат их работников также различался в зависимости от количества обслуживаемого контингента. Так, в Медведовском доме-интернате работало 15 человек, а в Ейском детском доме-интернате 78 человек, Майкопском доме инвалидов 68 человек [4, л. 3].

В систему социального обеспечения Краснодарского края входило 37 врачебно-трудовых экспертных комиссий, из них 23 в городской и 14 в сельской местности. В них на штатной основе работало от одного до 6 работников, причем в сельской местности только по одному работнику [4, л. 4–5]. Производственное направление в системе социального обеспечения края было представлено 9 подсобными сельскими хозяйствами, которые действовали при домах инвалидов в городах Армавире, Майкопе, Темрюке, станицах Чамлык, Ново-Малороссийской, Красно-Лабинской и Константиновской, Медведовском доме-интернате и Ейском детском доме. Там на штатной основе работало от 2 человек в Чамлыкском доме инвалидов до 69 в Майкопском доме инвалидов. Производственные мастерские действовали при Армавирской профшколе-интернате, Майкопском и Армавирском домах-инвалидов, где соответственно работало 85, 7 и 4 человека [4, л. 5].

Кроме того, на территории края действовало 25 касс взаимопомощи пенсионеров, из них 13 в городах и 12 в сельской местности. На штатной основе там работало от одного до 9 человек. Всего в системе социального обеспечения Краснодарского края в 1956 г. работало 1 707 человек, из них 796 в городской и 911 в сельской местности [4, л. 6].

Качественный состав работников к середине 1950-х гг. заметно улучшился, чему способствовал их более строгий отбор со стороны местных органов власти и руководства собесов. В качестве примера можно привести Тихорецкий райсобе́с, который по итогам работы за 1955 г. занял первое место среди райгорсобе́сов Краснодарского края. До 1953 г. он считался одним из отстающих, где были грубейшие нарушения пенсионного законодательства, хищения государственных средств путем подлога документов,

отсутствие трудовой дисциплины. После того, как заведующим отделом был назначен Тимофей Устинович Кукин, эти недостатки были устранены и коллектив стал работать слаженно. Под его воздействием не внушающие доверие работники были заменены, а большинство остальных прошло подготовку на трехмесячных курсах Министерства социального обеспечения в Ленинграде и месячных курсах при крайсобесе. Непосредственно в райсобесе проводилась работа по повышению профессионального и общекультурного уровня работников. За 1955 г. в отделе было проведено 47 занятий по минимуму, 17 совещаний, 48 политинформаций, 24 лекций и бесед [2, л. 27].

В своей повседневной работе органы социального обеспечения осуществляли взаимодействие с постоянно действующими комиссиями по социальному обеспечению при райгорисполкомах. Например, при Кагановичском райисполкоме г. Краснодара такая комиссия состояла из 17 человек. Председателем комиссии была депутат инженер-полковник в отставке Каменнова Леонилла Георгиевна. За первое полугодие 1956 г. комиссия провела 10 заседаний в соответствии с утвержденным планом работы. В своей практической деятельности комиссия уделяла основное внимание проверке предприятий по вопросам трудоустройства, условий труда и улучшения материально-бытового положения пенсионеров, оказанию помощи действующей при райсобесе кассе взаимопомощи пенсионеров [3, л. 1–2].

В свою очередь со стороны Краснодарского крайисполкома осуществлялся контроль за деятельностью райгорисполкомов, в том числе по вопросам организации социального обеспечения и выполнения поставленных в этой сфере задач. Например, в мае 1959 г. крайисполком принял постановление по вопросу: «О ходе выполнения Ейским горисполкомом решения крайисполкома от 11 июня 1958 г. „О состоянии и мерах улучшения социального обеспечения трудящихся края“», в котором были отражены результаты проверки комиссии крайисполкома и определены меры по совершенствованию работы Ейского горисполкома в сфере социального обеспечения [5, л. 36–37].

Повышение организационного уровня деятельности органов и учреждений социального обеспечения Краснодарского края способствовало выполнению большинства плановых показателей оказания помощи нуждающимся категориям населения. Наряду с этим в организации работы органов социального обеспечения оставалось немало недостатков, которые оказывали отрицательное влияние на качество предоставляемых услуг. К ним относились несвоевременное оформление документов по назначению пенсий и пособий, а также допускаемые в этих случаях ошибки, невыполнение в соответствии с требованиями своих должностных обязанностей и культуры обслуживания посетителей со стороны ряда работников органов и учреждений социального обеспечения, злоупотребления служебным положением и другие.

К середине 1960-х гг. стали происходить определенные улучшения в организации работы системы социального обеспечения. Выполнению поставленных перед ней задач способствовало увеличение предназначенных для этого государственных средств. Так, в 1966 г. ассигнования по социальному

обеспечению и социальному страхованию в СССР составили около 15 млрд руб., при этом в РСФСР – 7 млрд руб., что было в три с лишним раза больше, чем в 1965 г. [1, л. 1].

В Краснодарском крае сумма средств на выплату пенсий и пособий, на содержание домов-интернатов, протезирование, на санаторно-курортное лечение инвалидов и единовременную помощь составила в 1966 г. 204 млн руб., что было в пять раз больше, чем в 1955 г. Социальную помощь от государства на Кубани получало 690 тыс. человек, причем в 1966 г. было вновь назначено государственных пенсий 39,2 тыс. человек, колхозных пенсий – 20,7 тыс. человек [1, л. 2].

Несмотря на увеличение контингента обслуживаемого населения, органы и учреждения социального обеспечения в основном справлялись с возложенными на них обязанностями. Многие из работников органов социального обеспечения демонстрировали ответственное отношение к делу. В 1966 г. 56 из них были награждены грамотами различного уровня, при этом пять работников получили грамоты Президиума Верховного Совета РСФСР. Среди них заведующий Ленинградского райсобеса Антоненко Иван Васильевич, старший инспектор Ейского райсобеса Дрожжина Мария Андреевна, старший бухгалтер Павловского райсобеса Ровная Таисия Ивановна, председатель краевой ВТЭК Ковалева Людмила Ивановна [1, л. 33]. Благодаря их работе, нуждающиеся в поддержке граждане получали различные виды социальной помощи, повышая уровень своего благосостояния.

Таким образом, во второй половине 1950-х – первой половине 1980-х гг. сохранилась характерная для советской системы социального обеспечения черта, связанная с монопольной ролью государства в данной сфере. Она проявлялась в централизованном управлении и контроле партийно-государственных структур власти за деятельностью органов и учреждений социального обеспечения, государственном финансировании реализуемых социальных программ.

Вместе с тем отличительными чертами данного периода стал всеобщий характер социального обеспечения, охватившего практически все категории населения, нуждавшихся в оказании социальной помощи, а также стремление советского государства к выравниванию уровней социального обеспечения сельских и городских жителей. Несмотря на существующие недостатки, советская система социального обеспечения в целом показала свою эффективность в решении проблем жизнеобеспечения значительной части населения страны и ее отдельных регионов.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Государственный архив Краснодарского края. – Ф. Р-687. – Оп. 3. – Д. 1865. – Текст : непосредственный.
2. Государственный архив Краснодарского края. – Ф. Р-1631. – Оп. 1. – Д. 280. – Текст : непосредственный.
3. Государственный архив Краснодарского края. – Ф. Р-1631. – Оп. 1. – Д. 318. – Текст : непосредственный.

4. Государственный архив Краснодарского края. – Ф. Р-1631. – Оп. 1. – Д. 319. – Текст : непосредственный.
5. Государственный архив Краснодарского края. – Ф. Р-1631. – Оп. 1. – Д. 429. – Текст : непосредственный.
6. О государственных пенсиях: Закон СССР от 14 июля 1956 г. – URL: <https://base.garant.ru/55170803/> (дата обращения: 21.09.2024). – Текст : электронный.
7. О пенсиях и пособиях членам колхозов: Закон СССР от 15 июля 1964 г. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=17963> (дата обращения: 01.10.2024). – Текст : электронный.
8. Положение о Министерстве социального обеспечения РСФСР: утверждено постановлением Совета Министров РСФСР от 30 января 1961 г. – URL: https://e-ecolog.ru/docs/VXDfOYNYQT_NubStgR3Ez (дата обращения: 11.09.2024). – Текст : электронный.
9. Программа Коммунистической партии Советского Союза: принята на XXII съезде КПСС (17–31 октября 1961 г.). – Текст : непосредственный // Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и Пленумов ЦК (1898–1988). В 16 томах. Том. 10: 1961–1965 / под общей редакцией А. Г. Егорова, К. М. Боголюбова. – 9-е изд., доп. и испр. – М. : Издательство политической литературы, 1986. – С. 81–203.
10. Резолюция XX съезда КПСС по отчетному докладу ЦК КПСС (14–25 февраля 1956 г.). – Текст : непосредственный // Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и Пленумов ЦК (1898–1988). В 16 томах. Том. 9: 1956–1960 / под общей редакцией А. Г. Егорова, К. М. Боголюбова. – 9-е изд., доп. и испр. – М. : Издательство политической литературы, 1986. – С. 8–26.
11. Резолюция XXII съезда КПСС по отчету ЦК КПСС (17–31 октября 1961 г.). – Текст : непосредственный // Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и Пленумов ЦК (1898–1988). В 16 томах. Том. 10: 1961–1965 / под общей редакцией А. Г. Егорова, К. М. Боголюбова. – 9-е изд., доп. и испр. – М. : Издательство политической литературы, 1986. – С. 60–81.
12. Страницы истории социальной защиты населения Краснодарского края. – URL: <https://sznkuban.ru/press-tsentr/istoriya-otrasli/stranitsy-istorii-sotsialnoy-zashchity-naseleniya-krasnodarskogo-kraya/> (дата обращения: 29.09.2024).
13. Ярская-Смирнова, Е. Р. Советская социальная политика и повседневность, 1940–1985 / Е. Р. Ярская-Смирнова, П. В. Романов, Н. Б. Лебина. – Текст : непосредственный // Советская социальная политика: сцены и действующие лица, 1940–1985 / под редакцией Е. Р. Ярской-Смирновой, П. В. Романова. – М. : Вариант, ЦГСПГИ, 2008. – С. 21–67.

REFERENCES

1. *Gosudarstvennyj arhiv Krasnodarskogo kraja* [State Archives of the Krasnodar Territory]. F. R-687, Op. 3, D. 1865. (In Russian).
2. *Gosudarstvennyj arhiv Krasnodarskogo kraja* [State Archives of the Krasnodar Territory]. F. R-1631, Op. 1, D. 280. (In Russian).
3. *Gosudarstvennyj arhiv Krasnodarskogo kraja* [State Archives of the Krasnodar Territory]. F. R-1631, Op. 1, D. 318. (In Russian).
4. *Gosudarstvennyj arhiv Krasnodarskogo kraja* [State Archives of the Krasnodar Territory]. F. R-1631, Op. 1, D. 319. (In Russian).
5. *Gosudarstvennyj arhiv Krasnodarskogo kraja* [State Archives of the Krasnodar Territory]. F. R-1631, Op. 1, D. 429. (In Russian).

6. *O gosudarstvennyh pensiyah: Zakon SSSR ot 14 iyulya 1956 g.* [On state pensions: The Law of the USSR of July 14, 1956]. URL: <https://base.garant.ru/55170803/>. (In Russian).

7. *O pensiyah i posobiyah chlenam kolhozov: Zakon SSSR ot 15 iyulya 1964 g.* [On pensions and benefits to members of collective farms: The Law of the USSR of July 15, 1964]. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=17963>. (In Russian).

8. *Polozhenie o Ministerstve social'nogo obespecheniya RSFSR: utverzhdeno postanovleniem Soveta Ministrov RSFSR ot 30 yanvarya 1961 g.* [Regulations on the Ministry of Social Security of the RSFSR: approved by the resolution of the Council of Ministers of the RSFSR of January 30, 1961]. URL: https://e-ecolog.ru/docs/VXDfOYNyQT_NubStgR3Ez. (In Russian).

9. The program of the Communist Party of the Soviet Union: adopted at the XXII Congress of the CPSU (October 17–31, 1961). *Kommunisticheskaya partiya Sovetskogo Soyuz v rezolyuciyah i resheniyah s"ezdov, konferencij i Plenumov CK (1898–1988) = The Communist Party of the Soviet Union in resolutions and decisions of congresses, conferences and Plenums of the Central Committee (1898–1988)*, vol. 10: 1961–1965. M., Publishing House of Political Literature, 1986, pp. 81–203. (In Russian).

10. Resolution of the XX Congress of the CPSU on the report of the Central Committee of the CPSU (February 14–25, 1956). *Kommunisticheskaya partiya Sovetskogo Soyuz v rezolyuciyah i resheniyah s"ezdov, konferencij i Plenumov CK (1898–1988) = The Communist Party of the Soviet Union in resolutions and decisions of congresses, conferences and Plenums of the Central Committee (1898–1988)*, vol. 9: 1956–1960. M., Publishing House of Political Literature, 1986, pp.8–26. (In Russian).

11. Resolution of the XXII Congress of the CPSU on the report of the Central Committee of the CPSU (October 17–31, 1961). *Kommunisticheskaya partiya Sovetskogo Soyuz v rezolyuciyah i resheniyah s"ezdov, konferencij i Plenumov CK (1898–1988) = The Communist Party of the Soviet Union in resolutions and decisions of congresses, conferences and Plenums of the Central Committee (1898–1988)*, vol. 10: 1961–1965. M., Publishing House of Political Literature, 1986, pp. 60–81. (In Russian).

12. *Stranicy istorii social'noj zashchity naseleniya Krasnodarskogo kraja* [Pages of the history of social protection of the population of the Krasnodar Territory]. URL: <https://sznkuban.ru/press-tsentr/istoriya-otrasli/stranitsy-istorii-sotsialnoy-zashchity-naseleniya-krasnodarskogo-kraja/>. (In Russian).

13. Yarskaya-Smirnova E. R., Romanov P. V., Lebina N. B. Soviet social policy and everyday life, 1940–1985. *Sovetskaya social'naya politika: sceny i dejstvuyushchie lica, 1940–1985 = Soviet Social Policy: scenes and actors 1940–1985*. M., Variant, CGSPGI, 2008, pp. 21–67. (In Russian).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Пахлян, Н. М. Совершенствование советской системы социального обеспечения и ее развитие в Краснодарском крае во второй половине 1950-х – первой половине 1960-х гг. / Н. М. Пахлян. – Текст : непосредственный // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. – 2024. – № 4. – С. 166–173.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Pakhlian N. M. Improvement of the Soviet Social Security System and Its Development in the Krasnodar Territory in the Second Half of the 1950s – the First Half of the 1960s / N. M. Pakhlian // The Bulletin of Armavir State Pedagogical University, 2024, no. 3, pp. 166–173. (In Russian).

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ
PHILOSOPHICAL SCIENCES

УДК 1:122:316.422

**ПОСЛЕДСТВИЯ ПРОЦЕССОВ ЦИФРОВИЗАЦИИ
ПРОСТРАНСТВА СОВРЕМЕННОЙ СОЦИАЛЬНОСТИ**

О.А. Бакланова, И.С. Бакланов, О.В. Пчелина

**CONSEQUENCES OF DIGITALIZATION PROCESSES
OF THE SPACE OF MODERN SOCIALITY**

O.A. Baklanova, I.S. Baklanov, O.V. Pchelina

Аннотация. Внимание ученых при исследовании информационного (цифрового) общества привлекает вопрос о технологизации общества и социальных практик в аспекте их социальных последствий для состояния социальности, трансформаций культуры и жизненного мира индивидов. Технологизация общества изменяет процессы коммуникации и влияет на функционирование всех элементов общества. Технологизация общества рассматривается как процесс перехода от традиционного общества к обществу индустриальному и в дальнейшем – к постиндустриальному, что связано с формированием и конституированием в обществе существенно обновленных или принципиально новых социальных институтов. Существенные последствия технологизации и цифровизации общества заключаются в том, что резко возрастает число социальных рисков. Техногенная цивилизация ломает социальные традиции и оказывает ряд как позитивных, так и негативных последствий на культуру и человека.

Abstract. When studying the information (digital) society, scientists pay attention to the issue of technologization of society and social practices in terms of their social consequences for the state of sociality, transformations of culture and the life world of individuals. Technologization of society changes communication processes and affects the functioning of all elements of society. Technologization of society is considered as a process of transition from a traditional society to an industrial society and then to a post-industrial one, which is associated with the formation and constitution of significantly updated or fundamentally new social institutions in society. Significant consequences of technologization of society are that the number of social risks increases sharply. Technogenic civilization breaks social traditions and has a number of both positive and negative consequences for culture and man.

Ключевые слова: технологизация, технология, коммуникация, социальные риски, образование, техногенная цивилизация.

Keywords: technologization, technology, communication, social risks, education, technogenic civilization.

Социально-философское рассмотрение техники и технологии актуально по ряду причин. В частности, перед современным человечеством стоит проблема минимизации негативных социальных последствий, которые неизбежны в современном обществе. Это общество не случайно называют обществом риска.

Ключевым понятием в данном контексте является понятие технологии. По сравнению со сферой экономики и, прежде всего, непосредственно по сравнению со сферой материального производства, где понятие «технологии» долгое время использовалось в узком, сугубо практическом, инструментально-техническом контексте, в современном общественном сознании, а вслед за этим – в социально-гуманитарных науках – термин «технология» наполнился широким смыслом. «Технология – совокупность (система) правил, приемов, методов получения, обработки или переработки сырья, материалов, промежуточных продуктов, изделий, применяемых в промышленности. Технология, понимаемая в более широком смысле, связана не только с техникой, но и с цивилизационными завоеваниями» [5, с. 193; 7, с. 213], то есть социальными практиками и социальными технологиями. Терминологически понятие «технология» релевантно инструментальной значимости техники и последовательно отражает ее процессуальную и операциональную ориентацию, а также целенаправленность деятельности природы человека.

Известное изречение о том, что технологии меняют культуру, можно расширить и высказать мысль о том, что цифровые технологии противоречиво изменяют человека и мир, их взаимоотношение, выраженное в понятии социальности [8, с. 178–181]. В этом мы видим философский смысл темы и ставим задачу выявить позитивные и негативные последствия такого изменения.

Несомненно, одним из позитивных социальных последствий технологизации общества является его рационализация. Рациональная природа человеческой деятельности проявляется, прежде всего, в том, что целенаправленная активность субъекта всегда ориентирована на достижение конкретных результатов и выполнение определенных задач, а поэтому, с определенной долей вероятности, результат деятельности практически всегда можно предсказать и спрогнозировать, хотя при этом следует учитывать множество факторов.

И чем больше факторов будет учитываться в процессе разработки стратегии и выбора способов, путей и тактики осуществления деятельности, тем более правдоподобным будет прогноз результата деятельности, тем максимально будут минимизированы риски наступления негативных последствий деятельности и, наконец, тем с большей вероятностью разработанный и составленный прогноз будет воплощен в жизнь. Возрастание степени вмешательства в природу с помощью науки и техники дает возможность увеличивать общественное богатство, но одновременно возрастает риск экологических последствий. Рационализация позволяет просчитывать риски, как бы «калькулировать» их.

Разумеется, такой сложный социокультурный феномен как риск не может быть оценен только негативно. Позитивные стороны риска оцениваются каждый раз индивидуально, и часто постфактум, поскольку самое сложное – именно правильный и своевременный расчет риска. Однако если этот правильный расчет имеет место, риск может подарить субъекту уникальный шанс достигнуть цели с наименьшими затратами ресурсов и времени.

Риск помогает мобилизовать интеллект и внимание к своей деятельности, учит быстро реагировать на изменение ситуации и просчитывать благоприятный шанс. Если субъект не обладает необходимыми качествами, он оценивает риск как потенциальную или реальную угрозу своему благополучию. В случае же признания положительной характеристики явления риска, его определяют как свободу выбора человека. Существует понятие «приемлемого риска», риск, введенного для уровня риска, которого допустим и обоснован, исходя из общественной значимости. И такой риск, несомненно, должен быть оценен положительно.

У современного общества существуют альтернативные сценарии развития в связи с возникновением техногенного общества. Поскольку одним из главных социально-политических и экономических условий построения техногенного общества является возрастающая тенденция к «открытости» общества, его опоре на демократический режим в политической сфере, то в качестве альтернативных форм на современном этапе развития можно вести речь об «открытом обществе», смешанном обществе и закрытом обществе, временно сохранившем черты информационного. Причем, и открытое и абсолютно закрытое общество – это идеальные типы, к которым смешанное общество стремится более или менее. Ни один из типов не имеет гарантированных защит от рисков глобализации, и по какому пути идти – выбор каждой отдельной страны.

Рассмотрим важнейшие последствия, которые связаны с технологизацией общества. Одной из таких угроз является угроза технократизма. Безусловно, существует связь между развитием техногенной цивилизации и технократизмом. Технократизмом считается принцип понимания общественного развития, в соответствие с которым власть в обществе принадлежит технократам – людям и социальным слоям, которые являются носителями научно-технического прогресса, особенно высшим слоям технических специалистов [4]. Конечно, сам прогресс общества порождает такую иллюзию. В 1960–1970-е годы технократизм был положен в основу индустриалистских теорий, которые постулировали реальное воплощение его принципов в практике западного общества. В аксиологическом измерении можно отметить такие технократические концепции как известные концепции человека и культуры Абрахама Моля и Маршала Маклюэна [см., напр.: 6]. Например, идея социокультурных циклов Моля подчеркивает момент абсолютной независимости свободной эстетической информации по отношению к реальности и возможности ее конструирования.

Вторым важным, но уже позитивным последствием являются изменения социальной структуры общества. Изменение технической сферы повышает ценность техники и информации. Индустриальное общество основано на четкой вертикальной структуре, имеющей эффективно и легитимно управляющий «верх» и подчиняющийся, менее инициативный, но исполнительный «низ». Для общества, в котором основными ресурсами являются информация и социальный капитал, типичной становится сетевая организация, которая образует

каналы для беспрепятственной циркуляции информации и других ресурсов. Демократический режим в политической сфере наилучшим образом удовлетворяет данному условию, что, так или иначе, создает социальный запрос на демократию в политической сфере. Подобная же сетевая структура формируется не только в политике, но и в остальных сферах общества.

Третье последствие – противоречивое воздействие цифровизации на человека, культуру и общество. Остановимся на этом подробнее.

Существует реальная угроза личной свободе. Личностная свобода – это относительная автономия от общественного мнения, способность принимать решение и самостоятельно действовать. Но эта способность все больше атрофируется под влиянием потоков информации. Д. Миллер исследует виды коммуникации в цифровой среде и характеризует их в качестве «масштабируемой социальности» [12]. Проблема заключается в том, что цифровая социальность в большей мере использует людей, чем люди социальность.

Появились новые концепты «игроизация» и «лудомания», подчеркивающие угрозы отчуждения. Корпорации создают для своих потребителей не только товар, они активно формируют их ценности, воспитывают своих потребителей, определенным образом воздействуя на эмоциональные зоны людей, связанные с ценностями семьи, защитой детства, любви к животным, благосостоянием и благополучием семейного очага, социальной успешностью. Традиционные защитные оболочки личности не справляются с потоками информации и не защищают от проникновения современной информации.

Если сделать акцент на негативных последствиях технологизации и цифровизации общества, то надо отметить снижение качества информации при взрывном расширении ее объема. Это приводит к затруднению восприятия и хаотичной циркуляции информации на уровне человеческого сознания.

Кроме того, существует трудность различения «подлинной» и «мнимой» информации (мнимая создает имитационный информационный ресурс, который полагает внедейтельное, неактивное «потребительское» состояние индивида, а подлинная связана с целенаправленной человеческой деятельностью и является ее функцией).

Далее, к негативным последствиям цифровизации можно отнести коммерциализацию информации. Информацию надо скрыть, чтобы получить за нее доход. Наконец, негативные последствия информатизации испытывает на себе политическая сфера общества. Хаотизация информации на фоне ее кажущейся легкодоступности способствует появлению и распространению различных социальных мифов.

Духовная сфера общества также страдает от ускоряющейся цифровизации, потому что количественно прогрессирующая информационная лавина не способствует облегчению циркуляции достоверной надежной (научной) информации.

Четвертое последствие – возможность прогнозирования. Было бы несправедливо подчеркивать только негативные последствия. Отметим следующее

позитивное последствие: технологизация общества может способствовать более успешному и долговременному социальному прогнозированию. С ускорением процессов информатизации время социального прогнозирования может сокращаться, хотя на первый взгляд, это звучит парадоксально. Дело в том, что чем больше общество отказывается от традиций как от нормы жизни, тем более неопределенным становится будущее. С ростом свободы индивидов и групп, соответственно, возрастает альтернативность социального поведения, что укорачивает предвидимое будущее время. Возникает дополнительная асимметрия между прошлым и будущим: прошлое может быть как длинным, так и коротким, тогда как предвидимое будущее – всегда только коротким и неопределенным, гораздо менее гарантированным, чем когда-либо ранее. Гарантированность будущего снижается также возникающими рисками, которые общество еще не научилось контролировать. Социальные институты в открытом обществе также не существуют ни в совершенном, ни в законченном состоянии. Они всегда изменчивы и плюралистичны и объединяются только на основе общих ценностей.

Пятое последствие – это виртуализация общественной и культурной жизни. В данном случае непростой вопрос заключается в том, каков баланс негативных и позитивных последствий несет в себе виртуализация современной жизни. Виртуальная реальность как новое пространство, созданное техническими средствами – это противоречивый в ценностном отношении, но очень интересный феномен современного общества. В данный феномен уже вовлечена и экономическая сфера (виртуальные деньги, покупатели, товары, корпорации), политическая сфера (виртуальная демократия). Социальная сфера (виртуальное обучение) и пр. По-видимому, какая-то существенная часть человеческой жизни моделируется в виртуальном пространстве и переносится в новые формы функционирования. Человек удовлетворяет те же потребности, но другими способами: он так же играет, получает социальное одобрение, вступает в отношения, зарабатывает себе на жизнь, только происходит это в другом пространстве, созданном и поддерживаемом техническими средствами. Несмотря на то, что этот мир также часто негативизируется самыми разными авторами, хочется заметить, что сам по себе он не чужд человеческой природе, поскольку является не чем иным, как разверткой человеческого воображения. Он функционирует так, как работает наше сознание. Поэтому понять его закономерности можно, исследуя сознание, которое отчасти воссоздает себя, отчасти гиперкомпенсирует. И, разумеется, реальное погружение в этот мир требует специальной подготовки и соблюдения определенной «техники безопасности», игнорирование которой может привести к настоящему безумию и реальной потере себя. По крайней мере, большинство исследователей сходятся во мнении, что бесконтрольное пребывание детей с несформировавшейся психикой в виртуальной реальности – это занятие небезопасное и малопредсказуемое.

Ключевое место в процессе технологизации общества занимают наука и образование. Яркий пример инноваций в образовании – это дистанционное

обучение, внедрение интерактивных технологий, внедрение компьютеров и Интернета. Современная школа все еще базируется на довольно консервативных принципах образования и требует изменения и большего внимания к инновациям. Существуют педагоги-новаторы, с их бесценным и часто уникальным опытом обучения и воспитания, но проблема заключается в том, что этот опыт внедрить в повседневную жизнь школы не так просто. Главная идея – это активизация субъектности личности. В социальном и политическом контексте образование должно соответствовать задачам формирования современного технологического сознания. Главное в научно-техническом развитии – это умение общества и государства использовать человеческий потенциал, создаваемый в сфере образования. Инновационная личность в процессе модернизации, на наш взгляд, играет решающую роль. Инновационная личность, т. е. личность, обладающая инновационным потенциалом, это творческая личность. Такие характеристики как креативность, инновационность, инициативность, образованность и т. д. только частично выражают целостное содержание личности как свободного и творческого человека. Аналогично так называемым софт скилз, мягким умениям, можно вести речь о мягких инновациях, которые составляют суть человеческого капитала.

Можно отметить главную трудность – конфликт между социальной традицией и инновационным развитием общества. Конфликт возможен в том случае, когда социально-экономические и другие противоречия не разрешаются своевременно, они блокируются, а потом либо разрешаются насильственно, либо ведут к стагнации, застою. Таким образом, конфликт, на наш взгляд не только возможен, но и реально существует, но не в силу самой природы традиции или инновации, а по причине того, что возникает перекос в их соотношении и взаимосвязи. Выбор между традицией и инновации – это ложная дилемма. Действительно, риски инновационного развития существуют. Технологические, научные и социально-экономические достижения современной цивилизации предоставляют возможности для обеспечения достойных условий человеческой жизни и комфорта для всех, но обратной стороной таких достижений выступают социальные риски. Непосредственные и очевидные, зримые риски – это риски не успеть за ходом жизни. Э. Тоффлер показал, что человек не может приспособиться к стремительным переменам [11]. Если для индустриального социума характерно распределение материальных и культурных благ, то в современном обществе как «обществе риска» распределяются опасности и риски. Главной ценностью становится безопасность. Богатые люди могут ее купить, а бедные вынуждены принимать на себя все риски и опасности.

Главные проблемы, которые стоят перед российским обществом в ходе технологизации инновационного развития, связаны с инновационным путем развития. Главная проблема – как совместить российские культурные традиции и такой инновационный путь развития, который позволили бы стране функционировать и развиваться с учетом современных требований

и вызовов [10, с. 186–191]. Что касается более конкретных вопросов о последствиях технологизации российского общества, то все сферы жизни российского общества обнаруживают серьезные проблемы. В экономической сфере стратегический план перехода на инновационный путь развития, который предполагалось выполнить к 2020 году [9], очевидно, не был выполнен. К другим основным проблемам относятся несбалансированное управление, несоответствие стратегий и научно-технологического потенциала страны, фрагментарное финансирование, опытно-демонстрационный характер инновационных разработок, отсутствие рынка и спроса на инновации, низкая инновационная культура, сокращение количества и качества специалистов, научных кадров, слабая инновационная мотивация и пессимизм общества и т. д. [3, с. 17]. Социальная сфера испытывает недостаток инноваций. В информационном обществе на первое место выходит производство качественных услуг. Кроме того, социальная сфера нуждается в информатизации. Политическая сфера обнаруживает недостаточное внимание к внутренним проблемам. Усиление санкций вызвало проблему импортозамещения и параллельного импорта. В ближайшем будущем это может сказаться на перспективах инновационного развития. Духовные инновации представляют собой новшества в духовном и нравственном мире человека. В качестве инноваций выступают общественные и личные ценности, культивирование этих ценностей, раскрытие и развитие инновационного потенциала личности.

Перспективы улучшения соотношения и взаимосвязи традиций и инноваций в современной России заключаются, прежде всего, в осознании реального положения дел [1, с. 190–195; 2, с. 179–184]. Разумной альтернативы инновационному пути для России не существует. Понимание того, что инновационное развитие требует преимущественного развития сферы образования и науки, должно отразиться не только в повышении требований к отчетам по науке и сокращениям реальной зарплаты, а в повышении доверия к ученым и изобретателям, финансирования даже рискованных проектов. Человеческий капитал в России в перспективе, может быть, и должен быть использован как главный ресурс. Охват высшим образованием всех слоев населения, повышение количества и качества подготовленных школьных учителей, развитие науки – все это дает надежды на перспективы технологического развития в дальнейшем.

Таким образом, трудно оценивать баланс позитивных и негативных последствий технологизации и цифровизации социальности современного общества. Объективное рассмотрение существующего положения дел позволяет сделать вывод о том, что судьбой современного общества и человека стали многообразные риски. Эти риски отличаются от социальных авантюр и катастрофических социальных экспериментов. Однако невозможно просчитывать эти риски, и остается только надеяться на то, что человечество остается в выигрыше в ходе такой рискованной игры. Хотелось бы сделать и такой вывод, что в России, возможно, надо сознательно идти на риски технологического развития, чтобы в полной мере стать на инновационный путь развития общества

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бакланов, И. С. Взаимосвязь технологического и исторического сознания в пространстве социальности цифрового общества / И. С. Бакланов, О. А. Бакланова. – Текст : непосредственный // *Kant*. – 2024. – № 2 (51). – С. 190–195.
2. Бакланова, О. А. Перспективы и проблемы технологического развития в России: социально-философский аспект / О. А. Бакланова, И. С. Бакланов, А. Д. Похилько. – Текст : непосредственный // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. – 2022. – № 1. – С. 179–184.
3. Иванова, Н. М. Проблемы инновационного развития Российской Федерации / Н. М. Иванова. – Текст : непосредственный // *Инновации и инвестиции*. – 2019. – № 8. – С. 13–18.
4. Макеев, С. В. Феномен технократизма: социально-философский анализ : монография / С. В. Макеев. – М. : Издательство МГОУ, 2005. – 188 с. – Текст : непосредственный.
5. Мирумян, А. Г. Эволюция понятия «Технология» в исследованиях массовых коммуникаций / А. Г. Мирумян. – Текст : непосредственный // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. – 2017. – № 2 (197). – С. 191–195.
6. Моль, А. Социодинамика культуры / А. Моль. – М. : Прогресс, 1973. – 406 с. – Текст : непосредственный.
7. Пелевин, С. И. Современное общество в контексте технологических процессов: социально-философский анализ / С. И. Пелевин. – Текст : непосредственный // *Kant*. – 2019. – № 1 (30). – С. 213–217.
8. Пелевин, С. И. Социальные противоречия технологизации и ее роль в современном обществе / С. И. Пелевин. – Текст : непосредственный // *Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке*. – 2023. – Том 12. – № 1-1. – С. 176–181.
9. Стратегия инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года (с изменениями на 18 октября 2018 года): утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 8 декабря 2011 года № 2227-р. – URL: <https://docs.cntd.ru/document/902317973?marker=6580IP> (дата обращения: 30.11.2024). – Текст : электронный.
10. Теняков, А. В. Социокультурный механизм взаимосвязи традиции и инновации / А. В. Теняков. – Текст : непосредственный // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. – 2023. – № 2. – С. 186–191.
11. Тоффлер, Э. Футурошок / Э. Тоффлер. – СПб. : Лань, 1997. – 461 с. – Текст : непосредственный.
12. Miller D. *Social Media in an English Village (Or How to Keep People at Just the Right Distance)* / D. Miller. – London : UCL Press, 2016. – 220 p.

REFERENCES

1. Baklanov I. S., Baklanova O. A. The relationship between technological and historical consciousness in the space of sociality of the digital society. *Kant = Kant*, 2024, no. 2 (51), pp. 190–195. (In Russian).
2. Baklanova O. A., Baklanov I. S., Pokhil'ko A. D. Prospects and problems of technological development in Russia: socio-philosophical aspect. *Vestnik Armavirskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta = Bulletin of Armavir State Pedagogical University*, 2022, no. 1, pp. 179–184. (In Russian).

3. Ivanova N. M. Problems of Innovative Development of the Russian Federation. *Innovatsii i investitsii = Innovations and investments*, 2019, no. 8, pp. 13–18. (In Russian).
4. Makeyev S. V. *Fenomen tekhnokratizma: sotsial'no-filosofskiy analiz* [Phenomenon of technocracy: socio-philosophical analysis]. M., Publishing House of Moscow State University, 2005. 188 p. (In Russian).
5. Mirumyan A. G. Evolution of the concept of "Technology" in mass communications research. *Vestnik Adygeyskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2: Filologiya i iskusstvovedeniye = Bulletin of Adyghe State University. Series 2: Philology and Art Criticis*, 2017, no. 2 (197), pp. 191–195. (In Russian).
6. Mol' A. *Sotsiodinamika kul'tury* [Sociodynamics of culture]. M., Progress, 1973. 406 p. (In Russian).
7. Pelevin S. I. Modern society in the context of technological processes: socio-philosophical analysis. *Kant = Kant*, 2019, no. 1 (30), pp. 213–217. (In Russian).
8. Pelevin S. I. Social contradictions of technologization and its role in modern society. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke = Context and reflection: philosophy about the world and man*, 2023, vol. 12, no. 1-1, pp. 176–181. (In Russian).
9. *Strategiya innovacionnogo razvitiya Rossijskoj Federacii na period do 2020 goda (s izmeneniyami na 18 oktyabrya 2018 goda): utverzhdena rasporyazheniem Pravitel'stva Rossijskoj Federacii ot 8 dekabrya 2011 goda № 2227-r* [Strategy for Innovative Development of the Russian Federation through 2020 (as amended on October 18, 2018): approved by Order of the Government of the Russian Federation dated December 8, 2011 No. 2227-r]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/902317973?marker=6580IP>. (In Russian).
10. Tenyakov A. V. Sociocultural mechanism of the relationship between tradition and innovation. *Vestnik Armavirskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta = Bulletin of Armavir State Pedagogical University*, 2023, no. 2, pp. 186–191. (In Russian).
11. Toffler E. *Futuroshok* [Future Shock]. SPb., Lan', 1997. 461 p. (In Russian).
12. Miller D. *Social Media in an English Village (Or How to Keep People at Just the Right Distance)*. London, UCL Press, 2016. 220 p.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Бакланова, О. А. Последствия процессов цифровизации пространства современной социальности / О. А. Бакланова, И. С. Бакланов, О. В. Пчелина. – Текст : непосредственный // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. – 2024. – № 4. – С. 174–182.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Baklanova O. A., Baklanov I. S., Pchelina O. V. Consequences of Digitalization Processes of the Space of Modern Sociality / O. A. Baklanova, I. S. Baklanov, O. V. Pchelina // The Bulletin of Armavir State Pedagogical University, 2024, no. 4, pp. 174–182. (In Russian).

УДК 316.772

НАУЧНАЯ КОММУНИКАЦИЯ ПЕДАГОГА-ИССЛЕДОВАТЕЛЯ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

М.А. Губанова

SCIENTIFIC COMMUNICATION OF A TEACHER-RESEARCHER IN MODERN RUSSIAN SOCIETY

M.A. Gubanova

Аннотация. Автор рассматривает нравственные принципы научной коммуникации у молодого ученого, педагога-исследователя в условиях современного российского общества. Коммуникация в науке и образовании – это профессиональное общение с узким специализированным профилем. Автор полагает, что концепт «научно-образовательный этос» может претендовать на статус научного термина. Область научно-образовательного этоса служит средой неявного знания, и эта среда транслирует знания и умения коммуникации. Констатируя преобладание авторитарного характера коммуникации в высшем образовании и аспирантуре, автор выдвигает тезис о диалогическом характере успешной научной коммуникации педагога-исследователя.

Abstract. The author examines the moral principles of scientific communication among a young scientist, teacher-researcher in the context of modern Russian society. Communication in science and education is professional communication with a narrow specialized profile. The author believes that the concept of "scientific and educational ethos" can claim the status of a scientific term. The area of scientific and educational ethos serves as an environment of tacit knowledge, and this environment transmits knowledge and communication skills. Noting the prevalence of the authoritarian nature of communication in higher education and postgraduate studies, the author puts forward a thesis about the dialogical nature of successful communication of a teacher-researcher.

Ключевые слова: научная коммуникация, наука, образование, этика, молодой ученый, педагог-исследователь, стили общения.

Keywords: scientific communication, science, education, ethics, young scientist, teacher-researcher, communication styles.

Актуальность проблемы коммуникации в области науки и образования в их единстве и неразрывной взаимосвязи определяется необходимостью формирования добросовестного педагога-исследователя, молодого аспиранта или соискателя для развития его способности к науке. В настоящее время возрастает роль культуры дистанционной коммуникации, но это как раз повышает значимость личной коммуникации (общения) для педагога-исследователя как молодого ученого [8, с. 171–175; 9, с. 82–87].

Исследование коммуникации возможно в самых различных аспектах, например, она может рассматриваться как изучение коммуникации в широком, всеохватывающем смысле [7, с. 329–333], как межкультурная коммуникация [13].

Образовательная и научная коммуникация сближаются с межкультурной коммуникацией. В научной литературе выделен ряд аспектов темы культуры коммуникации: 1) коммуникативные аспекты компетентности ученых и субъектов сферы образования, 2) коммуникативность как более широкое по сравнению с процессом коммуникации объективное условие и предпосылка успешной коммуникации, 3) особенности дистанционной коммуникации, в частности, коммуникативности в сети Интернет, что особенно важно в условиях распространения дистанционного образования [11, с. 118–120], 4) стили научной коммуникации и т. д.

Наша задача – выявить особенности культуры коммуникации педагога-исследователя как молодого ученого (аспиранта или соискателя) в тесной связи со спецификой личного общения. Вместо повторения множеств известных технических приемов научной коммуникации мы предлагаем сосредоточиться на нравственных принципах такого вида коммуникации. В своей педагогической деятельности выпускники педагогических вузов копируют коммуникативные модели, которые доминировали в ходе их обучения [3, с. 99–104]. Это имеет позитивные и негативные последствия.

Коммуникация имеет ряд семантических оттенков «коммуникативная грамотность», «личное общение», «межкультурная коммуникация», «коммуникативная культура», «коммуникативность» и др. В частности, интерес вызывает вопрос о соотношении этих терминов в педагогическом аспекте [4, с. 14–19]. В частности, коммуникация – это:

- 1) основа жизнедеятельности человека;
- 2) информационный обмен сообщениями;
- 3) мыслительный процесс;
- 4) самописание;
- 5) экзистенциальная коммуникация.

Естественные нормы нравственности служат базой для этоса науки и образовательного этоса. Они представляют собой необходимое, но недостаточное условие для научно-образовательного этоса. Мы полагаем, что концепт «научный этос» расширяется по своему значению до «научно-образовательного этоса» аналогично «научно-техническому этосу» [2, с. 100–102]. Кроме того, культура личности детерминирует когерентную этой личности социальность. И сама эта социальность, в свою очередь, влияет на культуру личности. В России существуют социокультурные и социально-исторические тенденции авторитарности, которые выражаются в особом стиле социокультурной коммуникации педагога и ученого.

Большинство преподавателей российских вузов (78,42 %) имеет авторитарный стиль коммуникации. Этот стиль недемократичный, предполагающий монолог, а не диалог [5, с. 4–7]. Для такого стиля характерны жесткие управленческие функции, использование прямых указаний, команд, приказов. В этическом плане этот стиль связан с психологическим давлением, гордыней, унижением личности. Демократический стиль коммуникации основан на феномене мудрого незнания, открытом Сократом и примененном

в его диалогах. Суть такого стиля – поиск решения проблемы, уважение к собеседнику, право на взаимопонимание [6, с. 98–102; 9, с. 82–87]. Этому стилю присущи рекомендации, совет («советование»), конструктивное обсуждение, одобрение, обмен мнениями и т. д.

В основе указанных противоположных стилей коммуникации различные ценности и коммуникативные приоритеты [6, с. 102]. Авторитарный стиль кладет в основу ценности нормы (соответствие стандартам) и модель подчинения, управления, исполнительности. Добросовестность, которая у студентов вполне оправдана и допустима, у молодых ученых может быть и на самом деле становится тормозом научного творчества. У обучающихся и аспирантов закрепляются такие свойства как нерешительность, начетничество, неуверенность, зависимость от чужого мнения, некритичность, «выученная беспомощность» и т. п. В основе же демократического (диалогического) стиля коммуникации мы, напротив, видим приоритет творческой индивидуальности и таких свойств личности как критичность, креативность, инновационный потенциал и т. д.

Объяснение предпочтения диалогического стиля коммуникации в области образования и науки в том, что у людей есть совесть. Автономность личности педагога, его самостоятельность и твердые убеждения в ценности любого человека служит предпосылкой достаточно высокого уровня культуры коммуникации. Личностной автономии как раз предполагает приоритет нравственных ценностей. Основой эффективной социокультурной коммуникации выступает этика в ее диалогическом варианте. Коммуникативная культура педагога связана с персоналистической ответственностью [10, с. 12–15]. В плане диалогической этики взаимно связанными выступают такие компоненты коммуникативной культуры педагога-исследователя, как автономность, свобода, ответственность и активность, способность к совладающему поведению [5, с. 4–7].

Коммуникация – самый надежный путь педагога-исследователя к подлинному педагогическому мастерству, которое предполагает научное творчество. Общение с опытным ученым становится для аспиранта или соискателя необходимо для передачи неявного знания. Неявное знание в отличие от явного знания, выраженного в сухих научных текстах, содержится в самой личности опытного ученого, оно транслируется от поколения к поколению подобно тому, как передавались секреты мастеров искусства или ремесленников.

Коммуникативная культура ученого выступает как особое специализированное общение с учетом не только общечеловеческих, но и особых норм этики. Эти нормы проанализировал Роберт Мертон в своем социологическом учении о науке. Вначале он обратил внимание на четыре фундаментальных этических требований научного сообщества к ученому: универсализм, «коммунизм», бескорыстие, организованный критицизм [12]. Затем он добавил к ним еще два принципа (две нормы): смирение и оригинальность. В настоящее время идет дискуссия об амбивалентности научного этоса. Более того, в России не просто амбивалентность, но даже порча научного и образовательного этоса стала особенно заметной в девяностые годы. Однако этот вопрос нас интересует с точки зрения добросовестности молодого ученого [1, с. 87–100]. В связи с этим остановимся только на двух последних нормах.

На первое место в настоящее время выдвинулся принцип оригинальности, который не только стал приоритетным, но и не подвергается сомнению. Он выражает требование общества к ученому – давать приращение научного знания на основе старого знания. Уважение к «старому» знанию, к научной традиции, для молодого ученого имеет значимость нравственного императива. Ориентация на производство нового знания выражается в требовании публиковаться, прежде всего, в научных журналах и сборниках научных конференций. Норма научного смирения выражает стремление ученого к объективной истине. Объект – это все, а субъект (в классической науке) – ничто.

Остановимся на проблеме культуры общения аспиранта с научным руководителем, который олицетворяет как раз научную традицию. Выбор научного руководителя – это дело ответственное, это и есть моральный договор о правилах научной «игры». На начальном этапе руководитель оказывает существенную помощь в выборе темы, составлении плана и определении основных идей. Затем в его обязанности входят функции контроля: чтение и рецензирование текстов, консультирование.

Консультация для аспиранта имеет неизмеримо большую значимость, чем консультация для бакалавра или магистранта. Перед консультацией надо продумать трудности в общении, а не только осознать ряд стоящих перед аспирантом чисто научных задач. Следует учесть, что коммуникация с научным руководителем может быть затрудненным общением, которое приходится сдвигать с авторитарных рельсов на демократический путь. Мы предлагаем использовать диалогическую этику, которая уравнивает в незнании. Молодой ученый должен добиваться того, чтобы в своей области исследования знать не меньше, чем научный руководитель, тогда они будут на равных вести диалог в демократическом духе. Очень важно избежать конфликта.

Аспиранту крайне важно постоянно совершенствовать свою научную коммуникацию и расширять научные контакты. Нельзя замыкаться на общении с научным руководителем. Очень полезны семинары, конференции, общение с другими аспирантами, консультации с авторитетными учеными в избранной области исследования и т. д. Ввиду оптимального смыкания информационных тезаурусов аспиранту бывает легче понять другого аспиранта, чем видного ученого. Очень полезно лично пообщаться с редактором рецензируемого журнала, куда аспирант принес свою статью для публикации.

Таким образом, внешняя научная коммуникация (популяризация науки) как профессиональное общение ученых с народом, основана на простых нормах нравственности, и затрагивает чувства простых людей. Россияне боятся ученых, но хотят от науки полезных вещей. Однако в образовании и науке нельзя ограничиваться интуитивными нормами и правилами повседневного общения. Внутринаучная коммуникация специализирована и имеет свой профиль, свой этос. Педагогу-исследователю требуется культура научной коммуникации. Такая культура формируется в процессе диалога и требует адекватного смыкания информационных тезаурусов и освоения ценностей научного этоса. Культура

научной коммуникации педагога-исследователя как молодого ученого основана на персоналистической ответственности за свое место в обществе, в науке и образовании. В связи с этим можно вести речь о новом термине – «научно-образовательный этос». Содержанием термина является нравственный императив для ученого быть педагогом, а для педагога – быть ученым.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Биричева, Е. В. Развитие добросовестности ученого: согласование теории и практики при подготовке кадров высшей квалификации / Е. В. Биричева. – Текст : непосредственный // Проблемы современного образования. – 2024. – № 1. – С. 87–100.
2. Васенкин, А. В. Этос современной научно-технической деятельности / А. В. Васенкин. – Текст : непосредственный // Актуальные вопросы общества, науки и образования : сборник статей XII Международной научно-практической конференции (г. Пенза, 10 апреля 2024 года) / ответственный редактор: Г. Ю. Гуляев. – Пенза : Наука и Просвещение, 2024. – С. 100–102.
3. Губанова, М. А. Культура коммуникации педагога в российском образовании / М. А. Губанова, А. Д. Похилько. – Текст : непосредственный // Аспирантский вестник Армавирского государственного педагогического университета. Ежегодник : сборник научных статей / главный редактор Ю. П. Ветров ; научный редактор А. Д. Похилько ; ответственный редактор А. Р. Петросян. – Выпуск 11. – Армавир : РИО АГПУ, 2021. – С. 99–104.
4. Каверина, О. Г. Соотношение понятий «коммуникативная грамотность», «общение», «коммуникация», «коммуникативная культура» в педагогическом аспекте / О. Г. Каверина, Н. Г. Щукина. – Текст : непосредственный // Дидактика математики: проблемы и исследования. – 2019. – № 50. – С. 14–19.
5. Канина, Е. Н. Стили педагогических коммуникаций в образовательной среде современного вуза / Е. Н. Канина, А. В. Глазков, О. Л. Подлиняев. – Текст : непосредственный // Современное педагогическое образование. – 2020. – № 6. – С. 4–7.
6. Канина, Е. Н. Стили педагогических коммуникаций в образовательной среде современного вуза / Е. Н. Канина, О. Л. Подлиняев. – Текст : непосредственный // Учебная самостоятельность личности – основа образования через всю жизнь : материалы II Международной научно-практической конференции / под редакцией М. Г. Голубчиковой, С. А. Харченко. – Иркутск : Издательство ИГУ, 2020. – С. 98–102.
7. Караконисова, С. Г. Коммуникативная культура образования / С. Г. Караконисова, К. М. Сисенгалиев. – Текст : непосредственный // Международный журнал экспериментального образования. – 2016. – № 5-3. – С. 329–333.
8. Овчаров, А. О. Научная коммуникация как условие становления молодого ученого / А. О. Овчаров, Т. Н. Овчарова. – Текст : непосредственный // Коммуникативные практики современной молодежи: перспективы и вызовы : материалы Международной научно-практической конференции (г. Нижний Новгород, 15–16 сентября 2022 года) / под общей редакцией профессора З. Х. Саралиевой. – Нижний Новгород : Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, 2022. – С. 171–175.
9. Петьков, В. А. Диалог как средство развития педагогической культуры субъектов образовательного процесса вуза / В. А. Петьков, А. Д. Похилько, М. А. Губанова. – Текст : непосредственный // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 3: Педагогика и психология. – 2015. – № 1 (157). – С. 82–87.

10. Похилько, А. Д. Нравственные основания диалогической культуры педагога / А. Д. Похилько. – Текст : непосредственный // Диалогическая культура педагога : материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием (г. Армавир, 18 апреля 2019 г.). В 2 частях. Часть 1 / научный редактор Ю. П. Ветров ; ответственный редактор А. Д. Похилько. – Армавир : РИО АГПУ, 2019. – С. 12–15.

11. Пригода, М. В. Проблемы коммуникативной культуры педагога в системе дистанционного образования / М. В. Пригода. – Текст : непосредственный // Альманах современной науки и образования. – 2010. – № 8 (39). – С. 118–120.

12. Merton R. The Sociology of Science: Theoretical and Empirical Investigations / R. Merton. – Chicago : University of Chicago Press, 1973. – 605 p.

13. Trager G. Culture as Communication: A Model and Analysis / G. Trager, E. Hall. – N. Y., 1954. – 320 p.

REFERENCES

1. Biricheva Ye. V. Developing the integrity of a scientist: reconciling theory and practice in training highly qualified personnel. *Problemy sovremennogo obrazovaniya = Problems of modern education*, 2024, no. 1, pp. 87–100. (In Russian).

2. Vasenkin A. V. Ethos of modern scientific and technical activity. *Aktual'nye voprosy obshchestva, nauki i obrazovaniya = Current issues of society, science and education*. Penza, Nauka i Prosveshchenie, 2024, pp. 100–102. (In Russian).

3. Gubanova M. A., Pokhilko A. D. Culture of teacher communication in Russian education. *Aspirantskiy vestnik Armavirskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Ezhegodnik = Postgraduate Bulletin of the Armavir State Pedagogical University. Yearbook*, iss. 11. Armavir, 2021, pp. 99–104. (In Russian).

4. Kaverina O. G. The relationship between the concepts of "communicative literacy", "communication", "communication", "communicative culture" in the pedagogical aspect. *Didaktika matematiki: problemy i issledovaniya = Didactics of Mathematics: Problems and Research*, 2019, no. 50, pp. 14–19. (In Russian).

5. Kanina Ye. N., Glazkov A. V., Podlinyaev O. L. Styles of pedagogical communications in the educational environment of a modern university. *Sovremennoye pedagogicheskoye obrazovaniye = Modern pedagogical education*, 2020, no. 6, pp. 4–7. (In Russian).

6. Kanina Ye. N., Podlinyaev O. L. Styles of pedagogical communications in the educational environment of a modern university. *Uchebnaya samostoyatel'nost' lichnosti – osnova obrazovaniya cherez vsyu zhizn' = Educational independence of an individual is the basis of education throughout life*. Irkutsk, Irkutsk State University Publishing House, 2020, pp. 98–102. (In Russian).

7. Karakonisova, S. G., Sisengalie K. M. Communicative culture of education. *Mezhdunarodnyy zhurnal eksperimental'nogo obrazovaniya = International journal of experimental education*, 2016, no. 5-3, pp. 329–333. (In Russian).

8. Ovcharov A. O., Ovcharova T. N. Scientific communication as a condition for the development of a young scientist. *Kommunikativnyye praktiki sovremennoy molodezhi: perspektivy i vyzovy = Communicative practices of modern youth: prospects and challenges*. Nizhniy Novgorod, National Research Nizhny Novgorod State University named after N.I. Lobachevsky, 2022, pp. 171–175. (In Russian).

9. Pet'kov V. A., Pokhilko A. D., Gubanova M. A. Dialogue as a means of developing the pedagogical culture of subjects of the educational process of the university. *Vestnik Adygeyskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 3: Pedagogika i psikhologiya = Bulletin of Adyge State University. Series 3: Pedagogy and Psychology*, 2015, no. 1 (157), pp. 82–87. (In Russian).

10. Pokhil'ko A. D. Moral foundations of the dialogical culture of the teacher. *Dialogicheskaya kul'tura pedagoga = Dialogical culture of the teacher*, part 1. Armavir, RIO AGPU, 2019, pp. 12–15. (In Russian).

11. Prigoda M. V. Problems of the Communicative Culture of a Teacher in the Distance Education System. *Al'manakh sovremennoy nauki i obrazovaniya = Almanac of modern science and education*, 2010, no. 8 (39), pp. 118–120. (In Russian).

12. Merton R. *The Sociology of Science. Theoretical and Empirical Investigations*. Chicago, University of Chicago Press, 1973. 605 p.

13. Trager G., Hall E. *Culture as Communication: A Model and Analysis*. N. Y., 1954. 457 p.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Губанова, М. А. Научная коммуникация педагога-исследователя в современном российском обществе / М. А. Губанова. – Текст : непосредственный // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. – 2024. – № 4. – С. 183–189.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Gubanova M. A. Scientific Communication of a Teacher-Researcher in Modern Russian Society / M. A. Gubanova // The Bulletin of Armavir State Pedagogical University, 2024, no. 4, pp. 183–189. (In Russian).

УДК 316.3

**МЕДИАРЕПРЕЗЕНТАЦИИ ШАХМАТ
В КОНТЕКСТЕ ТРАНСФОРМАЦИИ КОММУНИКАЦИЙ:
СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ**

Н.Н. Равочкин, С.А. Закиров

**MEDIA REPRESENTATIONS OF CHESS
IN THE CONTEXT OF COMMUNICATION TRANSFORMATION:
A SOCIAL AND PHILOSOPHICAL ANALYSIS**

N.N. Ravochkin, S.A. Zakirov

Аннотация. В статье с позиции социальной философии рассматривается репрезентация шахмат в медиасфере и появляющиеся в связи с этим новые способы коммуникации. Изучаются наиболее значимые теоретические работы и анализируются исследовательские подходы, позволяющие дать интегральное понимание шахмат с позиции философских дисциплин. Проанализирована сущность шахмат как игры и общения. Обозначены принципы, заложенные в шахматы и устанавливающие современные нормы intersубъективного взаимодействия. Определена роль искусственных агентов социальных отношений, способствующих лучшему пониманию транслируемых сообщений. Обоснована совместимость шахмат и Интернета в актуальных социокультурных координатах. Показаны сущностные характеристики современных шахмат и представлены их разновидности. В заключение работы подводятся итоги исследования.

Abstract. The article examines the representation of chess in the media sphere and the new methods of communication that appear in this regard from the standpoint of social philosophy. The most significant theoretical works are studied and research approaches that allow for an integral understanding of chess from the standpoint of philosophical disciplines are analyzed. The essence of chess as a game and communication is analyzed. The principles inherent in chess and establishing modern norms of intersubjective interaction are outlined. The role of artificial agents of social relations that contribute to a better understanding of the messages being broadcast is determined. The compatibility of chess and the Internet in current socio-cultural coordinates is substantiated. The essential characteristics of modern chess are shown and its varieties are presented. The results of the study are summarized in the conclusion of the work.

Ключевые слова: шахматы, игра, интеллект, человек, общество, медиа, коммуникация.

Keywords: chess, game, intelligence, man, society, media, communication.

Актуальность рассматриваемой темы заключается в том, что в настоящее время медиасфера играет важную роль в жизни практически каждого человека при одновременном сохранении и развитии привычных средств и создании новых способов коммуникации. Социальная коммуникация отражает идеальную сторону человеческого бытия, наполняя его множественными

смыслами. Выйдя за границы гносеологической проблематики, коммуникативные практики все чаще находят свое отражение в социальной и политической философии, на теоретическом и прикладном уровнях. Воздействие на человека индивидуальных агентов информации и систем массовых коммуникаций конституирует восприятие современного мира, в котором проявляется множественная проблематика. По сути, каждый субъект в рамках своей профессиональной и / или досуговой деятельности способен взаимодействовать с ин- группами и референтными группами. В реалиях современного мира коммуникация приобретает глобальные масштабы, вовлекая в различные сообщества очередных участников. Однако коммуникативный успех как таковой в преобладающем большинстве случаев связан со знанием правил, уважением сложившихся отношений, пониманием смысла сообщений, фундирующих взаимодействие участников и обеспечивающих его развитие.

Вышеописанное приводит в том числе и к тому, что шахматы в медиа также получают все необходимые условия для своей популяризации и развития одноименного знания, но уже в электронном, цифровом формате. В этом плане репрезентация шахмат обеспечивает их присутствие как в вековых, так и в новых медиа. В данном случае успех коммуникации часто зависит не от ценностного наполнения контента, а от сформированных в раннем детстве устойчивых представлений об окружающем мире, лиц, его потребляющих. Сейчас в медиа при помощи коммуникаций продвигаются знания о мире и человеке, научные знания, развлекательный контент. Тема шахмат в последнее время благодаря освещению интересных фактов о них и фильмах тоже получает активное распространение, приобретая популярность. В условиях развитых медиа с появлением новых способов коммуникации распространение шахматного знания и интереса к ним увеличивается ровно так же, как и увеличивается их доступность, что тоже является интересным и актуальным аспектом, требующим тщательного рассмотрения. В связи с этим возникла необходимость осмысления новых способов шахматной коммуникации, а также уточнения места шахмат в медиасистемах. Целью настоящей работы выступает раскрытие места шахмат в медийном пространстве [1; 4; 5].

В наиболее широком употреблении медиа предстают как средства, обеспечивающие информационный обмен между самыми разными субъектами, выступая своего рода посредником. Исходя из этих данных, на данном этапе можно говорить о некоторой коммуникации, хотя медиа и можно описать как средство коммуникации. Само понятие медиа намного шире, и это не только лишь коммуникация и ее различные вариации, но и способы передачи информации, и среда, которую они образуют, а именно одноименное пространство или даже «медиафера».

Проведя анализ исследований, стало ясно, что вопросам по теме статьи посвящено небольшое количество работ, что ни в коей мере не способствует ее всестороннему изучению. Являясь актуальной и современной, тема требует более подробного и пристального исследования. В разное время медиа были

разными, в зависимости от имеющихся на тот момент средств коммуникации. Первым источником передачи информации был человек. В рамках социальной коммуникации: купцы и торговцы, странствующие по миру, путешественники, мореплаватели, артисты. Более официальными инструментами зарождающегося медиа были «вестовые», которые использовались для связи и передачи срочных донесений. В XIX–XX веках с развитием и внедрением в повседневную жизнь новых инструментов коммуникации, таких как радио и телевидение, возникла новая эпоха, позволившая не только распространять, но и получать информацию с большей скоростью. Благодаря тому, что изменилась скорость передачи информации, изменились и ее принципы.

Технические средства трансформировали социальную ткань и заложили новые базовые ценности, что также сказалось на коммуникативных практиках и значимости данных, циркулирующих в общемировом пространстве. Так, в настоящее время информации стало не просто больше, но она стала и более доступной, а люди, не умеющие читать или писать, могут получать новости, знания, узнать о мире и других людях. Все это не могло не сказаться на численности людей и их вовлеченности в коммуникацию. Но прежде коммуникация в связи с техническими возможностями того времени происходила в основном в одностороннем формате. В настоящее время, в эпоху цифрового общества и искусственных агентов, принципы распространения информации вновь претерпевают серьезные изменения, отвечая тем требованиям и запросам, которыми располагает современное общество, оснащенное техническими средствами, позволяющими любому субъекту социального общества получить доступ к информационным ресурсам со всего мира. В цифровом формате субъекты общественных отношений меняют принципы взаимоотношений на двусторонний формат, где любой может не только получать информацию, но и делиться ею, быть ее источником, создавая свой уникальный контент под «свою» аудиторию.

Очень интересное и глобальное понимание медиа в системе «человек – мир» высказывает В.А. Конев: «Медиа и есть реальность человека, так как эта реальность есть посредник, сначала между человеком и природой, а затем и между людьми, сообществами, институциями» [1, с. 5]. Медиа предполагает область применения, ядром которой являются всевозможные средства передачи информации и коммуникации, создание материала потребления (контента) и его передача целевой аудитории. Шахматы являются составной частью этой области применения, получая новые возможности и формы, но уже в электронном варианте, используя все многообразие электронных ресурсов и новых способов коммуникации.

Шахматы всегда шли в ногу со временем и благодаря своему многообразию хорошо вписывались в каждый временной период, через который проходили. К примеру, шахматы по переписке – вариант игры, при котором ходы записывались на листе бумаге или открытке, после чего отправлялись адресату. Это являлось не только разновидностью шахматного «отдыха»

или тренировки, но и вариантом коммуникации. Данная разновидность появилась в XIX веке и была популярной до того момента, когда шахматные движки стали играть сильнее профессиональных игроков и необходимость собственного (человеческого) анализа партии стала менее востребованной. Желая найти сильнейшее продолжение, сильнейший ход, игроки обращались к помощи компьютера, что приводило к нарушению принципов честной, «чистой» игры. К тому же с появлением шахматных движков и всеобщей цифровизации появилась возможность играть в реальном времени с соперниками из любой точки мира, что и привело к утрате интереса к данному варианту.

На протяжении долгого времени шахматная игра была коммуникацией преимущественно для образованных людей, коммуникацией для интеллектуалов, так как образование не было всеобщим, большинство людей не умели читать и писать, это и стало основной причиной. Также о некоторой исключительности шахмат как коммуникации, доступной лишь узкому кругу людей, говорит и то, что с давних времен отношение к шахматам было весьма особым, доступ к ним всячески пытались ограничить. Игра способствует выработке собственного мнения, критического мышления и системного, стратегического понимания происходящих в окружающем нас мире событий, в связи с чем очень интересны мысли короля Пруссии Фридриха II о том, что шахматы возвращают молодых людей к самостоятельному мышлению. На наш взгляд, здесь очень четко прослеживается мысль, что люди не должны задумываться о том, что происходит – и это становится все более понятным и более прозрачным после общеизвестного замечания все того же короля Фридриха II по поводу нецелесообразности проявления мышления солдатами на поле боя, поскольку большинство из них вряд ли бы остались в строю [4].

Если развивать тему запретов, можно вспомнить и еще один интересный эпизод, целью которого было как ограничение распространения шахмат как игры, так и своего рода блокада интеллектуальной коммуникации. Католический кардинал П. Дамиани в 1061 году издал указ, согласно которому представителям духовенства запрещалась играть в шахматы. Вторила этому запрету и Русская Церковь, которая запрещала игру в шахматы под угрозой отлучения от Церкви, что было официально закреплено в Кормчей книге 1262 г. Но это не останавливало представителей духовенства, которые играли, ценили и любили проводить время за интеллектуальными дуэлями либо за тихим, спокойным, но безгранично глубоким осмыслением окружающего мира через схематичное его воплощение на шахматной доске и обменивались информацией при помощи игры. Интересно, что, как часто бывает в критических моментах, пытливые умы под действием рамок и ограничений выдают простые, изящные решения порой сложнейших задач. Результатом нежелания подчинения запретам на фоне интенций к коммуникации становится складная шахматная доска, вариант которой используется и в современном мире. Она была придумана в 1125 году и изготовлена как книга, которую можно поставить на полке. Наверное, очень символично, что уже

в то время шахматы находились на одной полке с книгами, в одном ряду с музыкой, живописью, естественными науками, математикой, геометрией, философией и религией – с «образованием», «воспитанием»! С этими инструментами, необходимыми для познания окружающего мира, этой необходимой, неотъемлемой для каждого индивидуума, как части социального мира, посредством которых он получает все необходимое для полноценного развития своих коммуникативных возможностей [4; 5].

В современном же обществе, где актуальным становится не поиск или добыча информации, а умение с ней работать, находить, фильтровать, вычленивать из огромных непрекращающихся массивов данных нужную информацию, роль коммуникации становится просто необходимым, жизненно важным навыком, которым должен обладать каждый человек с адекватным уровнем социальной активности: «С наступлением цифровой эпохи роль передовых технологий в интересующем контактировании возрастает. Созданные человеком искусственные агенты все чаще участвуют в коммуникациях самого различного уровня» [2]. В эпоху цифрового общества и искусственных агентов способов коммуникации становится все больше, а их формы многообразней, становясь все сложнее и технологичнее. Шахматы в этом смысле имеют большой запас прочности и в эпоху цифровизации не только не теряют своей актуальности, но и благодаря своей многогранности получают новые возможности, подстраиваясь под новую среду обитания и способы коммуникации. Шахматы в электронном варианте получили полный спектр инструментов, находящихся в распоряжении медиатизированного пространства, но, что интересно и опять же добавляет им медийности, классический вариант игры за живой доской также остается очень актуальным. Шахматы и Интернет имеют практически идеальную совместимость, в том смысле что, например, для освоения восточных единоборств нужен тренер, зал, спарринг-партнеры и многое другое. В отличие от этих видов спорта шахматы могут быть освоены за компьютером.

С точки зрения семиотики шахматы как знаковая система имеют особый (формальный) язык – шахматную нотацию, основной смысл которой, как и язык музыки или язык программирования, необходим для простоты понимания, для более точного и быстрого декодирования посылаемого сообщения. Шахматы целесообразно рассматривать как язык и как полноценное общение, естественный коммуникативный процесс, где языковые единицы воплощены в более сложные структуры, а информационный обмен между участниками позволяет каждому из них пополнить собственный «лексический запас» [4; 5].

Основным признаком коммуникации является передача информации до адресата. Вторым важным признаком является ее понимание. Ведь нужно не только ее правильно передать, но и интерпретировать, декодировать смысл, зашифрованный в сообщении. Об этом пишет и М. Хайдеггер: «Мы пытаемся перевести это изречение Анаксимандра. Для этого требуется,

чтобы сказанное по-гречески мы перевели к нашей речи. Для этого необходимо, чтобы еще до перевода наше мышление было переведено к тому, что сказано по-гречески» [3, с. 34].

В дополнение обозначенной позиции по поводу важности правильного понимания сообщений в актуальных социокультурных координатах в полной мере согласны с В.А. Коневым: «В этом случае реальная сила медиа, их реальность в том, насколько эта картина укоренится в действительности, насколько она войдет в реальность. Истина сообщений, несущих информацию (истина любого текста), в способности этой информации модифицировать реальность. А это возможно при условии, чтобы, во-первых, текстовое сообщение могло быть понято, во-вторых, чтобы его содержание (смысл) могло быть принято» [1, с. 6].

Еще одним помощником в осмыслении шахматных истин и понимании идей, хода мыслей более опытных игроков, делая коммуникацию более доступной, является искусственный интеллект, адаптированный под шахматные программы и получивший название «шахматного движка». Данный вариант искусственных агентов, анализируя партии, показывает сильнейшие ходы и варианты их развития, при этом снабжая их комментариями для лучшего понимания. На наш взгляд, здесь уместно вспомнить о роли искусственных агентов социальных отношений в реалиях нашего времени: «Искусственных агентов можно считать субъектами современного общества, имеющего ярко выраженные технико-технологические основания <...> новые участники социальных отношений приобретают ярко выраженный статус поддержки человека, поскольку берут на себя выполнение того массива работ, для выполнения которых потребовались целые отделы компетентных специалистов» [2].

Многие люди не играют в шахматы, считая игру невероятно сложной. Считается, что человек, хорошо играющий в шахматы, – это умный человек. Проигрыш в этой игре тоже более обидный, чем проигрыш в других играх, так как дает отсылку к интеллектуальным способностям. Хотя игра и правда считается игрой умных людей, интеллектуалов, но это не совсем так. Конечно, для хорошей игры нужно обладать необходимым набором психических и умственных качеств, но они не являются определяющим фактором, скорее, как и в любом другом деле, первостепенное значение имеет желание заниматься и системность тренировочного процесса. Как утверждают профессиональные шахматисты, до уровня кандидата в мастера спорта при учете должных и упорных занятий может прийти любой здоровый человек. К примеру, В.Е. Гунина, гроссмейстер, заслуженный мастер спорта России, является пятикратной чемпионкой страны, трехкратной чемпионкой Европы, двукратной чемпионкой мира по блицу, трехкратной победительницей олимпиад – и этот список приведен не полностью. При всем при этом самая титулованная шахматистка страны борется с серьезным заболеванием, которое при учете постоянной каждодневной работы над шахматами не мешает ей побеждать других, здоровых спортсменов.

Проблемой является и то, что взрослым любителям шахмат, не имеющим более-менее серьезного уровня игры, сложно подобрать турнир для участия и для обсчета рейтинга, так как в основном на уровне юношеских и спортивных разрядов играют дети и вся шахматная система рассчитана на них. Да и играть с детьми взрослым начинающим игрокам намного сложнее. В этом смысле шахматы в цифровом формате дают возможность взрослым игрокам участвовать в турнирах, на больших шахматных ресурсах можно подобрать турнир на свой вкус и в удобное время. Еще одной проблемой шахмат в медиа, на наш взгляд, является то, что игра не такая яркая, нет скинов, новых туров и уровней, варианта игры на прохождение и прочих вещей, которые позволили бы шахматам стать более массовым видом. Но есть и положительные моменты: после перехода в цифровой формат у шахмат стали появляться новые различные варианты игры. Пока они не сильно добавляют привлекательности для людей, не играющих в шахматы, но все же интересные варианты есть (шведки, античесс, режим «гуман войны», крейзичесс), и этот процесс продолжается, и, возможно, в скором времени появится более привлекательный, более массовый вариант шахмат. Сейчас даже на мировом уровне топовые игроки отходят от длинных шахматных контролей в пользу более быстрых и зрелищных, таких как рапид, блиц, пуля, пытаюсь сделать игру более интересной. Стали проводиться турниры с быстрыми контролями на интернет-платформах Чесском, Личесс, переводя шахматы в электронный формат, проводя полноценные шахматные медиатурниры, что делает шахматы более зрелищными и захватывающими, но пока такие турниры проводятся крайне редко и этого явно недостаточно. Нужно развивать это направление с целью повышения медиатизации шахмат [4].

Исходя из этого можно говорить о том, что шахматы в системе масс-медиа имеют свое определенное существенное место с точки зрения вклада в реальность современного общества, которое живет в новой среде обитания, медиатизированном пространстве, так как шахматы в условиях коммуникативной среды являются средством передачи и приема информации, видом общения и интересным способом взаимодействия между различными субъектами. Также шахматы сформировали собственный язык, знание которого обеспечивает коммуникативный успех участников и популяризацию данных игровых практик в общепланетарном масштабе. Прикладное значение репрезентации шахмат в медиа можно усмотреть в переносе коммуникативного опыта на ряд сфер общественной жизни, что образует новые знаковые системы и позволяет создавать различные социальные модели.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Конев, В. А. Медиа-реальность и реальность медиа / В. А. Конев. – Текст : непосредственный // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия: Философия. Филология. – 2009. – № 2 (6). – С. 3–10.
2. Равочкин, Н. Н. Искусственные агенты социальных отношений / Н. Н. Равочкин. – Текст : электронный // Искусственные общества. – 2023. – Том 18. – № 1. – URL: <https://artsoc.jes.su/s207751800024813-3-1/> (дата обращения: 20.10.2024).

3. Хайдеггер, М. Разговор на проселочной дороге / М. Хайдеггер. – М. : Высшая школа, 1991. – 192 с. – Текст : непосредственный.

4. Эзри, Г. К. Шахматы как игра (философско-антропологический контекст) / Г. К. Эзри. – Текст : непосредственный // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2023. – № 8-2 (83). – С. 171–174.

5. Ястреб, Н. А. Шахматы и машина Тьюринга: границы применимости вычислительного подхода в социальных науках / Н. А. Ястреб. – Текст : непосредственный // Философия науки и техники. – 2021. – Том 26. – № 1. – С. 51–55.

REFERENCES

1. Konev V. A. Media-reality and reality of media. *Vestnik Samarskoj gumanitarnoj akademii. Seriya: Filosofiya. Filologiya = Bulletin of the Samara Humanitarian Academy. Series: Philosophy. Philology*, 2009, no. 2 (6), pp. 3–10. (In Russian).

2. Ravochkin N. N. Artificial agents of social relations. *Iskusstvennye obshchestva = Artificial societies*, 2023, vol. 18, no. 1. URL: <https://artsoc.jes.su/s207751800024813-3-1/>. (In Russian).

3. Heidegger M. *Razgovor na proselochnoj doroge* [Conversation on a Country Road]. М., Vysshaya shkola, 1991. 192 p. (In Russian).

4. Ezri G. K. Chess as a game (philosophical and anthropological context). *Mezhdunarodnyj zhurnal gumanitarnyh i estestvennyh nauk = International Journal of Humanities and Natural Sciences*, 2023, no. 8-2 (83), pp. 171–174. (In Russian).

5. Yastrebn N. A. Chess and the Turing Machine: Limits of Applicability of the Computational Approach in Social Sciences. *Filosofiya nauki i tekhniki = Philosophy of Science and Technology*, 2021, vol. 26, no. 1, pp. 51–55. (In Russian).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Равочкин, Н. Н. Медиарепрезентации шахмат в контексте трансформации коммуникаций: социально-философский анализ / Н. Н. Равочкин, С. А. Закиров. – Текст : непосредственный // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. – 2024. – № 4. – С. 190–197.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Ravochkin N. N., Zakirov S. A. Media Representations of Chess in the Context of Communication Transformation: a Social and Philosophical Analysis / N. N. Ravochkin, S. A. Zakirov // The Bulletin of Armavir State Pedagogical University, 2024, no. 4, pp. 190–197. (In Russian).

УДК 159.923.2

**СУЩНОСТЬ И ЭКСПЛИКАЦИИ
ЭКЗИСТЕНЦИАЛА СЧАСТЬЯ ЧЕЛОВЕКА
В СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНОМ ЗНАНИИ**

А.А. Руденко

**THE ESSENCE AND EXPLICATIONS
OF THE EXISTENTIAL OF HUMAN HAPPINESS
IN SOCIAL AND HUMANITARIAN KNOWLEDGE**

A.A. Rudenko

Аннотация. В статье рассматривается сущность и экспликация экзистенциала счастья человека в социально-гуманитарном знании. Автор указывает на парадоксальность стремления любого человека к счастью и крайнюю сложность определения его сущности. Несмотря на накопленный столетиями опыт изучения счастья в философии и ряде социально-гуманитарных наук, по-прежнему остаются нерешенными ключевые вопросы о счастье: что такое счастье, достижимо ли оно, подходят ли экспликации счастья мыслителей и ученых прошлого современному человеку, который находится в стремительно меняющемся мире. В статье предпринимается попытка использования совокупного методологического инструментария социальной философии по отношению к исследованию сущности экзистенциала счастья человека и общества, а также факторов и условий, необходимых для него.

Abstract. The article examines the essence and explication of the existential of human happiness in social and humanitarian knowledge. The author point out the paradoxical nature of any person's desire for happiness and the extreme complexity of defining its essence. Despite the experience accumulated over centuries in studying happiness in philosophy and a number of social and humanitarian sciences, key questions about happiness still remain unresolved: what is happiness, is it achievable, are the explications of happiness of thinkers and scientists of the past suitable for a modern person who lives in a rapidly changing world. The article attempts to use the combined methodological tools of social philosophy in relation to the study of the essence of the existential happiness of man and society, as well as the factors and conditions necessary for it.

Ключевые слова: счастье, человек, философия счастья, современность, общество, экспликация счастья, источники счастья, условия счастья, факторы счастья.

Keywords: happiness, man, philosophy of happiness, modernity, society, explication of happiness, sources of happiness, conditions of happiness, factors of happiness.

Человек стремится быть счастливым: что бы он ни делал, к чему бы ни стремился, он явно или латентно преследует именно эту цель. Стремление к счастью поэтому можно считать не только базовой культурной универсалией, но и важнейшим экзистенциалом человеческого бытия, определяющим специфически человеческий способ существования: «Стремление к достижению счастья можно считать также одним из факторов эволюции смысложизненной

аксиосферы. Человек ценит жизнь потому, что она содержит потенциал для того, чтобы он мог быть счастливым. Стремление к счастью – одно из высших и универсальных стремлений человечества...» [3, с. 115–116]. Отсюда логично предположить, что это стремление в человеке появилось с фактом возникновения самого человека.

Данное стремление предполагает определенный уровень развития рефлексии. Поэтому, вероятно, осознание и осмысление стремления к счастью должно было возникнуть в истории человеческой культуры одновременно с самим этим стремлением. Не случайно древнейшие религиозно-философские системы Древнего Востока так или иначе предлагают человечеству своеобразную «формулу счастья»: в индуизме – за счет следования ритуалам и обрядам, содержащимся в Ведах; в буддизме – за счет следования восьмеричному благородному пути, приводящему к избавлению человека от страдания, в конфуцианстве – с помощью принципа гуманности, сформулированного Конфуцием и ставшего золотым правилом морали и гласящем, что мы должны относиться к людям так, как ты хотел бы, чтобы они относились к тебе; в даосизме – за счет постижения законов Вселенной, помогающих человеку обрести гармонию и природосообразность. Мудрость учений Востока относительно экзистенциала счастья человека до сих пор не потеряла актуальности, но и не может считаться не только раскрытием секрета счастья, но и даже приближением к этому раскрытию. Они лишь стала одним из первых шагов человечества в направлении изучения этого сложнейшего и важнейшего феномена человеческой жизни. Поэтому в последующие историко-культурные эпохи поиски тайны экзистенциала счастья продолжились.

В античности над категорией счастья рассуждал Сократ, который считал, что секрет счастья состоит не в стремлении к большему, а в развитии способности наслаждаться меньшим. То есть для одного из величайших мыслителей античной классики счастье усматривается в умении пользоваться принципом разумной достаточности, что, безусловно, недалеко от истины, то все же не столько определяет экзистенциал счастья, сколько характеризует одно из его важнейших субъективных условий. Платон сводил счастье к заботе и был убежден, что, заботясь о счастье других, мы находим свое собственное счастье. Помогая, заботясь об окружающих людях, делая их счастливыми, человек чувствуют свою востребованность, которая и делает его счастливым. Аристотель не только вслед за Сократом полагал, что для счастья нужна умеренность, но был убежден в том, что счастливым может сделать человека изучение философии, потому что оно дает человеку внутреннее ощущение спокойствия, умиротворения, душевного покоя и любовь. А стоики связывали счастье с достижением гармонии с природой через состояние спокойствия и безмятежности.

В средние века счастье усматривалось в христианском служении человека Богу и заботе о спасении души. Эпоха Возрождения, впервые четко

провозгласив идею прогресса, породила культурную установку о том, что счастье в творческом преобразении природы, которая в возникшем в эту эпоху учении пантеизма стала синонимом божественности. Счастье человека эпохи Возрождения – быть творцом, создателем и вносить свой вклад в творческое, прогрессивное развитие мира. В Новое время, эпоху Просвещения, а также в культуре XIX–XX веков в связи с развитием естественных, технических и, особенно, социально-гуманитарных наук, особенно психологии, социологии, культурологии, антропологии и др. Появились дисциплинарные и междисциплинарные подходы к исследованию отдельных аспектов и характеристик счастья. Но и философы продолжали выстраивать различные подходы и концепции к изучению данной ключевой для человечества проблемы. Но и сегодня в условиях XXI века эти поиски продолжаются, несмотря на то, что философы разных эпох каждый раз пытались эксплицировать счастье, исходя из собственных концептуальных положений. Проблема по-прежнему остра, актуальна и далека от своего решения. Это усугубляется и спецификой социокультурных трансформаций современного общества, порождающей новые социальные феномены и переосмысливающей традиционные социальные институты, которые веками считались источниками человеческого счастья. Переосмысливается и сама категория счастья в условиях экзистенциального страха и неопределенности бытия современного человека, что порождает острую необходимость концентрации исследовательского внимания и продолжения научно-философского поиска в данном направлении.

Иногда философы просто отказываются от попыток решить эту проблему. Так, Н.А. Бердяев назвал счастье пустой и бессодержательной категорией: «Человек совсем не стремится к счастью. Такое стремление было бы беспредметным и бессодержательным... Слово «счастье» – самое бессодержательное и ничего не значащее из человеческих слов» [2, с. 77]. Но этот отказ неприемлем, потому что человеку свойственно тянуться к счастью, ведь человек создан для счастья, как птица для полета. И с этим вряд ли можно поспорить.

Сегодня по-прежнему не решены ключевые вопросы о счастье: что такое счастье, достижимо ли оно, подходят ли экспликации счастья мыслителей и ученых прошлого современному человеку, который находится в стремительно меняющемся мире. Именно поэтому необходимо попытаться выявить и проанализировать сущность и трансформацию экзистенциала счастья человека в современной социальной реальности.

Существует огромное количество определений счастья. Словарь С.И. Ожегова определяет счастье как «чувство, состояние полного, высшего удовлетворения», «успех, удача» [7, с. 593]. В словаре у В.И. Даля под счастьем понимается «фок, судьба, участь, удача, успех, благоденствие, благополучие, земное блаженство» [5, с. 367]. Такое обилие синонимов не только не проясняет сущность счастья, но лишь затуманивает ее и создает иллюзию принципиальной невозможности дать его четкое определение.

Нельзя считать удовлетворительными и попытки отдельных авторов подменить определение сущности счастья какой-либо его отдельной характеристикой и вслед за мудрецами прошлого свести целостный феномен счастья к какому-либо его проявлению. Поэтому вряд ли можно согласиться с трактовкой счастья «как морального сознания, которое обозначает человека, соответствующего наибольшей внутренней удовлетворенности условиями своего бытия, осмысления и полноте своей жизни, осуществлению своего человеческого назначения» [10, с. 86]. Данное определение сводит феномен счастья лишь к субъективному восприятию человеком окружающей его действительности и полностью игнорирует объективные факторы. Фактически оно повторяет позицию стоиков, высказанную еще в поздней античности, и не может считаться удовлетворительным.

Сведение счастья к субъективному при игнорировании объективного обесценивает все то, что человечество создавало на протяжении всей своей истории, а кроме того, косвенно как бы оправдывает человека, погруженного в свой внутренний мир, например, в силу наличия какой-либо аддикции (алкогольной, наркотической, игровой, сексуальной и т. п.), создающий внутреннюю удовлетворенность при игнорировании объективных факторов для нее. Иными словами, человеку, например, находящемуся в состоянии алкогольного опьянения субъективно может казаться, что он испытывает большую внутреннюю удовлетворенность условиями своего бытия, хотя его трезвый ум говорил бы ему об обратном. Поэтому объективные условия для счастья не менее важны, чем субъективные. И все это лишний раз свидетельствует о сложности определения счастья.

Таким образом, в дефинировании понятия счастья должны обязательно присутствовать как объективные, так и субъективные стороны. Субъективное счастье зависит от эмоционального состояния человека, от его настроения, то есть от субъективного отношения к окружающей действительности и событий в ней. Внешняя сторона счастья сводится к совокупности различных объективных внешних факторов, на которые не влияет воля человека. Это могут быть условия для удовлетворения базовых человеческих потребностей (семья, секс, любовь, природа, применение навыков и знаний, деньги, обустройство быта, профессия, уровень образования, уровень благосостояния страны, региона или города, случайности, благоприятные стечения обстоятельств, везение и иные факторы).

Данная трактовка счастья, чаще всего присутствующая в психологических подходах к его исследованию, вряд ли может претендовать на всеохватность, целостность и полноту раскрытия сущности счастья. Поэтому она дополняется другими подходами, в частности этическими: «В этике счастье, которое зависит от самого человека, носит название добродетели. Понятие о добродетелях исторически сформировалось в контексте понятия о счастье.

Соотношение добродетелей и их место в категории счастья составляет основную проблему этики» [6, с. 583]. Но правомерно ли отождествлять счастье с добром или добродетелью? Социально-философский и исторический опыт человечества, накопленный за несколько тысяч лет, опровергает это утверждение, ибо далеко не всегда добро, сделанное человеком, другому человеку делает его счастливым, особенно когда оно обесценивается или игнорируется последним.

Философская экспликация счастья интегрирует все основные достижения и наработки, накопленные в рамках социально-гуманитарных наук, но не отличается единством и однозначностью подходов. В социально-философском и философско-антропологическом анализе экзистенциала счастья выделяются как объективистские подходы в терминах личностных детерминант, отражающих уровень социального и психологического благополучия человека и связывающих счастье с субъектным ощущением (Э. Динер, Д. Майерс, М. Селигман), так и подходы, связывающие субъективное переживание счастья с его бытийно-смысловыми основаниями (Р. Эммонс, Л. Кинг). В то же время уровень разработанности данной проблемы требует дальнейшей систематизации, категоризации и обобщения накопленных теоретико-методологических подходов, что позволило бы вывить сущность экзистенциала счастья на современном этапе развития философской мысли.

Немалую помощь в этом оказывают современные социологические исследования, которые, однако далеко не всегда отражают реальную картину действительности. В 2024 г. Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ) провел опрос среди граждан РФ об уровне их счастья. Интересно отметить, что в ряде стран мира на сегодняшний день существуют и функционируют так называемые министерства счастья. Опрос ВЦИОМ наших сограждан показал, что наши соотечественники довольно скептически относятся к созданию подобного министерства в нашей стране. Это, вероятно, связано с тем, что подавляющее большинство наших соотечественников либо считает счастье недостижимым (19 % опрошенных), либо имеет довольно смутное представление о том, что такое счастье, возможно отождествляя с ним более конкретные и прагматичные понятия «удовольствия», «наслаждения», «радости», «удовлетворенности» и т. п. Возможно, поэтому доля россиян, считающих себя счастливыми (хотим заметить, что это далеко не всегда соответствует реальному положению дел, ибо, как мы уже отмечали выше, это лишь субъективная сторона феномена счастья), в ходе опроса оказалась чрезвычайно высока: «В ходе последнего замера показатель составил 84 %: в марте 2024 г. почти каждый второй россиянин ответил, что чувствует себя скорее счастливым (48 %), еще 36 % – абсолютно счастливым. Не чувствуют себя таковыми 14 %» [8]. Данная статистика вызывает некоторое удивление, поскольку наша страна сейчас находится в сложном, кризисном и внутривнутриполитическом, и внешнеполитическом положении. Тем не менее, согласно тому же опросу ВЦИОМ, в последний раз максимум абсолютного

счастья у граждан России был зафиксирован в конце 2017 г., минимум – в эпоху перестройки (от 2 до 8 %). Вероятнее всего предположить, что социальная реальность не столь радужная и сегодня, учитывая, что в России огромное количество бедных, одиноких людей, разведенных семей, людей, работающих на низкооплачиваемых должностях и занимающихся не любимой работой, сирот, беспризорных детей, людей, страдающих от разного рода зависимостей (алкогольной, наркотической, сетевой, игровой и т. п.).

В то же время все больше ученых во всем мире предпочитают не связывать уровень счастья человека непосредственно с уровнем развития экономической, социальной, политической и духовной сфер общества, в котором живет человек, а выделяет иные факторы. Почетный профессор отделения нейронаук и реабилитации Уппсальского университета (Швеция), а также специалист по удовлетворенности жизнью Аксель Р. Фугль-Мейер заявляет, что «на уровень счастья в основном влияют четыре фактора в следующем порядке приоритетности: отношения (партнер, семейная жизнь, половая жизнь), здоровье (физическое и психологическое), отдых (общение с друзьями, досуг) и уровень жизни (работа, финансовое положение)» [4, с. 55]. Подобной же позиции придерживается всемирно известный английский специалист в области исследования счастья М. Аргайл, который полагает, что ключевыми факторами счастья является социальная связь, главной целью которой выступает поддержка, помощь, забота, любовь от близких людей. Важными социальными связями являются: супружеские отношения, внутрисемейные и близкие связи, дружба. Еще один фактор, влияющий на ощущение счастья, – это работа. Причем это ощущение зависит не только от материального аспекта, но и также от социальных связей на работе, таких как взаимоотношения с руководством и коллегами, от психологического аспекта работы: насколько значима и ценна работа в глазах общественности, его осмысленность, самостоятельность и разнообразие труда. Не менее важный фактор – это свободное время на досуг, например, прогулки, занятие спортом, хобби, посещение музеев, путешествия. Данный фактор отличается даже большей важностью, чем работа. Это объясняется тем, что в свободное время у индивида появляется возможность в полной мере раскрыть свой внутренний потенциал. Следующий фактор, зависящий от ощущения счастья – здоровье. Каждый человек должен стремиться к физическому, психологическому и нравственному здоровью. Кроме этих факторов М. Аргайл выделяет еще одну специальную группу «под общим названием личность, которые также положительно влияют на ощущение счастья, к которым относятся: осмысленность жизни, самоуважение и самооценка, экстраверсия» [1, с. 263]. Помимо этого М. Аргайл уделил внимание такому особому фактору счастья, как положительные эмоции, испытываемые индивидом, а также их интенсивностью и частотой.

Однако и данный перечень факторов, которые могут считаться источниками счастья человека, хоть и проясняет, но не до конца раскрывает сущности экзистенциала счастья человека. Трудность исследования счастья

сохраняется и в условиях современности, поскольку до сих пор не только не раскрыта до конца его сущность, но и соотносённость с другими ключевыми экзистенциалами бытия человека: «Сегодня, когда достижение счастья стало даже более проблематичным, нежели в прошлом, назрела необходимость соотносить его понимание с таким экзистенциальным феноменом, как смысл жизни. Тем более что на современном уровне социально-философских исследований смысла жизни и счастья человека сложились все предпосылки такого соотношения» [9, с. 31]. И снова социальным философам для решения данного вопроса приходится обращаться к интеграции результатов частнонаучных и междисциплинарных исследований в рамках существующего социогуманитарного знания.

Большим эвристическим потенциалом обладают в этой связи так называемые мотивационно-потребностные концепции человека, разработанные в рамках экзистенциальной философии и гуманистической психологии. Согласно концепции А. Маслоу, если смысл жизни человека будет сводиться только к удовлетворению физиологических потребностей и нахождению у «подножья» пирамиды, то о счастье как следствии самоактуализации личности (вершина пирамиды) не может быть и речи. Трактую самоактуализацию как возможность и необходимость заниматься тем, для чего создан человек, и творчески ориентироваться на других, а не на себя (поскольку свои все жизненные задачи у человека решаются беспрепятственно) Маслоу практически сводит к ней счастье. Однако при таком подходе количество счастливых людей будет очень незначительным, поскольку современный человек в условиях российского общества все основное время затрачивает на решение проблем, связанных с удовлетворением базовых потребностей и потребностей в безопасности. И это не случайно: нестабильное положение на рынке, проблемы с курсом рубля, сложные отношения с западными странами – все это создает большие страхи, тревоги и переживания у человека, который в то же время по-прежнему хочет быть счастливым.

Таким образом, современный уровень развития социально-гуманитарного знания вплотную подошел к тому, чтобы дать четкое, ясное и практически ориентированное определение понятия «счастье», а также детальной экспликации его сущности. Достижение этого усматривается в актуализации методологического потенциала социальной философии, философской антропологии и философии культуры. Их совокупный методологический инструментарий и категориальный аппарат, релевантно примененный к систематизации и интеграции лучших достижений и наработок в области исследования счастья, способен решить данную важнейшую проблему, имеющую огромную теоретическую и практическую значимость для человека и общества.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аргайл, М. Психология счастья / М. Аргайл. – 2-е изд. – СПб. : Питер, 2003. – 271 с. – Текст : непосредственный.

2. Бердяев, Н. А. О назначении человека / Н. А. Бердяев. – М. : Республика, 1993. – 383 с. – Текст : непосредственный.
3. Брусько, О. А. Философия смысложизненной аксиосферы человека в контексте глобального эволюционизма : монография / О. А. Брусько, Е. Е. Несмеянов, А. М. Руденко ; под общей редакцией А. М. Руденко. – Новочеркасск : Лик, 2023. – 176 с. – Текст : непосредственный.
4. Борманс, Л. Большая книга о счастье / Л. Борманс ; [перевод с английского]. – М. : Эксмо, 2015. – 352 с. – Текст : непосредственный.
5. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка / В. И. Даль. – М. : Общество любителей российской словесности, 1863. – 627 с. – Текст : непосредственный.
6. Ныркoв, А. В. Технологии счастья / А. В. Ныркoв. – М. : Олма-пресс, 2000. – 590 с. – Текст : непосредственный.
7. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка : 72 500 слов и 7 500 фразеологических выражений / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова ; Российская академия наук, Институт русского языка, Российский фонд культуры. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Азъ, 1994. – 907 с. – Текст : непосредственный.
8. Счастье в России: Мониторинг. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/schaste-v-rossii-monitoring-18042024> (дата обращения: 29.11.2024). – Текст : электронный.
9. Туев, В. А. Понимание счастья в контексте смысла жизни человека / В. А. Туев // Вестник Бурятского государственного университета. Философия. – 2019. – Выпуск 3. – С. 28–37. – Текст : непосредственный.
10. Уланова, В. А. Подходы к пониманию счастья в философии и психологии / В. А. Уланова // Вестник научного общества студентов, аспирантов и молодых ученых. – 2017. – № 4. – С. 86–92. – Текст : непосредственный.

REFERENCES

1. Argyle M. *Psihologiya schast'ya* [The Psychology of Happiness]. SPb., Piter, 2003. 271 p. (In Russian).
2. Berdyaev N. A. *O naznachenii cheloveka* [On the Purpose of Man]. M., Respublika, 1993. 383 p. (In Russian).
3. Brusko O. A., Nesmeyanov E. E., Rudenko A. M. *Filosofiya smyslozhiznennoj aksiosfery cheloveka v kontekste global'nogo evolyucionizma* [Philosophy of the Meaningful Axiosphere of Man in the Context of Global Evolutionism]. Novocherkassk, Lik, 2023. 176 p. (In Russian).
4. Bormans L. *Bol'shaya kniga o schast'e* [The Big Book of Happiness]. M., Eksmo, 2015. 352 p. (In Russian).
5. Dal' V. I. *Tolkovyj slovar' zhivogo velikoruskogo yazyka* [Explanatory dictionary of the living Great Russian language]. M., Society of lovers of Russian literature, 1863. 627 p. (In Russian).
6. Nyrkov A. V. *Tekhnologii schast'ya* [Technologies of happiness]. M., Olma-press, 2000. 590 p. (In Russian).
7. Ozhegov S. I. *Tolkovyj slovar' russkogo yazyka* [Explanatory dictionary of the Russian language]. M., Az, 1994. 907 p. (In Russian).
8. *Schast'e v Rossii: Monitoring* [Happiness in Russia: Monitoring]. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/schaste-v-rossii-monitoring-18042024>.

9. Tuev V. A. Understanding happiness in the context of the meaning of human life. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya = Bulletin of the Buryat State University. Philosophy*, 2019, iss. 3, pp. 28–37. (In Russian).

10. Ulanova V. A. Approaches to understanding happiness in philosophy and psychology. *Vestnik nauchnogo obshchestva studentov, aspirantov i molodyh uchenyh = Bulletin of the scientific society of students, graduate students and young scientists*, 2017, no. 4, pp. 86–92. (In Russian).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Руденко, А. А. Сущность и экспликации экзистенциала счастья человека в социально-гуманитарном знании / А. А. Руденко. – Текст : непосредственный // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. – 2024. – № 4. – С. 198–206.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Rudenko A. A. The Essence and Explications of the Existential of Human Happiness in Social and Humanitarian Knowledge / A. A. Rudenko // The Bulletin of Armavir State Pedagogical University, 2024, no. 4, pp. 198–206. (In Russian).

УДК 141.155

**ВЛИЯНИЕ СМЫСЛОЖИЗНЕННОГО САМООПРЕДЕЛЕНИЯ
НА ЖИЗНЕННЫЙ ПУТЬ ЧЕЛОВЕКА
В СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ РЕАЛЬНОСТИ XXI ВЕКА**

А.М. Руденко, С.А. Горина

**INFLUENCE OF LIFE-MEANING SELF-DETERMINATION
ON THE LIFE PATH OF A PERSON
IN THE SOCIO-CULTURAL REALITY OF THE XXI CENTURY**

A.M. Rudenko, S.A. Gorina

Аннотация. В статье с позиций социальной философии раскрывается специфика влияния смысложизненного самоопределения на жизненный путь человека в социокультурной реальности XXI века. Авторы всесторонне показывают, что смысложизненное самоопределение как процесс и результат экзистенциального выбора смысла жизни, ориентированного на его воплощение в конкретной социальной реальности в профессиональной, досуговой и приватной сферах, оказывает одно из решающих влияний на жизненный путь человека. Делается также вывод о том, что для успешного проектирования жизненного пути личности требуется соблюдение ряда условий и личностных качеств, позволяющих достичь вершин самореализации личности. К ним относятся: высокий и развитый интеллект, сильная и устойчивая мотивация, развитая самодисциплина и развитые морально-нравственные качества.

Abstract. The article reveals the specifics of the influence of life-meaning self-determination on a person's life path in the socio-cultural reality of the 21st century from the standpoint of social philosophy. The authors comprehensively show that life-meaning self-determination as a process and result of an existential choice of the meaning of life, oriented towards its embodiment in a specific social reality in the professional, leisure and private spheres, has one of the decisive influences on a person's life path. It is also concluded that for the successful design of an individual's life path, it is necessary to comply with a number of conditions and personal qualities that allow one to reach the heights of self-realization. These include: high and developed intelligence, strong and stable motivation, developed self-discipline and developed moral and ethical qualities.

Ключевые слова: человек, общество, философия, смысложизненное самоопределение, жизненный путь человека.

Keywords: man, society, philosophy, life-meaning self-determination, human life path.

В современной социокультурной реальности смысложизненное самоопределение выступает фактором влияния на жизненный путь человека, который можно трактовать как его индивидуальную историю развития. Конечно, вызывает сомнение сама возможность построения абсолютно уникального индивидуального жизненного пути любому человеку, который оказывается заложником всеобщих внешних событий (революций, катастроф, войн, стихийных бедствий, эпидемий и т. п.). Все они в любом случае стабилизируют

социальную реальность, унифицируя жизни многих людей. С другой стороны, каждый человек вынужден проживать определенные возрастные стадии развития: новорожденность, младенчество, детство, подростковый возраст, юность, зрелость и старость. Социально типичными жизненными путями становятся в силу их принадлежности к конкретной культуре, поколению, религии или нации. И иногда эти процессы настолько нивелируют индивидуальный жизненный путь личности, что человек в погоне за желанием соблюдать традиции, обычаи, за модой и за различными популярными стилями жизнеосуществления массового человека он утрачивает свою уникальность, становится потребителем, а затем пресыщается удовольствиями, которые предлагает общество и, рано или поздно, приобретает черты невротизированного, зависимого и девиантного человека, нуждающегося в помощи психолога.

Не случайно экзистенциальные философы и гуманистически ориентированные психологи уже на протяжении более ста лет пытаются донести до человека простую истину: чтобы быть счастливым, человек должен идти только своим, а ничьим иным путем, идти вперед, развиваться и стремиться к вершинам собственной уникальной жизненной самореализации. Именно поэтому сквозь типичное и универсальное в человеке всегда прорываются его специфические индивидуальные особенности и уникальность каждого конкретного жизненного пути личности. Поэтому так важно на современном этапе развития философии четко осознавать специфику влияния смысло-жизненного самоопределения на течение жизненного пути личности.

На сегодняшний день не так много работ, которые бы полноценно и системно описывали влияние смысло-жизненного самоопределения на жизненный путь человека в социокультурной реальности XXI века. Отдельные аспекты данной проблемы обсуждаются в работах О.В. Люсовой, Е.М. Глуховой, М.М. Плугиной, О.В. Сергеевой, М.С. Иванова, И.В. Климовой, И.А. Ральниковой, В.С. Садовской, А.Н. Свиридова, А.А. Терехова. Особенно ценными в рассмотрении данной проблемы являются классические работы С.Л. Рубинштейна, К.А. Абульхановой-Славской, Л.С. Выготского, А.Н. Леонтьева, Б.Г. Ананьева, В. Франкла, А. Маслоу, Г. Олпорта, Э. Берна, Ш. Бюлер, Р. Мэй и др. Таким образом, достигнутый уровень изучения влияния смысло-жизненного самоопределения на жизненный путь человека в социокультурной реальности XXI века позволяет провести данное исследование.

Понятие «смысло-жизненное самоопределение» является одним из ключевых понятий экзистенциальной философии, которая, как известно, всегда акцентирует внимание на смысло-жизненном выборе, лежащим в основе данного самоопределения. В социально-гуманитарных науках, однако, более распространенным является понятие «профессиональное самоопределение». И это не случайно, поскольку именно профессиональное самоопределение во многом оказывается смысло-жизненным для каждого человека. Об этом говорят многие исследователи, в том числе и О.В. Оленева, которая указывает на то, что «...существует взаимосвязь профессиональной направленности и смысло-жизненных ориентаций, то есть в основе профессионального самоопределения

лежит личностное самоопределение, придающее жизни смысл» [5, с. 204]. То есть существует тесная взаимосвязь между профессиональным, личностным и смысложизненным самоопределением, которое логически объединяет и то, и другое, но несводимо ни к тому, ни к другому.

Это связано с тем, что личностное самоопределение по сути своей и реализуется за счет профессионального или, в меньшей степени, досугового самоопределения. Значительная часть жизни человека в то же время связана с его межличностными, частными, приватными, семейными связями, которые, однако, во многом также определяются сферой его профессионально-личностного бытия. Объединяющим же понятием в данном контексте и выступает понятие «смысложизненное самоопределение», которое синтезирует и профессионально-личностную, и досуговую, и приватную (семейную, межличностную) сферы его социального бытия. Таким образом, смысложизненное самоопределение мы можем трактовать как процесс и результат экзистенциального выбора смысла жизни, ориентированного на его воплощение в конкретной социальной реальности в профессиональной, досуговой и приватной сферах.

Следует также подчеркнуть, что смысложизненное самоопределение является важнейшим и исходным основанием последующей самореализации человека. Его значение также связано с тем, что человек делает собственный и сознательный выбор, что приводит, во-первых, к тому, что он начинает принимать ответственность за свою жизнь и, во-вторых, происходит превращение внешней дисциплины в самодисциплину. Дело в том, что, «...когда человек «выбрал себя», это партнерство свободы и ответственности становится продуктивным: он испытывает это на собственной шкуре; выбирая себя, он сознает, что он одновременно выбрал и личную свободу, и ответственность за себя» [4, с. 145]. И это приводит к новому качественному уровню самореализации личности. Однако сам процесс смысложизненного самоопределения не прекращается и в ходе самореализации, поскольку человеку, даже выбравшему самую оптимальную, с его точки зрения, профессию, создав самую счастливую и крепкую семью и пользуясь самыми лучшими возможностями досуга, свойственно рефлексировать и стремиться к новому, неизведанному и более совершенному.

Из вышеизложенного становится понятным, что жизненный путь человека является прямым следствием его смысложизненного самоопределения в конкретных социокультурных условиях. Но чтобы проследить характер данного влияния, нам необходимо определить, что представляет собой жизненный путь человека. Анализ существующей литературы по данному вопросу показывает, что наиболее часто под ним понимают:

1) *событийную последовательность*, при которой развитие человека предстает в виде последовательного ряда фактов биографии, соответствующих определенному возрасту (Ш. Бюлер, П. Жане и др.);

2) *целостность* как жизненный континуум человека, в основе которого находятся жизненные отношения и активность личности (С.Л. Рубинштейн, К.А. Абульханова-Славская и др.);

3) *целостность-событийность* как последовательную совокупность личностных переживаний жизненных событий своей жизни и связей между ними (Е.И. Головаха, А.А. Кроник и др.);

4) *возрастную последовательность*, в рамках которой акцент делается на возрастных изменениях и новообразованиях человека (Б.Г. Ананьев, В.В. Бочарова и др.);

5) *самопроектирующую последовательность*, связанную с самоорганизацией человеком собственной жизни в контексте его прошлого, настоящего и будущего (В.А. Дружинин, Э. Эриксон и др.).

При всем богатстве смыслового содержания первых четырех подходов, лишь пятый подход к определению сущности жизненного пути человека позволят проследить влияние смысложизненного самоопределения человека на особенности его воплощения в условиях конкретной социальной реальности. Тем не менее и его нельзя считать оптимальным. Поэтому на основе теоретического анализа всех представленных подходов хотелось бы представить собственное видение жизненного пути личности.

С нашей точки зрения, жизненный путь личности – это динамика пространственно-временного существования человека от рождения и до смерти, включающую в себя переживание жизненных событий, происходящих в конкретно-исторических условиях. Но нужно подчеркнуть, что динамика эта присуща не только самому человеку, но и тем условиям, в которых он существует: «Несомненно, человек в значительной степени становится таким, каким его делает жизнь в определенных обстоятельствах, в формировании которых он участвует» [9, с. 27]. В то же время человек остается уникальным, даже если он и вынужден каждый раз проживать логику смены фаз новорожденности, младенчества, детства, отрочества, юности, зрелости и старости. И одним из ключевых факторов, обеспечивающих эту уникальность, как раз и становится его смысложизненное самоопределение, способствующее индивидуализации истории развития и жизневоплощения человека.

С чем же связана неповторимость человеческого жизненного пути? Что ее определяет? Под воздействием каких факторов складывается уникальная конкретная жизнь?

Во-первых, это социокультурные факторы, которые выступают в качестве детерминант, закономерно и причинно обуславливающих некоторые обстоятельства человеческой жизни [7, с. 45]. Иными словами, на жизнь человека непременно влияют некоторые внешние, не зависящие от человека факторы.

Во-вторых, это личностные факторы, которые проявляются в таких свойствах личности, как характер, желания, направленность, мотивы, ценности, идеалы, убеждения, активность и др. Поэтому неповторимость человеческой жизни представляет собой результат того, как он распорядится тем, что имеет.

В-третьих, фактор человеческой индивидуальности, т. е. персонального своеобразия, субъективной непохожести жизненного стиля человека. Достаточно тесно к фактору индивидуальности примыкает критерий субъективности,

то есть личностной оценки и «окраски». Дело в том, что одни и те же внешние данности, и события могут иметь для человека свой субъективный, персональный смысл, наполняться собственным содержанием и соответственно по-разному влиять на решения человека и, как следствие, на течение его жизненного пути.

Смысложизненное самоопределение имплицитно связано с каждым из этих факторов: оно не только определяется внешними социокультурными условиями, но и формирует их; оно присутствует в личностном измерении и, что наиболее важно, практически определяет уровень и качество индивидуальности человека. Все это в совокупности и формирует уникальный жизненный путь человека.

Жизненный путь личности представляет собой процесс развития человека в качестве субъекта собственной жизни, в ходе которого осуществляется регуляция жизненного процесса и формирование устойчивой и, одновременно, пластичной структуры личности [3, с. 156]. Полноценно воплотить жизненный путь человека поможет планирование. Для максимальной реализации запланированного требуется следующее:

1. Выработка индивидуальной стратегии жизни – формирование наиболее важных жизненных целей, которым человек уделяет все свои силы.

2. Формулировка ключевых жизненных целей на основе индивидуальной стратегии жизни. Следующим шагом после формулировки жизненных целей является умение ставить и решать жизненные задачи, то есть реализовывать стратегию и ключевые жизненные цели поэтапно в реально происходящих жизненных событиях.

3. Разработка основной жизненной перспективы – намерение спроектировать жизненные ситуации, благоприятствующие личностному развитию.

4. Развитие индивидуальной жизненной перспективы – умение предсказать происшествия и корректировать их в соответствии с изначальными планами.

5. Поиск и (или) создание оптимального жизненного пространства и времени жизни в соответствии с индивидуальной стратегией жизни – организация жизненного процесса.

6. Выработка личностных качеств, позволяющих достичь вершин самореализации личности.

7. Выработка собственного стиля жизни, связанного с реализацией конкретной жизненной стратегии.

8. Разработка жизненного плана, который представляет собой стратегию жизни. Совокупность жизненных тактик образует жизненный сценарий.

Существует, по крайней мере, два подхода к объяснению процесса структурирования жизненного пути с помощью ее планирования и сценарного воплощения [2, с. 49]. Согласно первому подходу, представленному работами отечественных авторов (С.Л. Рубинштейн, Б.Г. Ананьев и др.), личность осознанно выбирает и регулирует процесс жизни: «Жизненный путь – это история

формирования и развития личности в определенном обществе, современника определенной эпохи, сверстника определенного поколения» [6, с. 104–105]. Второй подход (А. Адлер, Э. Берн и др.) построен на уверенности в преимущественно бессознательном выборе жизненного плана и жизненного сценария, который осуществляется на ранних стадиях развития человека.

Наша экспликация данного вопроса сводится к тому, что человек выбирает те или иные сценарии или модели поведения либо преимущественно под влиянием социокультурных факторов (реактивный вариант выбора), либо на основании смысложизненного самоопределения (проактивный вариант выбора). Соответственно, от этого будет зависеть и качество, и индивидуальное своеобразие жизненного пути человека, т. е. то, будет ли он счастливым или несчастным, удачливым или неудачливым, наполненным событиями или малособытийным, результативным или безрезультатным, продуктивным или деструктивным.

В социокультурной реальности XXI века как в России, так и во многих других развитых странах мира созданы беспрецедентно широкие возможности смысложизненного самоопределения. В условиях современности в «здоровых обществах» (Э. Фромм) демократического типа создан широкий спектр возможностей определения вектора проектирования успешной жизненной стратегии. В таких обществах личность может развивать и воплощать имеющийся потенциал, участвовать в выборе эффективных методов построения жизненного пути и актуализации условий, способствующих повышению продуктивности деятельности в направлении достижения поставленной цели.

В то же время, согласно ряду исследователей, существуют независимые от человека, изобретенные человечеством и воспроизводимые в различных социокультурных пространствах варианты жизненного пути: «Человек в зависимости от конкретных обстоятельств может выбрать тот или иной вариант, но вариант жизни может быть ему навязан. Степень свободы индивида и мера давления на него внешнего мира – социальной среды – зависят от конкретных исторических условий. Понятие «вариант жизни» является целостной психологической характеристикой индивидуального бытия и определяется типом отношения человека к жизни. Вариант жизни формирует человеческую личность, «типизирует» ее. Индивид превращается в представителя «жизненного личностного типа» [1, с. 12]. Таким образом, под вариантом жизни понимается качественно-определенный способ осуществления личностью своего жизненного пути. При этом можно выделить следующие варианты жизненного пути:

1) *«жизнь начинается завтра»* – вариант жизненного пути, при котором человек может точно сформулировать план как достичь поставленных целей, но постоянно откладывает их выполнение на потом;

2) *«жизнь как творчество»* – вариант жизненного пути, в котором человек отвергает устоявшийся образ жизни и делает упор на преобразование внутреннего и внешнего мира;

3) *«жизнь как достижение»* – вариант жизненного пути, в котором личность воспринимает жизнь как череду достижений, ради которых она жертвует своим настоящим;

4) «*жизнь есть сон*» – вариант жизненного пути, центральной характеристикой которого является уход личности от реалий жизни в иллюзорный мир переживаний;

5) «*жизнь по правилам*» – вариант жизненного пути, при котором личность максимально придерживается установленных обществом норм и правил воплощения жизненного пути;

6) «*жизнь – трата времени*» – вариант жизненного пути, при котором человек не стремится к чему-либо, а все свободное от работы время тратит на бесцельные занятия;

7) «*жизнь против жизни*» – вариант жизненного пути, в котором основной движущей силой человека является борьба за выживание.

Специфика влияния смысложизненного самоопределения на проектирование жизненного пути амбивалентна и реверсивна, поскольку человек является не только объектом воздействия факторов, но и субъектом, формирующим эти условия. Важнейшим фактором создания социокультурной среды является личность: «От ее установок и перспектив личностного и профессионального роста зависит уровень культурной среды» [8, с. 99]. Той среды, которая сама по себе становится фактором влияния на проектирование.

Социокультурные и личностные факторы проектирования жизненного пути личности представляют собой действующие силы внутреннего и внешнего характера, оказывающие влияние на экзистенциальный выбор жизненного самоопределения и смысловоплощения человека. Другими словами, это факторы, оказывающие влияние на активность личности по поиску смысла жизни, который подразумевает потребность в смысле жизни, которая активизирует и направляет человека по определенному жизненному пути. Получается, что поиск смысла жизни переходит в практическую реализацию найденного смысла, которая предполагает расчленение смысла на жизненные цели, задачи, планы и программы. Поиск смысла жизни преимущественно является когнитивным процессом по реконструкции смысла реального жизненного пути.

Понятие «поиск смысла жизни» предполагает возможность строгого научного анализа, в отличие от других понятий, обремененных умозрительными интерпретациями. За понятием «поиск смысла жизни» скрываются феноменология, закономерности и механизмы понимания личностью своего жизненного пути и его смысла. Другими словами, поиск смысла жизни осуществляется посредством механизмов и закономерностей понимания личностью своего жизненного пути.

В заключение следует отметить, что для успешного проектирования жизненного пути личности требуется соблюдение ряда условий. К ним относятся: выработка индивидуальной стратегии жизни, формулировка ключевых жизненных целей на основе индивидуальной стратегии жизни, разработка основной жизненной перспективы, развитие индивидуально-психологической перспективы, поиск и (или) создание оптимального жизненного пространства

и времени жизни в соответствии с индивидуальной стратегией жизни, выработка необходимых личностных качеств, позволяющих достичь вершин самореализации личности. К ним относятся: высокий и развитый интеллект, сильная и устойчивая мотивация, развитая самодисциплина и развитые морально-нравственные качества. Все это способствует выработке собственного стиля жизни, связанного с реализацией конкретной жизненной стратегии. В качестве самостоятельных вариантов выделяются следующие варианты стиля жизни: «жизнь начинается завтра», «жизнь как творчество», «жизнь как достижение», «жизнь есть сон», «жизнь по правилам», «жизнь – трата времени» и «жизнь против жизни». Изучение биографических явлений имеет не только теоретическое, но и практическое значение. Уясняя закономерности жизнедеятельности и жизненного пути, человек может лучше представить себе оптимальный вариант собственного развития, определить свой жизненный путь. В социокультурных условиях XXI века понимание специфики влияния смысложизненного самоопределения на планирование и осуществление своего варианта жизненного пути способствует более ответственному отношению к нему, стремлению ставить серьезные жизненные цели и эффективно и полноценно достигать их осуществления.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Дружинин, В. Н. Варианты жизни : очерки экзистенциальной психологии / В. Н. Дружинин. – М. : PerSe, 2005. – 135 с. – Текст : непосредственный.
2. Карпинский, К. В. Психология жизненного пути личности : учебное пособие / К. В. Карпинский. – Гродно : ГрГУ, 2002. – 167 с. – Текст : непосредственный.
3. Логинова, Н. А. Развитие личности и ее жизненный путь / Н. А. Логинова. – Текст : непосредственный // Принцип развития в психологии. – М. : Наука, 1978. – С. 156–172.
4. Мэй, Р. Человек в поисках себя / Р. Мэй. – СПб. : Питер, 2022. – 240 с. – Текст : непосредственный.
5. Оленева, О. Ю. Взаимосвязь профессионального самоопределения и смысло-жизненных ориентаций / О. Ю. Оленева. – Текст : непосредственный // Психология и педагогика: актуальные проблемы теории и практики (ко Дню психолога) : материалы IV Всероссийской научно-практической конференции / ответственный редактор Е. В. Ковылова. – М. : Издательство Государственного университета просвещения, 2023. – С. 201–205.
6. Рубинштейн, С. Л. Человек и мир / С. Л. Рубинштейн. – М. : Наука, 1997. – 190 с. – Текст : непосредственный.
7. Руденко, А. М. Возрастная психология и педагогика, семейное воспитание : учебник / А. М. Руденко, С. И. Самыгин ; под общей редакцией А. М. Руденко. – М. : КноРус, 2023. – 274 с. – Текст : непосредственный.
8. Садовская, В. С. Проектирование жизненного пути личности как фактор развития культурной среды / В. С. Садовская. – Текст : непосредственный // Вестник МГУКИ. – 2011. – № 3 (41). – С. 99–103.
9. Хухлаева, О. В. Психология развития: молодость, зрелость, старость : учебное пособие для студентов высших учебных заведений / О. В. Хухлаева. – 3-е изд., стер. – М. : Академия, 2006. – 208 с. – Текст : непосредственный.

REFERENCES

1. Druzhinin V. N. *Varianty zhizni: ocherki ekzistencial'noj psihologii* [Life Options: Essays on Existential Psychology]. M., PerSe, 2005. 135 p. (In Russian).
2. Karpinsky K. V. *Psihologiya zhiznennogo puti lichnosti* [Psychology of a Person's Life Path]. Grodno, Grodno State University, 2002. 167 p. (In Russian).
3. Loginova N. A. Personality Development and Its Life Path. *Princip razvitiya v psihologii = The Principle of Development in Psychology*. M., Nauka, 1978, pp. 156–172. (In Russian).
4. May R. *Chelovek v poiskah sebya* [Man in Search of Himself]. SPb., Piter, 2022. 240 p. (In Russian).
5. Oleneva O. Yu. The relationship between professional self-determination and life-meaning orientations. *Psihologiya i pedagogika: aktual'nye problemy teorii i praktiki (ko Dnyu psihologa) = Psychology and pedagogy: current problems of theory and practice (for Psychologist's Day)*. M., Publishing House of the State University of Education, 2023, pp. 201–205. (In Russian).
6. Rubinstein S. L. *Chelovek i mir* [Man and the world]. M., Nauka, 1997. 190 p. (In Russian).
7. Rudenko A. M., Samygin S. I. *Vozrastnaya psihologiya i pedagogika, sem'evedenie* [Age psychology and pedagogy, family studies]. M., KnoRus, 2023. 274 p. (In Russian).
8. Sadovskaya V. S. Designing the Life Path of an Individual as a Factor in the Development of the Cultural Environment. *Vestnik MGUKI = Bulletin of MGUKI*, 2011, no. 3 (41), pp. 99–103. (In Russian).
9. Khukhlaeva O. V. *Psihologiya razvitiya: molodost', zrelost', starost'* [Developmental Psychology: Youth, Maturity, Old Age]. M., Academy, 2006. 208 p. (In Russian).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Руденко, А. М. Влияние смысложизненного самоопределения на жизненный путь человека в социокультурной реальности XXI века / А. М. Руденко, С. А. Горина. – Текст : непосредственный // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. – 2024. – № 4. – С. 207–215.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Rudenko A. M., Gorina S. A. Influence of Life-Meaning Self-Determination on the Life Path of a Person in the Socio-Cultural Reality of the XXI Century / A. M. Rudenko, S. A. Gorina // The Bulletin of Armavir State Pedagogical University, 2024, no. 4, pp. 207–215. (In Russian).

УДК 172.4+355.01

**СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ СПЕЦИФИКА
ТРАНСФОРМАЦИЙ СОВРЕМЕННОЙ ВОЙНЫ**

А.М. Руденко, И.Ю. Партышев

**SOCIOCULTURAL SPECIFICITY
OF TRANSFORMATIONS OF A MODERN WAR**

A.M. Rudenko, I.Y. Partyshev

Аннотация. В статье рассматривается сущность и специфика войны, ее трансформации в современном обществе XXI века. Война представляет собой крайне сложное, противоречивое, амбивалентное социокультурное явление, экспликация сущности которого до сих пор является предметом острого социально-политического и философского дискурса, в котором участвуют и авторы данной статьи. В то же время в условиях современности наблюдаются многочисленные социокультурные трансформации войн, в частности пространственная эволюция войн, за счет переноса их из географического пространства в киберпространство. Все это приводит к глобализации театра военных действий. Человечество в целом и наша страна в частности находится в кризисной ситуации, от исхода которой зависит не только совершенствование геополитической расстановки сил, но и улучшение политической, экономической, гуманитарной и других сфер межгосударственного сотрудничества и, как следствие этого, улучшение внутривнутриполитической жизни общества.

Abstract. The article examines the essence and specificity of war and its transformation in modern society of the 21st century. War is an extremely complex, contradictory, ambivalent socio-cultural phenomenon, the explication of the essence of which is still the subject of acute socio-political and philosophical discourse, in which the authors of this article also participate. At the same time, in the conditions of modernity, numerous socio-cultural transformations of wars are observed, in particular, the spatial evolution of wars due to their transfer from geographic space to cyberspace. All this leads to the globalization of the theater of military operations. Humanity as a whole and our country in particular are in a crisis situation, the outcome of which depends not only on the improvement of the geopolitical balance of power, but also the improvement of political, economic, humanitarian and other spheres of interstate cooperation and, as a consequence, the improvement of the internal political life of society.

Ключевые слова: война, современная война, кибервойна, военная операция, специальная военная операция, социокультурная трансформация, Россия.

Keywords: war, modern warfare, cyber warfare, military operation, special military operation, socio-cultural transformation, Russia.

Война – это крайне сложное, противоречивое, амбивалентное социокультурное явление, которое на протяжении столетий является предметом острого социально-политического и философского дискурса. С одной стороны, с появлением сил ядерного сдерживания между крупнейшими державами,

казалось бы, созданы все условия для того, чтобы в мире не повторилась чудовищная трагедия Второй мировой войны (1939–1945), унесшая десятки миллионов человеческих жизней. С другой стороны, социокультурные реалии конца XX – начала XXI веков создают новые риски и угрозы мирному сосуществованию государств и народов, связанные с появлением качественно новых технологий, порождающих новые формы, виды, методы и разновидности по своей сути войн и военных действий. Кроме того, знание элементарных основ диалектики и (или) синергетики и связанное с этим понимание того, что любое движение и развитие есть форма либо единства и борьбы противоположностей, либо взаимодействия сложных открытых самоорганизующихся систем, обладающих различным энергетическим потенциалом, неизбежно приводит к осознанию конфликтности самой сущности бытия, признанию конфликтности в качестве атрибутивного свойства любой развивающейся реальности. Любой человек, обладающий базовыми знаниями в области конфликтологии, понимает, что социальные конфликты представляют собой нормальное явление общественной жизни: «Это позволяет отказаться от теории бесконфликтности социалистического общества как высшей ступени развития человечества. Социальные противоречия и соответствующие им социальные конфликты были, есть и будут» [7, с. 45]. Другое дело, что конфликты могут решаться методом сотрудничества. В том же случае, если этого не происходит, они приобретают деструктивный характер и принимают форму войны в явной или скрытой форме.

Не секрет, что, начиная с середины XX века, человечество вступило в беспрецедентно новую для себя эру, при которой созданы реальные условия тотального самоуничтожения человечества. Поэтому на протяжении последних нескольких десятилетий данная проблема традиционно включается в перечень глобальных проблем современности. И на этот счет существуют как пессимистические, так и довольно оптимистические прогнозы. Существует мнение, согласно которому «...угроза термоядерной войны, скорее, опасность вчерашнего дня, поскольку сегодня в международных отношениях нет реального и равного противостояния сил» [2, с. 157]. Однако эта мысль высказана была более полутора десятка лет назад. И за это время многое изменилось на международной арене. На чем, тем не менее, базируется данное утверждение: на том, очевидно, что никакая из стран, несмотря на свои национальные интересы и политические амбиции не захочет допустить ядерной войны, у которой, как известно, не будет и не может быть ветеранов.

Тем не менее данная проблема постоянно обсуждается не только в научной и учебной литературе, но и в средствах массмедиа. Социально-философский и политологический анализ данной проблемы показывает, что образ врага, создаваемый в средствах массовых коммуникаций для массового человека, хорошо помогает правящим элитам государств сохранять, удерживать и укреплять собственную власть. Хорошо известно, что «мифом о советской военной угрозе Запад дышал, как перечным газом, на протяжении трех десятков лет, но теперь

жупел коммунизма исчез, а его место занял не менее будоражащий миф об исламской угрозе» [2, с. 158]. На фоне утраты привлекательности и убедительности прошлых великих мифов из разрозненной группы исламских экстремистов за счет современных технологий пиара западными странами был сформирован образ фантомного суперврага, который удачно используется в качестве инструмента консолидации общества и укрепления власти.

К сожалению, на протяжении последних десятилетий на Западе подобным же образом раскручивается и образ врага в лице нашей страны. В качестве средства ослабления нашего государства на протяжении последнего десятилетия США и его союзниками используется политика жесткого санкционного давления на Россию. Кроме того, начиная с 2014 года, США начали активно готовить Украину к войне с Россией, тратя миллиарды долларов на поставки вооружения, снаряжения, оборудования, обучения специалистов и т. п. Не случайно Президент РФ В.В. Путин за три дня до начала специальной военной операции 21 февраля 2022 года отметил: «США и НАТО приступили к беззастенчивому освоению территории Украины как театра потенциальных военных действий. Регулярные совместные учения имеют явную антироссийскую направленность...» [6, с. 853]. Не случайно поэтому 24 февраля 2022 года было начато эпохальное и переломное для России событие – специальная военная операция (СВО) Российской Федерации в Украине.

Принятие столь непростого решения было продиктовано чрезвычайно сложной геополитической ситуацией, инициированной политикой властей Украины, США и стран коллективного Запада, создающей чрезвычайную опасность для нашей страны. Как известно, в качестве основной цели были провозглашены: демилитаризация и денацификация Украины. Президент РФ В.В. Путин по этому поводу отметил: «Нам с вами просто не оставили ни одной другой возможности защитить Россию, наших людей, кроме той, которую мы вынуждены будем использовать сегодня. Обстоятельства требуют от нас решительных и незамедлительных действий... Наши действия – это самозащита от создаваемых нам угроз и от еще большей беды, чем та, что происходит сегодня» [5]. Безусловно, начало и последующая реализация специальной военной операции привела не только к появлению новых реалий современного российского общества, не только к кардинальному изменению внешнеполитических отношений России с рядом зарубежных стран, но и к всплеску интереса философов, ученых и научного сообщества в целом к исследованию и осмыслению военной проблематики.

Это связано с тем, что в нашем обществе, несмотря на то, что подавляющее большинство людей понимает и разделяет необходимость проведения специальной военной операции, наблюдаются возникновение социальных реалий, связанных с «...появлением у людей страха быть вовлеченными в боевые действия» [11, с. 5]. И данный страх порождает у массы людей тревогу из-за чувства неопределенности не только и не столько относительно настоящего, сколько будущего. Проведенное осенью 2022 года группой ученых

Южного федерального университета масштабное социологическое исследование социального самочувствия и отношения студенческой молодежи к специальной военной операции Российской Федерации в Украине показало: «СВО выступает точкой бифуркации, «ядерной» категорией, вокруг которой собираются ключевые темы, беспокоящие молодежь (неопределенность будущего, санкции, экономический и политический кризис, железный занавес, мобилизация) и подкатегории (геополитические риски, от политической изоляции или распада России до ядерной войны и гибели человечества, недоверие власти, страх политических ошибок, информационная война, русофобия, риски изменения привычных практик потребления, досуга и отдыха, страх собственной смерти, смерти близких и родных, риск утраты человеческого капитала и пр.)» [11, с. 297]. Все это создает объективные условия необходимости нового масштабного и фундаментального социально-философского изучения феномена войны как такового и его социокультурных трансформаций в условиях современности.

Прежде всего нам необходимо выяснить, в чем заключается сущность и специфика войны как феномена социокультурной реальности. *Война* традиционно понимается как «вооруженная борьба между народами, государствами, социальными классами, преследующая определенные политические цели» [9, с. 86]. В качестве политических целей войны чаще всего выступает либо оборона, либо навязывание противнику своей воли в части изменения политического курса, присоединения территорий, отказа от идеологии и т. п. *Военная операция* (от лат. *operatio* – действие) хоть и имеет другой юридический статус в отличие от войны, но по сути своей отличается от нее прежде всего своей локальностью, оперативностью и меньшей масштабностью замысла. Военная операция – это прежде всего форма ведения военных действий, представляющая собой «совокупность согласованных и взаимосвязанных по целям, задачам, месту и времени одновременных и последовательных ударов, боев, боевых действий, сражений и маневра войск (сил), проводимых по единому замыслу и плану для решения стратегических, оперативно-стратегических, оперативных или оперативно-тактических задач на одном или нескольких театрах военных действий, стратегическом (операционном, тактическом) направлении, в определенном районе или зоне боевых действий в установленный период времени» [10, с. 64]. Традиционно любая военная операция должна, во-первых, отвечать основным идеям военной науки и, во-вторых, «по исполнению представлять законченное целое, в котором все частные эпизоды являлись бы необходимым следствием развития одной общей мысли, положенной в основание операции» [3, с. 488]. Не преследуя в качестве цели данной работы исследование соотношения понятий «война» и «военная операция», а также «специальная военная операция», считаем нужным все же указать на то, что данные понятия хоть и не тождественные, но вполне соотносимые друг с другом. Как минимум, это понятия, которые с уверенностью можно назвать если не субординированными (в этом случае военная операция выступает как видовое

понятие по отношению к родовому понятию войны), то уж точно пересекающимися, поскольку их объем частично совпадает [8, с. 55–56]. Как и совпадает объем той реальности, которую эти понятия выражают.

Следовательно, есть, безусловно, общие черты между войной и военной операцией, в том числе и специальной, и они очевидны: во всех случаях это насильственное вооруженное противостояние людей, несущее большие человеческие и иные потери и разрушения. Как и в случае с войной, так и в случае с военной операцией, их исход будет во многом определяться не только политическими, но и экономическими, социальными и духовными факторами. В обоих случаях исход будет также определяться количеством и, главное, качеством и степенью превосходства применяемого оружия, правильностью или ошибочностью принимаемых военных решений. Кроме того, как войны, так и военные операции могут быть справедливыми (когда они связаны с отражением агрессии и защитой своего государственного суверенитета и своей культуры), так и несправедливыми (агрессивными), которые ведутся с целью захвата чужих территорий, народов, лишения их национальной независимости, навязывания своей воли и жизненных ценностей. Поэтому многое из того, что утверждается в отношении войны, может считаться применимым и в отношении военной операции. Однако для того, чтобы избежать терминологической путаницы, мы остановимся на одном из этих понятий – понятии войны, которая в условиях современности подвергается множеству социокультурных трансформаций.

Данной проблеме посвящена фундаментальная монография современного отечественного философа Н.А. Балаклеец, которая рассматривает войну и ее трансформации в современном обществе с политико-философских позиций [1]. Анализ данной работы позволяет систематизировать и кратко выделить следующие современные социокультурные трансформации:

1) *онтологическим источником потенциальной военной динамики социального пространства выступает конструирование terra nullius (так называемой «ничьей земли»)* и установление в ней нового центра власти за счет инициирования дискурса, в структуре которого она наделяется желаемым смыслом и получает соответствующую номинацию: «Тем самым конфликт между агентами социального пространства переносится в информационное поле, в рамках которого и конституируется terra nullius, подлежащая захвату» [1, с. 159]. В этом заключается важнейшая исходная предпосылка инициирования современной войны, которая начинается с переосмысления пространства «ничьей земли», характеризующегося слабой организованностью, неформальностью и слабой властной принадлежностью, как потенциального объекта будущих военных действий;

2) *в условиях современности наблюдается пространственная эволюция войн за счет переноса их из географического пространства в киберпространство*: «Кибервойна утрачивает конститутивные для традиционной войны понятия поля боя, фронта и тыла, военного и гражданского. Это противостояние

невидимых акторов, оружием которых служит не военная техника, но вредоносное программное обеспечение. Война в эпоху цифровых технологий демонстрирует тенденцию эмансипации от географического пространства и сопряженных с ними трений. Акторы и объекты кибератак могут быть отделены друг от друга гигантскими территориями...» [1, с. 176]. Это уже не война тел, а война умов. Тело и пространство в такой войне становится пережитком прошлого. Несмотря на свою технологичность, такая война в большей степени скорее становится искусством, чем наукой. Хотя вряд ли все войны настоящего и будущего смогут иметь характер кибервойны, которая кроме размывания границ пространственных, характеризуется и диффузностью временных границ и принимает перманентный характер;

3) *в условиях современности наблюдается отсутствие четко выраженного театра войны и стирание границ между тылом и фронтом и исчезновение в мире XXI века зон безопасности – территорий, пребывание человека на которых гарантировало бы ему стопроцентную защиту от военных действий и насилия: «Отсутствие четко выраженного театра войны тесно связано с трансформацией ее темпоральной структуры. В традиционной межгосударственной войне насилие не могло быть перманентным... Неизвестность в отношении врага и перспектив военных действий затрудняет выявление победителя и побежденного, поскольку принятие решения о победе и поражении открыто для обеих противоборствующих сторон» [1, с. 237]. Все это приводит к глобализации театра военных действий, особенно заметно наблюдаемых в информационных пространствах.*

Конечно, это далеко не все социокультурные модификации современных войн, но уже тех, которые перечислены, достаточно, чтобы осознать простую истину: жизнь каждого человека, существование каждого общества в условиях современности так или иначе оказывается вовлеченным в ту или иную форму явных или, что чаще, латентных военных действий.

Таким образом, все вышесказанное дает полное основание для того, чтобы утверждать: «отсидеться в стороне» никому не удастся. Человечество в целом и наша страна в частности находится сегодня в кризисных условиях, от исхода которых зависит не только совершенствование геополитической расстановки сил, но и совершенствование политической, экономической, гуманитарной и других сфер межгосударственного сотрудничества и, как следствие этого, улучшение внутривнутриполитической жизни общества. И поскольку, как уже было подчеркнуто, современные войны имеют характер информационный, то информация – это лишь средство, а цель заключается в попытке агрессоров навязывать свои ценности, свое мировоззрение тем национально-государственным сообществам, которые не могут этому противостоять и чьи ценности утрачиваются взамен тем, которые экспансируются в процессе так называемой глобализации. Конечно, наша страна не должна быть изолированной от передовых мировых социокультурных тенденций, но это должно идти не в ущерб тем ценностным константам российского мировоззрения,

без которых немислимо наше государство. К ним смело можно отнести: «Единство многообразия (страна), согласие и сотрудничество (общество), силу и ответственность (государство), любовь и доверие (семья), созидание и развитие (человек)» [4, с. 92]. Поэтому задача ученых, философов, политиков, педагогов и средств массовых коммуникаций нашей страны должна заключаться в отстаивании, сохранении и преумножении этих ценностных констант, а также ценностей гуманизма, духовности, гражданственности, патриотизма, а также постоянной готовности встать на защиту своего государства в случае неизбежности и неотвратимости войны.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Балаклеец, Н. А. Война и ее трансформации в современном обществе: опыт политико-философского анализа / Н. А. Балаклеец. – СПб. : Алетейя, 2024. – 330 с. – Текст : непосредственный.
2. Вальцев, С. В. Закат человечества / С. В. Вальцев. – М. : Книжный мир, 2008. – 352 с. – Текст : непосредственный.
3. Военная энциклопедия : в 18 томах. Том 6 / под редакцией К. И. Величко. – СПб. : Типография товарищества И.Д. Сытина, 1912. – 648 с. – Текст : непосредственный.
4. Основы российской государственности / В. М. Марасанова, В. Э. Багдасарян, Ю. Ю. Иерусалимский [и др.]. М. : Дело, 2023. – 212 с. – Текст : непосредственный.
5. Обращение Президента Российской Федерации 24 февраля 2022 года. – URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/67843> (дата обращения: 14.11.2024). – Текст : электронный.
6. Путин, В. В. Обращение Президента Российской Федерации (21 февраля 2022 года) / В. В. Путин. – Текст : непосредственный // Мясников А. А. Владимир Путин. Из летописи XXI века. – М. : Проспект, 2024. – С. 837–862.
7. Руденко, А. М. Конфликтология / А. М. Руденко, С. И. Самыгин. – Ростов н/Д. : Феникс, 2013. – 316 с. – Текст : непосредственный.
8. Руденко, А. М. Логика / А. М. Руденко, Ю. А. Шестаков ; под редакцией А. М. Руденко. – Ростов н/Д. : Феникс, 2025. – 251 с. – Текст : непосредственный.
9. Словарь философских терминов / научная редакция профессора Б. Г. Кузнецова. – М. : ИНФРА-М, 2005. – 731 с. – Текст : непосредственный.
10. Советская военная энциклопедия : в 8 томах. Том 6: Объекты – Радиокомпас / под общей редакцией Н. В. Огаркова. – М. : Военное издательство Министерства обороны СССР, 1978. – 672 с. – Текст : непосредственный.
11. Социальное самочувствие и отношение студенческой молодежи к специальной военной операции Российской Федерации в Украине : монография / В. И. Филоненко, А. С. Магранов, Я. А. Асланов [и др.] ; под общей редакцией В. И. Филоненко. – Ростов н/Д. ; Таганрог : Издательство Южного федерального университета, 2024. – 334 с. – Текст : непосредственный.

REFERENCES

1. Balakleyets N. A. *Vojna i ee transformacii v sovremennom obshchestve: opyt politiko-filosofskogo analiza* [War and its transformations in modern society: an attempt at political and philosophical analysis]. SPb., Aleteya, 2024. 330 p. (In Russian).
2. Valtsev S. V. *Zakat chelovechestva* [The decline of humanity]. M., Knizhnyj mir, 2008. 352 p. (In Russian).

3. *Voennaya enciklopediya* [Military encyclopedia], vol. 6, edited by K. I. Velichko. SPb., Printing house of the partnership of I.D. Sytin, 1912. 648 p. (In Russian).

4. Marasanova V. M., Baghdasaryan V. E., Ierusalimsky Yu. Yu., Titova L. G., Kudrina S. A. *Osnovy rossijskoj gosudarstvennosti* [Foundations of Russian statehood]. M., Delo, 2023. 212 p. (In Russian).

5. *Obrashchenie Prezidenta Rossijskoj Federacii 24 fevralya 2022 goda* [Address by the President of the Russian Federation on February 24, 2022]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/67843>.

6. Putin V. V. Address by the President of the Russian Federation (February 21, 2022). *Myasnikov A. A. Vladimir Putin. Iz letopisi XXI veka = Myasnikov A. A. Vladimir Putin. From the Chronicle of the 21st Century*. M., Prospect, 2024, pp. 837–862. (In Russian).

7. Rudenko A. M., Samygin S. I. *Konfliktologiya* [Conflictology]. Rostov-on-Don, Phoenix, 2013. 316 p. (In Russian).

8. Rudenko A. M., Shestakov Yu. A. *Logika* [Logic]. Rostov-on-Don, Phoenix, 2025. 251 p. (In Russian).

9. *Slovar' filosofskih terminov* [Dictionary of Philosophical Terms], scientific editing by professor B. G. Kuznetsov. M., INFRA-M, 2005. 731 p. (In Russian).

10. *Sovetskaya voennaya enciklopediya* [Soviet Military Encyclopedia], vol. 6: Objects – Radio compass, edited by N. V. Ogarkov. M., Military Publishing House of the USSR Ministry of Defense, 1978. 672 p. (In Russian).

11. Filonenko V. I., Magranov A. S., Aslanov Ya. A. *Social'noe samochuvstvie i odnoshenie studencheskoj molodezhi k special'noj voennoj operacii Rossijskoj Federacii v Ukraine* [Social well-being and attitude of student youth to the special military operation of the Russian Federation in Ukraine]. Rostov-on-Don, Taganrog, Publishing House of the Southern Federal University, 2024. 334 p. (In Russian).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Руденко, А. М. Социокультурная специфика трансформаций современной войны / А. М. Руденко, И. Ю. Партышев. – Текст : непосредственный // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. – 2024. – № 4. – С. 216–223.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Rudenko A. M., Partyshev I. Y. Sociocultural Specificity of Transformations of a Modern War / A. M. Rudenko, I. Y. Partyshev // The Bulletin of Armavir State Pedagogical University, 2024, no. 4, pp. 216–223. (In Russian).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Алёшин Юрий Денисович – аспирант кафедры исторических и социально-философских дисциплин, востоковедения и теологии ФГБОУ ВО «Пятигорский государственный университет» (г. Пятигорск); e-mail: aleshin.japan@mail.ru

Aleshin Yuri Denisovich – Postgraduate Student of the Department of Historical and Social-Philosophical Disciplines, Oriental Studies and Theology, Pyatigorsk State University (Pyatigorsk); e-mail: aleshin.japan@mail.ru

Андриенко Юлия Евгеньевна – кандидат педагогических наук (г. Армавир); e-mail: Julia_an80@mail.ru

Andrienko Yulia Evgenievna – Candidate of Pedagogical Sciences (Armavir); e-mail: Julia_an80@mail.ru

Бакланов Игорь Спартакович – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии Гуманитарного института ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет» (г. Ставрополь); e-mail: baklanov72@mail.ru

Baklanov Igor Spartakovich – Doctor of Philosophy, Professor, Professor of the Philosophy Department of the Humanities Institute, North Caucasus Federal University (Stavropol); e-mail: baklanov72@mail.ru

Бакланова Ольга Александровна – кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии Гуманитарного института ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет» (г. Ставрополь); e-mail: mikeewa@yandex.ru

Baklanova Olga Aleksandrovna – Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Philosophy Department of the Humanities Institute, North Caucasus Federal University (Stavropol); e-mail: mikeewa@yandex.ru

Безруков Андрей Александрович – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русского языка и литературы ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет» (г. Армавир); e-mail: bezrukov1957@yandex.ru

Bezrukov Andrey Alexandrovich – Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Department of Russian Language and Literature, Armavir State Pedagogical University (Armavir); e-mail: bezrukov1957@yandex.ru

Безрукова Екатерина Сергеевна – аспирант 4 курса ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет» (г. Армавир); e-mail: bezrukov1957@yandex.ru

Bezrukova Ekaterina Sergeevna – 4th year Postgraduate Student, Armavir State Pedagogical University (Armavir); e-mail: bezrukov1957@yandex.ru

Галустов Роберт Амбарцумович – доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры теории, истории педагогики и образовательной практики ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет» (г. Армавир); e-mail: rgalustov@mail.ru

Galustov Robert Ambartsumovich – Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Professor of the Department of Theory, History of Pedagogy and Educational Practice, Armavir State Pedagogical University (Armavir); e-mail: rgalustov@mail.ru

Горина Сабина Андреевна – соискатель кафедры социально-гуманитарных дисциплин Института сферы обслуживания и предпринимательства (филиала) ФГБОУ ВО «Донской государственный технический университет» в г. Шахты Ростовской области (г. Шахты); e-mail: gorinasabina@mail.ru

Gorina Sabina Andreevna – Applicant for the Department of Social and Humanitarian Disciplines, Institute of Service and Entrepreneurship (Branch) of the Don State Technical University in the city of Shakhty (Shakhty); e-mail: gorinasabina@mail.ru

Губанова Марина Александровна – кандидат философских наук, доцент кафедры основ российской государственности ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет» (г. Армавир); e-mail: gubanovama2012@yandex.ru

Gubanova Marina Aleksandrovna – Candidate of Philosophy, Associate Professor of the Department of Fundamentals of Russian Statehood, Armavir State Pedagogical University (Armavir); e-mail: gubanovama2012@yandex.ru

Дьякова Елена Анатольевна – доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры математики и естественно-научных дисциплин ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет» (г. Армавир); e-mail: dja_e_an@mail.ru

Djakova Elena Anatoljevna – Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Professor of the Department of Mathematics and Natural Sciences, Armavir State Pedagogical University (Armavir); e-mail: dja_e_an@mail.ru

Елпашев Сергей Юрьевич – старший преподаватель кафедры электро-снабжения Забайкальского института железнодорожного транспорта – филиала ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет путей сообщения» в г. Чите (г. Чита); e-mail: elkka64@mail.ru

Yelpashev Sergey Yurievich – Senior Lecturer of the Power Supply Department, Zabaikal Railway Transport Institute, a Branch of Irkutsk State Transport University (Chita); e-mail: elkka64@mail.ru

Закиров Станислав Анварьевич – аспирант кафедры онтологии, теории познания и социальной философии ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Томский государственный университет» (г. Томск); e-mail: zakirov-mars@mail.ru

Zakirov Stanislav Anvaryevich – Postgraduate Student of the Department of Ontology, Theory of Knowledge and Social Philosophy, National Research Tomsk State University (Tomsk); e-mail: zakirov-mars@mail.ru

Золотых Наталья Владимировна – кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры педагогики и методики профессионального обучения ФГБОУ ВО «Волгоградский государственный аграрный университет» (г. Волгоград); e-mail: zoloto-nv17@mail.ru

Zolotykh Natalya Vladimirovna – Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Pedagogy and Methods of Vocational Training, Volgograd State Agricultural University (Volgograd); e-mail: zoloto-nv17@mail.ru

Калашников Глеб Александрович – аспирант 2 курса обучения института педагогики и психологии ФГБОУ ВО «Амурский гуманитарно-педагогический государственный университет»; главный инженер проекта АО «Дальневосточный проектно-изыскательский институт транспортного строительства» (г. Хабаровск); e-mail: glebkalashnikov.ca@gmail.com

Kalashnikov Gleb Aleksandrovich – 2nd year Postgraduate Student, Institute of Pedagogy and Psychology, Amur State University of Humanities and Pedagogy; project manager, Far Eastern Projecting and Surveying Institute of Transport Constructions (Khabarovsk); e-mail: glebkalashnikov.ca@gmail.com

Капиева Кнарлик Робертовна – кандидат педагогических наук, доцент, заведующая кафедрой педагогики, психологии и физической культуры ФГБОУ ВО «Краснодарский государственный институт культуры» (г. Краснодар); e-mail: kguki@list.ru

Kapieva Knarik Robertovna – Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Pedagogy, Psychology and Physical Education, Krasnodar State Institute of Culture (Krasnodar); e-mail: kguki@list.ru

Каспарян Константин Викторович – кандидат исторических наук, доцент, профессор кафедры исторических и социально-философских дисциплин, востоковедения и теологии ФГБОУ ВО «Пятигорский государственный университет» (г. Пятигорск); e-mail: kasparyan@pgu.ru

Kasparyan Konstantin Victorovich – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Historical and Socio-Philosophical Disciplines, Oriental Studies and Theology, Pyatigorsk State University (Pyatigorsk); e-mail: kasparyan@pgu.ru

Коваленко Виктор Иванович – доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры педагогики и методики профессионального образования ГБОУ ВО «Белгородский государственный институт искусств и культуры» (г. Белгород); e-mail: kovalprom@list.ru

Kovalenko Viktor Ivanovich – Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Professor of the Department of Pedagogy and Methods of Vocational Education, Belgorod State Institute of Arts and Culture (Belgorod); e-mail: kovalprom@list.ru

Колесников Илья Николаевич – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры исторических и социально-философских дисциплин, востоковедения и теологии ФГБОУ ВО «Пятигорский государственный университет» (г. Пятигорск); e-mail: in_kolesnikov@mail.ru

Kolesnikov Ilya Nikolaevich – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Historical and Socio-Philosophical Disciplines, Oriental Studies and Theology, Pyatigorsk State University (Pyatigorsk); e-mail: in_kolesnikov@mail.ru

Колядюк Мария Андреевна – аспирант ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского» (г. Симферополь); e-mail: kolyadyuk.mari@bk.ru

Kolyadyuk Maria Andreevna – Postgraduate Student, V.I. Vernadsky Crimean Federal University (Simferopol); e-mail: kolyadyuk.mari@bk.ru

Максютова Надежда Николаевна – кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры педагогики и методики профессионального обучения ФГБОУ ВО «Волгоградский государственный аграрный университет» (г. Волгоград); e-mail: maksyutovan@inbox.ru

Maksyutova Nadezhda Nikolaevna – Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Pedagogy and Methods of Vocational Training, Volgograd State Agricultural University (Volgograd); e-mail: maksyutovan@inbox.ru

Малахов Сергей Николаевич – кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник отдела истории Института истории и археологии РСО-Алания (г. Владикавказ); e-mail: malakhoffserg@mail.ru

Malakhov Sergej Nikolaevich – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Senior Researcher of the Department of History, Institute of History and Archeology of North Ossetia-Alania (Vladikavkaz); e-mail: malakhoffserg@mail.ru

Малахова Анастасия Сергеевна – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры отечественной и всеобщей истории ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет» (г. Армавир); e-mail: mlhvnastya@mail.ru

Malakhova Anastasia Sergeevna – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of National and General History, Armavir State Pedagogical University (Armavir); e-mail: mlhvnastya@mail.ru

Матвеев Владимир Александрович – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры отечественной истории XX–XXI вв. Института истории и международных отношений ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет» (г. Ростов-на-Дону); e-mail: vm-k2013@yandex.ru

Matveev Vladimir Aleksandrovich – Doctor of Historical Sciences, Professor, Professor of the Department of National History of the XX–XXI Centuries, Institute of History and International Relations, Southern Federal University (Rostov-on-Don); e-mail: vm-k2013@yandex.ru

Музалева Дарья Александровна – старший преподаватель кафедры педагогики и социальной работы ФГБОУ ВО «Ульяновский государственный педагогический университет имени И.Н. Ульянова» (г. Ульяновск); e-mail: volskovada@gmail.com

Muzaleva Darya Aleksandrovna – Senior Lecturer of the Department of Pedagogy and Social Work, Ulyanovsk State Pedagogical University (Ulyanovsk); e-mail: volskovada@gmail.com

Павлюк Светлана Викторовна – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры права и истории Пятигорского медико-фармацевтического института-филиала ФГБОУ ВО «Волгоградский государственный медицинский университет» (г. Пятигорск); e-mail: pavluksve@rambler.ru

Pavlyuk Svetlana Viktorovna – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Law and History of the Pyatigorsk Medical and Pharmaceutical Institute-Branch, Volgograd State Medical University (Pyatigorsk); e-mail: pavluksve@rambler.ru

Панарин Андрей Анатольевич – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры отечественной и всеобщей истории ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет» (г. Армавир); e-mail: panarin.arm@mail.ru

Panarin Andrey Anatolyevich – Doctor of Historical Sciences, Professor, Professor of the Department of National and General History, Armavir State Pedagogical University (Armavir); e-mail: panarin.arm@mail.ru

Панарина Елена Владимировна – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры отечественной и всеобщей истории ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет» (г. Армавир); e-mail: panarina.ist@mail.ru

Panarina Elena Vladimirovna – Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of National and General History, Armavir State Pedagogical University (Armavir); e-mail: panarina.ist@mail.ru

Партышев Иван Юрьевич – аспирант Института сферы обслуживания и предпринимательства (филиала) ФГБОУ ВО «Донской государственный технический университет» в г. Шахты Ростовской области (г. Шахты); e-mail: Partyshv2000@gmail.com

Partyshev Ivan Yuryevich – Graduate Student, Institute of Service and Entrepreneurship (Branch) of the Don State Technical University in the city of Shakhty (Shakhty); e-mail: Partyshv2000@gmail.com

Пахлян Нарине Мартиковна – аспирант ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет» (г. Армавир); e-mail: npakhlyan@mail.ru

Pahlyan Narine Martikovna – Postgraduate Student, Armavir State Pedagogical University (Armavir); e-mail: npakhlyan@mail.ru

Педенко Елена Ивановна – аспирант ФГБОУ ВО «Краснодарский государственный институт культуры» (г. Краснодар); e-mail: satsuro@mail.ru

Pedenko Elena Ivanovna – Graduate Student, Krasnodar State Institute of Culture (Krasnodar); e-mail: satsuro@mail.ru

Пчелина Ольга Викторовна – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры социальных наук и технологий ФГБОУ ВО «Поволжский государственный технологический университет» (г. Йошкар-Ола); e-mail: PchelinaOV@volgatech.net

Pchelina Olga Viktorovna – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Professor of the Department of Social Sciences and Technologies, Volga State University of Technology (Yoshkar-Ola); e-mail: PchelinaOV@volgatech.net

Равочкин Никита Николаевич – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры истории, философии и социальных наук ФГБОУ ВО «Кузбасский государственный технический университет имени Т.Ф. Горбачева»; профессор кафедры педагогических технологий ФГБОУ ВО «Кузбасский государственный аграрный университет имени В.Н. Полецкова» (г. Кемерово); e-mail: nickravochkin@mail.ru

Ravochkin Nikita Nikolaevich – Doctor of Philosophical Sciences, Associate Professor, Professor of History, Philosophy and Social Sciences Department, Kuzbass State Technical University Named After T.F. Gorbachev; Professor of Pedagogical Technologies Department, Kuzbass State Agricultural University Named After V.N. Poletskov (Kemerovo); e-mail: nickravochkin@mail.ru

Руденко Ангелина Андреевна – аспирант Института сферы обслуживания и предпринимательства (филиала) ФГБОУ ВО «Донской государственный технический университет» в г. Шахты Ростовской области (г. Шахты); e-mail: 89381243262qr@gmail.com

Rudenko Angelina Andreevna – Graduate Student, Institute of Service and Entrepreneurship (Branch) of the Don State Technical University in the city of Shakhty (Shakhty); e-mail: 89381243262qr@gmail.com

Руденко Андрей Михайлович – доктор философских наук, профессор, почетный работник сферы образования РФ, заведующий кафедрой социально-гуманитарных дисциплин Института сферы обслуживания и предпринимательства (филиала) ФГБОУ ВО «Донской государственный технический университет» в г. Шахты Ростовской области (г. Шахты); e-mail: amrudenko@list.ru

Rudenko Andrey Mykhailovich – Doctor of Philosophy, Professor, Honorary Worker of the Sphere of Education of the Russian Federation, Head of the Department of Social and Humanitarian Disciplines, Institute of Service and Entrepreneurship (Branch) of the Don State Technical University in the city of Shakhty (Shakhty); e-mail: amrudenko@list.ru

Тамашина Ярославна Николаевна – аспирант кафедры начального, основного и среднего общего образования ГБУ ДПО «Санкт-Петербургская академия постдипломного педагогического образования»; учитель истории и обществознания ГБОУ школа № 464 Пушкинского района Санкт-Петербурга (г. Санкт-Петербург); e-mail: geraslavna@yandex.ru

Tamashina Yaroslavna Nikolaevna – Postgraduate Student of the Department of Primary, Basic and Secondary General Education, St. Petersburg Academy of Postgraduate Pedagogical Education; Teacher of History and Social Studies, Secondary School No. 464, Pushkin district of St. Petersburg (Saint Petersburg); e-mail: geraslavna@yandex.ru

Чжэн Цзяо – соискатель кафедры педагогики и методики профессионального образования ГБОУ ВО «Белгородский государственный институт искусств и культуры» (г. Белгород); e-mail: 511696094@qq.com

Zheng Jiao – Applicant for the Department of Pedagogy and Methods of Vocational Education, Belgorod State Institute of Arts and Culture (Belgorod); e-mail: 511696094@qq.com

ИНФОРМАЦИОННОЕ ПИСЬМО
для авторов журнала
«ВЕСТНИК АРМАВИРСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ПЕДАГОГИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА»

Уважаемые коллеги!

Редакция журнала принимает к рассмотрению ранее не опубликованные научные статьи, научные обзоры, научные рецензии, отзывы. Периодичность: выходит 4 раза в год. Журнал включен в Российский индекс научного цитирования (https://elibrary.ru/title_about.asp?id=69302). **С 22.10.2021 года журнал входит в перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.**

Электронная версия журнала рассылается в течение **15 рабочих дней** после окончательной даты приема материалов.

Срок приема статей – до 15 февраля 2025 года.

Дата выхода журнала – март 2025 года.

Основные рубрики журнала:

Научные специальности*	Отрасли науки, по которым присуждаются ученые степени*
5.6.1. Отечественная история	Исторические науки
5.7.7. Социальная и политическая философия	Философские науки
5.8.1. Общая педагогика, история педагогики и образования	Педагогические науки
5.8.7. Методология и технология профессионального образования	Педагогические науки

Как опубликовать статью

1. Отправьте статью и сведения об авторе. Статьи принимаются только по электронной почте.

2. Для публикации материалов журнала необходимо в адрес редакции журнала vagpu@mail.ru направить:

- текст статьи (Приложение 1);
- отчет о проверке на антиплагиат;
- заявку на опубликование статьи и информацию об авторах (Приложение 2). **В случае соавторства каждый автор заполняет заявку отдельно!**

Внимание! Расчет стоимости публикации и оплата производятся только после приема материалов редколлегией.

Расценки за услуги по публикации статей:

Публикация 1 страницы текста (при подсчете количество страниц округляется в большую сторону до целого числа) составляет **700 рублей**.

Правила оформления статьи

Объем до 16 страниц (шрифт Times New Roman Суг, 14 кегль, через 1,5 интервала). Ширина всех полей – 20 мм. Выравнивание текста – по ширине. Расстановка переносов автоматическая. Файл обязательно предоставляется с расширением **doc*.

- 1) Шифр специальности в соответствии с номенклатурой ВАК.
- 2) УДК (Универсальная десятичная классификация). УДК оформляется в соответствии с информационно-справочной системой <http://www.naukapro.ru/metod.htm>.
- 3) Заглавие статьи на русском языке.
- 4) Фамилии и инициалы автора(ов) на русском языке.
- 5) Ключевые слова объемом не более 7–10 слов.
- 6) Аннотация на русском языке. Аннотация должна быть информативной, оригинальной, содержательной, структурированной, компактной (укладываться в объем от 100 до 250 слов).

7) Пункты 3–6 на английском языке.

(Обращаем Ваше внимание, что программный перевод не всегда корректно переводит отдельные предложения, в связи с этим редакция журнала настоятельно рекомендует обращаться к специалисту).

8) Текст статьи (**не менее 8 страниц без списка литературы**).

9) **Список литературы на русском языке, оформленный в соответствии с ГОСТ Р 7.0.100–2018, и на английском языке, оформленный в соответствии с нижеуказанными правилами (в том числе не менее 2 иностранных источников на иностранном языке).**

Библиографические ссылки на *пристатейный список литературы* должны быть оформлены с указанием в строке текста в квадратных скобках цифрового порядкового номера и через запятую номеров соответствующих страниц. Например: [1, с. 15].

Пристатейный список литературы должен быть оформлен согласно ГОСТ Р 7.0.100–2018 с указанием обязательных сведений библиографического описания.

Пристатейный список литературы в романском алфавите, озаглавленный как **REFERENCES**, составляется *в порядке, полностью идентичном русскоязычному варианту с аналогичной нумерацией*. References помещается после списка литературы на кириллице.

References должен быть оформлен согласно следующим правилам:

1. Авторы (транслитерация), название статьи в транслитерированном варианте [перевод названия статьи на английский язык в квадратных скобках], название русскоязычного источника (транслитерация) [перевод названия источника на английский язык – парафраз (для журналов можно не делать)], выходные данные с обозначениями на английском языке.

2. Запрещается использовать знаки «//» и «-» для разделения структурных элементов библиографического описания.

Пример:

1. Zagurenko A. G., Korotovskikh V. A., Kolesnikov A. A., Timonov A. V., Kardymon D. V. Techno-economic optimization of the design of hydraulic fracturing. *Neftyanoe khozyaistvo = Oil Industry*, 2008, no. 11, pp. 54–57. (In Russian).

2. Lindorf L. S., Mamikonians L. G., eds. *Ekspluatatsiia turbogeneratorov s neposredstvennym okhlazhdeniem* [Operation of turbine generators with direct cooling]. Moscow, Energiia Publ., 1972. 352 p.

Правила транслитерации

Для транслитерации с кириллического алфавита в романский необходимо использовать автоматические системы транслитерации и переводчика. Рекомендуется пользоваться системой на сайте <http://translit-online.ru/>.

9) Сведения об авторах заполняются на русском и английском языке в соответствии с Приложением 2.

Шифр специальности: 5.7.7.

УДК 343.9.01

АНАТОЛИЙ КОНИ О ПРАВОВЫХ ОСНОВАНИЯХ НЕОБХОДИМОЙ ОБОРОНЫ

И.И. Иванов¹, П.П. Петров²

¹ Армавирский государственный педагогический университет,
г. Армавир, Российская Федерация

² Армавирский лингвистический социальный институт,
г. Армавир, Российская Федерация

Аннотация. Дипломная работа студента юридического факультета Московского университета А.Ф. Кони «О праве необходимой обороны» была написана в 1865 г. Исследование А.Ф. Кони считается одним из первых историко-правовых и догматических изложений учения о праве необходимой обороны в русской юриспруденции. В нем он остановился на проблемах теории права необходимой обороны; дал критический анализ имеющихся трудов по этому вопросу; проанализировал различные аспекты действующего законодательства по проблеме необходимой обороны. До сих пор данная работа представляет научный интерес в изучении такого важного понятия уголовного права, как институт необходимой обороны. В статье раскрываются некоторые взгляды выдающегося юриста на общие правовые основания необходимой обороны.

Ключевые слова: право человека на необходимую оборону, условия права необходимой обороны, границы необходимой обороны, превышение ее пределов.

ANATOLY KONI ON THE LEGAL FOUNDATIONS OF NECESSARY DEFENCE

Ivan I. Ivanov¹, Petr P. Petrov²

¹ Armavir State Pedagogical University, Armavir, The Russian Federation

² Armavir Lingvistic Social Institute, Armavir, The Russian Federation

Abstract. The earliest work of A.F. Koni "On the right of self-defense" was written for a candidate degree at the Faculty of Moscow University in 1865, A.F. Koni's research is one of the first historical and legal expositions of the doctrine on the right of self-defense in Russian law. In it he focused on the problems of self-defense theory of law; gave a critical analysis of previous works on the subject; analyzed the various aspects of the current legislation on the issue

of self-defence. Therefore, the work of graduate student A.F. Kony is still an interesting scientific study that represents such important concepts of criminal law as an institution of self-defense. The paper describes some of the views of the outstanding jurist to the general legal basis of self-defense.

Keywords: *human right to self-defence, self-defense right conditions, the boundaries of self-defence, exceed the limit on self-defence.*

ТЕКСТ СТАТЬИ

Текст [1, с. 16], Текст [2, с. 16], Текст [3, с. 16].

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Тенишев, В. В. Правосудие в русском крестьянском быту / В. В. Тенишев. – Брянск : Тип. Л.И. Итина и Ко, 1907. – 192 с. – Текст : непосредственный.
2. Карцев, Е. Наше сельское правосудие / Е. Карцев. – Текст : непосредственный // Вестник Европы. – 1882. – № 2. – С. 755–774.
3. Фрэнк, С. Народная юстиция, община и культура русского крестьянства. 1870–1900 / С. Фрэнк. – URL: http://www.ec-dejavu.net/m/Mob_murder.html (дата обращения: 15.01.2024). – Текст : электронный.
4. Benson B. L. Customary Law / B. L. Benson // Encyclopedia of Law and Economics. – 2014. – June 21. – P. 1–10.

REFERENCES

1. Tenishev V. V. *Pravosudie v russkom krest'yanskom bytu* [Justice in Russian Peasants' Lives]. Bryansk, L.I. Itin i Ko Publ., 1907. 192 p. (In Russian).
2. Kartsev E. Our peasants' justice. *Vestnik Evropy = European Bulletin*, 1882, no. 2, pp. 755–774. (In Russian).
3. Frenk S. *Narodnaya yustitsiya, obshchina i kul'tura russkogo krest'yanstva. 1870–1900* [People's justice, community and culture of Russian peasants. 1870–1900]. URL: http://www.ec-dejavu.net/m/Mob_murder.html. (In Russian).
4. Benson B. L. Customary Law. *Encyclopedia of Law and Economics*, 2014, June 21, pp. 1–10.

ЗАЯВКА НА ОПУБЛИКОВАНИЕ СТАТЬИ

Я, _____

Иванов Иван Иванович – начальник управления научно-исследовательской деятельностью Армавирского государственного педагогического университета, кандидат юридических наук, доцент, г. Армавир, Российская Федерация; e-mail: ivanov@inbox.ru, тел.: 8-900-123-45-67,

Ivanov Ivan Ivanovich – scientific research department director, Armavir State Pedagogical University, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Armavir, Russian Federation; e-mail: ivanov@inbox.ru, tel.: 8-900-123-45-67,

сообщаю, что представленная статья не публиковалась ранее в других изданиях в ее нынешней или близкой по содержанию форме и не находится на рассмотрении в редакциях других изданий. Все возможные конфликты интересов, связанные с авторскими правами и опубликованием рассматриваемых статей, урегулированы.

Публикация статьи не нарушает ни одно из существующих авторских прав и гарантирует издателю возмещение убытков в случае выявления подобных нарушений. Для распространения материалов издателю передается исключительное право собственности на рукопись, если не предусмотрено иное.

Предоставляю издателю неисключительное право на:

- редактирование статьи, не изменяющее ее принципиальных положений;
- использование произведения через продажу журнала и распространение его по подписке;
- размещение полнотекстовой версии произведения в открытом доступе на сайте журнала, Научной электронной библиотеки (www.elibrary.ru), в иных базах данных научной информации, электронно-библиотечных системах, научных информационных ресурсах в сети Интернет;
- использование на безвозмездной основе метаданных (название, имя автора (правообладателя), аннотация, библиографические материалы и пр.) с целью их включения в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) и доведения до всеобщего сведения, обработки и систематизации в других базах цитирования.

Предоставляю Издательству свои персональные данные без ограничения по сроку (фамилия, имя, отчество; сведения об образовании; сведения о месте работы и занимаемой должности) для их хранения и обработки в различных базах данных и информационных системах, включения в аналитические и статистические отчетности, создания обоснованных взаимосвязей объектов произведений науки, литературы и искусства с персональными данными и т. п. Издатель имеет право передать указанные данные для обработки и хранения третьим лицам.

Настоящим гарантирую Издательству, что я являюсь автором произведения и что на момент направления настоящей статьи в Издательство все интеллектуальные права на произведение принадлежат мне, не находятся в залоге, не состоят под арестом и не обременены правами третьих лиц каким-либо иным образом.

Настоящим даю свое согласие на внесение в Произведение, по усмотрению Издательства, изменений, сокращений, дополнений, на снабжение Произведения при его использовании иллюстрациями, предисловием, послесловием, комментариями или какими бы то ни было пояснениями, при условии, что такие изменения, сокращения, дополнения, иллюстрации, предисловия, послесловия, пояснения и / или комментарии не извращают и не искажают смысл Произведения или какой-либо его части.

Печатный вариант журнала прошу выслать по адресу: **352900, Краснодарский край, г. Краснодар, ул. Розы Люксембург, 174, кв. 78.**

Я гарантирую, что в представленной мною статье «_____ (название статьи)» отсутствуют нарушения публикационной этики журнала.

Оплату публикационного взноса гарантирую. С условиями публикации согласен(а).

Автор: _____
(подпись) (фамилия и инициалы)

« » _____ 20__ г.

Научное издание

ВЕСТНИК АРМАВИРСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ПЕДАГОГИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Научный журнал

№ 4 2024

Журнал входит в перечень ВАК

Редакционно-издательский отдел
Начальник отдела: А.О. Белоусова
Компьютерная вёрстка: Л.В. Зданевич
Печать и послепечатная обработка: И.Д. Фролов
Дата выхода в свет: 27.12.2024. Формат 60×84/8.
Усл. печ. л. 27,91. Уч.-изд. л. 15,81. Тираж 300 экз.
Заказ № 44/24. *Цена свободная.*

Отпечатано в Редакционно-издательском отделе
ФГБОУ ВО «Армави́рский государственный педагогический университет»
Адрес: 352900, г. Армавир, ул. Ефремова, 35
☎ 8(86137)32739, e-mail: rits_agpu@mail.ru, сайт: rits.agpu.net

Издатель: ФГБОУ ВО «Армави́рский государственный педагогический университет»
Адрес издателя:
352900, г. Армавир, ул. Ефремова, 35
☎ 8(86137)32739, e-mail: rits_agpu@mail.ru, сайт: rits.agpu.net

Адрес редакции: 352901, г. Армавир, ул. Р. Люксембург, 159, ауд. 4